

ХРОНИКА

В отделе хроники редакция помещает отчеты о заседаниях Общества Любителей Российской Словесности, посвященных памяти Пушкина, о заседаниях Пушкинской Комиссии О-ва, а также сведения о заседаниях других научных и литературных обществ, как московских, так и иностранных, если в этих заседаниях читались доклады, имеющие отношение к Пушкину. Затем, в отдел хроники войдут сведения о вечерах, устраиваемых в честь Пушкина, о новых театральные постановках пушкинских пьес (а также опер на пушкинские сюжеты), о преподавании пушкиноведения в высшей школе, о выставках, устраиваемых в память Пушкина, о готовящихся к изданию работах по Пушкину и т. д.

Принимая во внимание условия последних лет, отдел хроники дает не только сведения за текущее время¹, но и отчеты о заседаниях, докладах и пр. за предыдущие годы, начиная с 1917-го по 1922-ой. Хроника первого выпуска, естественно, обречена на большую неполноту; в нее входят, почти исключительно, сведения из московской жизни. Стремясь в дальнейшем к возможно большей полноте, редакция сборника «Пушкин» обращается с просьбой ко всем, кому дороги интересы пушкиноведения, присылать сведения, отчеты и пр., как о фактах современной литературной жизни, имеющих отношение к Пушкину (см. приведенную ниже программу), так и о заседаниях, докладах и пр., имевших место, начиная с 1917 г. С особой просьбой редакция

¹ Составление текста хроники было закончено летом 1922 г.; от введения позднейшего материала, за исключением отчетов о заседаниях О. Л. Р. Сл. и Пушк. комиссии в 1922—23 ак. году, пришлось отказаться, ввиду невозможности увеличивать размеры сборника.

обращается к председателям и секретарям различных обществ, — высылать копии протоколов заседаний с докладами о Пушкине, тезисы докладов и т. п. сведения.

Весь присылаемый материал можно адресовать секретарю Пушкинской Комиссии О. Л. Р. Сл.—Н. Н. Ф а т о в у, по адресу: — Москва, Трубниковский пер., д. 26, кв. 12; тел. 2—45—72.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
ПРИ 1-ом МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Отчет о заседаниях О-ва, посвященных Пушкину, начиная с 1917 года.

1. Заседание 7-го октября 1917 г.—в зале Правления 1-го М. Г. Университета.

Доклад П. Н. Сакулина на тему: «Пушкин и Радищев»¹.

В прениях приняли участие Н. Л. Бродский, Н. П. Сидоров, А. Е. Грузинский и Ю. М. Соколов.

Н. Л. Бродский, считая доклад образцом строгого историко-литературного метода, указал, что в развитии мировоззрения Пушкина, в частности, его общественной психологии, не было никакого перелома; разница во взглядах Пушкина и Радищева чувствуется еще задолго до статей о Радищеве; достаточно сравнить оду «Вольность» Пушкина с одой Радищева под тем же заглавием. Пушкин высказывается против насильственного и кровавого переворота, хотя и ненавидит тиранов. Но к 30-м годам у Пушкина мог особо развиться «дух испоризма», может быть, отчасти под влиянием немецкого идеализма и немецкой романтики. Эстетическое же оправдание мира дало Пушкину тот элемент примиренности, который у него так ярко сказывается в последние годы жизни.

Н. П. Сидоров, присоединяясь к основным мыслям докладчика, останавливается на 1-й редакции стих. «Я памятник себе воздвиг», в которой упоминается имя Радищева. Какое «восславление свободы» вспоминал и ставил себе в заслугу Пушкин в этих строках? Вероятнее всего, Пушкин думал о стихотворении «Деревня», а не об оде

¹ В виду того, что доклад П. Н. Сакулина уже появился в печати (проф. П. Н. Сакулин. Пушкин. Историко-литературные эскизы. Пушкин и Радищев. Новое решение старого вопроса. «Альциона». П. 1920. 75 стр.)—он здесь не излагается.

«Вольность», которую он едва ли мог дорожить в 1836 г. В «Деревне», несомненно, чувствуется рефлекс чтения «Путешествия» Радищева, но во второй половине стихотворения молодой Пушкин как бы вступает в спор с Радищевым, высказываясь против ниспровержения крепостного права революционным путем.

А. Е. Грузинский также примыкает ко всем основным положениям доклада, но для него все же является необъяснимым тот тон, которым Пушкин иногда говорит о Радищеве в своих статьях, и эпитеты, применяемые к Радищеву; особенно странным представляется, что Пушкин отказал Радищеву даже в искренности. Пушкин, казалось бы, должен был понять, что за манерой надо рассмотреть человека, тем более, что Пушкин сам в свое время был обязан этой манере. Высказаться вполне откровенно Пушкину мешали цензурные условия. Западничество тона вызывается отчасти, может быть, стремлением преодолеть в самом себе XVIII век. В докладе оставлен в стороне вопрос—как же быть читателям, т.-е. полагаем ли, что Пушкин был прав в своей оценке, данной Радищеву, или не прав.

Ю. М. Соколов обращает внимание на слова Пушкина о стиле Радищева: «надутый, но искренний»;—стало быть, нельзя утверждать, будто Пушкин отказывал Радищеву и в искренности.

П. Н. Сакулин, отвечая своим оппонентам, указал, что 1) он не говорил о «переломе» в мирозерцании Пушкина; Пушкин всегда оставался Пушкиным, но разница в настроениях в различные периоды жизни все же была; философия немецкого идеализма глубокого влияния на Пушкина не оказала, но известная родственность с нею у Пушкина была; 2) мысль о влиянии «Путешествия» Радищева на «Деревню» Пушкина представляется ему в высшей степени интересной, тем более, что мы не имеем фактических данных о знакомстве Пушкина в эпоху создания «Деревни» с знаменитой книгой Радищева; 3) он не задавался целью дать оценку Радищеву, да и двух мнений в этом вопросе быть не может—место, занимаемое Радищевым в истории нашей общественной мысли, достаточно почетно; задачей доклада было указать, как Пушкин относился к Радищеву; Пушкин не считал Радищева неискренним, но упрекал его в пошлости, в позе, в напыщенности стиля, а главное,—в отсутствии историзма; эту оценку Радищева нельзя, конечно, признать вполне объективной, но психо-

логически и исторически она вполне понятна: Радищев и Пушкин—представители двух различных культур, двух веков.

2. Заседание 9-го марта 1920 г.—там же.

Доклад Б. М. Соколова на тему: «Две Марии» («Полтава» Пушкина)¹.

По докладу высказались П. Н. Сакулин, Н. Л. Бродский, А. Е. Грузинский и П. Г. Богатырев.

П. Н. Сакулин сказал, что идея доклада ему представляется плодотворной, а сделанные сближения убедительными. Все ранние исследования шли как бы по периферии, в докладе же открываются тайники творчества Пушкина. Правильно намечены связи с декабризмом, отношения Пушкина к власти. Следовало бы приспальнее взглядеься в Мазепу; может быть, его образ репуширован в духе отношений поэта к Волконскому, и пушкинская характеристика Мазепы, быть может, продиктована местью к Волконскому, местью за любимую женщину.

Н. Л. Бродский, отметив правильность методологических приемов докладчика, отыскивающего в образах, казалось бы, совершенно объективных, глубокий авторский субъективизм, указал, что обильный материал доклада дает основание и для некоторых сомнений относительно прочности выводов докладчика. М. Волконская—«утаенная любовь» Пушкина, но почему же поэт историческое имя дочери Кочубея заменил как раз Марией? Что касается сходства внешнего облика двух Марий, то в материале доклада есть данные прямо противоположного свойства; напр., Веневитинов говорит про М. Н. Волконскую, что она была «не хороша собой». Нельзя забывать, что психологические особенности характеров обеих Марий совершенно различны. В «Полтаве» Пушкина интересовал сильный, трагический характер оболщенной дочери, в образе М. Н. Волконской—эпих черт быть не могло. Наконец, Н. Л. Бродский указывает, что не все те стихотворения и образы, которые докладчик считает навеянными М. Н. Раевской, могут быть отнесены к ней, напр., черкешенка ни в малой мере

¹ В виду того, что доклад вошел в книгу Б. М. Соколова «Мария Волконская и Пушкин» М., изд. «Задруга», 1922, он здесь не излагается.

не М. Раевская, которой было всего 15 лет в эпоху создания «Кавказского Пленника» — ребенка поэт не назвал бы женщиной.

П. Н. Сакулин, указывает, что он вполне согласен с замечанием Н. А. Бродского по поводу черкешенки из «Кавказского Пленника».

А. Е. Грузинский находит плодотворной мысль, лежащую в основе доклада.

П. Г. Богатырев указывает, что аналогии в описании наружностей обеих Марий, может быть, просто поэтические *loci communes*. Доклад привлекает к сравнению мемуары, письма. Но знал ли Пушкин всю эту семейную интимную историю?

Б. М. Соколов, отвечая оппонентам, сказал, что он весьма далек от утверждения полного тождества между обеими Мариями. Что же касается замечания П. Г. Богатырева, то в докладе было указано, что Пушкин был близок к семьям Волконских и Раевских, знал их семейную драму и смотрел на нее глазами Раевских.

---

3. Заседание 7-го ноября 1920 г.—там же.

а) П. Н. Сакулин прочел сообщение, посвященное памяти недавно скончавшегося П. О. Морозова, как пушкиниста.

Отметив главные этапы научной деятельности П. О. Морозова, докладчик охарактеризовал его, как ученого, лишённого яркой индивидуальности, склонного к общепринятым мнениям, даже шаблонам, чуждого уменья вглядеться в новые литературные явления. Так, в сумеречные 90-е г.г. Морозов видел в декадентстве лишь юродство, не понял значения работ символистов над художественной формой. Особенно типичны для Морозова его историко-литературные обзоры, в которых он является словно туристом с Бедкером в руках. Таков его обзор русской литературы XIX в., где он подходит к предмету исключительно с историко-культурной точки зрения, в духе Пыпина и Венгерова. Характерно для него, что в своем обзоре он обошел и Чехова, и Брюсова, и Бальмонта.

Были у Морозова две прочные симпатии — театр и Пушкин, особенно последний. Но и здесь, зная Пушкина, как никто в его время, Морозов не сказал ничего нового. В характеристике Пушкина, особенно где речь идет об обще-

ственных взглядах поэта, Морозов дальше Белинского не пошел.

Громадной заслугой Морозова, однако, является редактирование пушкинского текста. Он проделал эту работу дважды—в 1887 году для издания Литературного Фонда, и в 1903 г.— для издания «Просвещения». Первое издание было хорошо, хотя и не безукоризненно, на что указывал В. Е. Якушкин. Не была использована часть рукописей, слабо использованы печатные тексты, почти не было вариантов, встречались фактические погрешности; редактор пользовался изданием Ефремова, но не ссылаясь на него. Издание «Просвещения» дало улучшенный текст и, несмотря на некоторые ошибки, доселе остается одним из наиболее авторитетных. После смерти В. Е. Якушкина, Морозов закончил редактирование III тома академического издания Пушкина и целиком под своей редакцией выпустил IV том. Между прочим, Морозов расшифровал отрывки X гл. «Евгения Онегина», где речь идет о восстании декабристов, что вводит новые черты в понимание образа Онегина. Морозов знал одну чистую, светлую привязанность, которую донес до могилы; эпою привязанностью был Пушкин.

б) Во второй части заседания Н. П. Кашин прочел сообщение о новом издании сочинений Пушкина под редакцией В. Я. Брюсова (Государственное Издательство, т. I, ч. I. Лирика. М. 1919).

Указав на интерес, который возбуждает каждое новое издание творений великого поэта, особенно сделанное таким авторитетным лицом, как В. Я. Брюсов, Н. П. Кашин отметил прежде всего двойственность целей последнего издания: оно, по мысли редактора, должно обслуживать интересы и ученого исследователя, и рядового читателя. Отсюда—ряд странностей: объяснения собственных имен, иностранных слов, ненужное для исследователя, и варианты, реконструкция набросков, излишние для обыкновенного читателя. План издания, выработанный особой комиссией при Наркомпросе, тоже возбуждает сомнения. Он предусматривает деление произведений Пушкина по «родам», соблюдая внутри каждой части хронологический порядок. В каждом хронологическом периоде два отдела—законченные вещи и наброски. Для неподготовленного читателя отрывки не нужны, исследователь же справедливо пожелает иного расположения материала, а также устранения ряда фактических ошибок. Несмотря на заявление

В. Брюсова, что он выдержал «характерные черты пушкинской орфографии, сопровождавшие его всю жизнь», этого не сделано. Текст издания местами произволен. Это касается, прежде всего, заглавий. В. Брюсов заявляет, что, связанный временем, он не мог всегда обращаться к первоисточникам, но что текст сверен с первопечатным, со всеми изданиями, факсимиле, частью с рукописями. Рядом примеров Н. П. Кашин показывает, как мало обосновано приведенное заявление. Напр., В. Я. Брюсов говорит, что для «Певца» он дает текст «Северного Наблюдателя» 1817 г., а на самом деле у него текст 1826 г., да и то с ошибкой. По отношению к пьесе «Выздоровление» Брюсов не справился с изданиями 1826 и 1829 г.г., а также с примечаниями к академическому изданию. В элэгию «Редеет облаков...» не внесены из автографа некоторые любопытные подробности. По поводу «Узника», напечатанного по изданию 1832 г., Брюсов говорит, что его автограф утрачен, между тем как он воспроизведен в издании автографов Пушкина кн. Олега Константиновича. Таких примеров докладчиком приведено более 20, с оговоркой, что всего он не исчерпал. Новое издание не может заменить авторитетнейших из старых изданий и не может претендовать на научную ценность.

После доклада были высказаны замечания В. Е. Чешихиным-Ветринским, А. М. Хирьяковым и П. Н. Сакулиным.

В. Е. Чешихин-Ветринский всецело присоединяется к общей оценке нового издания Пушкина, данной докладчиком. Что касается порядка размещения произведений, то хронологический принцип, — разумеется, не столь безнадежно скомпрометированный, как у М. Лемке при издании Герцена, — повидимому, необходим. Нельзя отвергать и старого распределения по родам, которое может быть коррептировано хронологическими указаниями, биографической канвой и т. д. Вообще в этом серьезном и трудном вопросе нужен коренной пересмотр.

А. М. Хирьяков замечает, что в нормальное время следовало бы сказать и о внешности издания, о качестве бумаги, о цене, общедоступности и т. д. Теперь говорить об этом не приходится.

П. Н. Сакулин сказал, что выход нового издания сочинений Пушкина — огромное событие. Мы ждали его долго. Ведь мы знали, что В. Я. Брюсов — выдающийся пушкинист, что ему хорошо известны требования, предъявляемые

к научным изданиям классиков, знали, наконец, те требования, которые сам В. Брюсов предъявлял к другим редакторам Пушкина. Новое издание появилось,—и приходится сказать, что нас постигло горькое разочарование.

Демократический читатель запутается в дебрях вариантов, не полюбит Пушкина в том хаотическом виде, в каком дает ему творения поэта В. Я. Брюсов. Очевидно, ложные понятия и интересы этого читателя вызвали появление примечаний, портящих дело. Примечания, во что бы то ни стало, стараются изобразить Пушкина поэтом революционным от начала до конца, стараются «оправдать» Пушкина за «Стансы» к Филарету, подчеркивают, что «вишней» в «Клеветникам России» совсем не поляки, что Пушкин вовсе не был суверен, хотя и написал «Приметы», и т. д. Научный исследователь обратит прежде всего внимание на редакторские приемы В. Я. Брюсова. Они поднимают вновь много принципиальных вопросов. Есть два типа редакторов: редактор-исследователь и редактор более скромный, стремящийся лишь к объективному восстановлению текста по тем данным, которыми он располагает. Предпочтителен второй тип редактора. Первый вносит много субъективного, как, напр., М. О. Гершензон в изданиях сочинений Огарева и Киреевского. В. Я. Брюсов—редактор-исследователь, да к тому же и поэт, пытающийся продолжать Пушкина. Это вредно отразилось на его редакторской работе. В расположении материала сказывается какой-то схематизм, искусственно созданные клетки. Хронологический принцип мог бы быть удержан, но с необходимыми коррективами, позволяющими иногда отступить от строго хронологического порядка.

Наконец, В. Я. Брюсов иногда восстанавливает текст поэта крайне произвольно, так что получается текст не пушкинский, а брюсовский. Так, напр., 2 строфа стихотворения «Иностранке» напечатана с пропусками, 1, 3 и 5 строфы—без пропусков, но стоит обратиться к примечаниям, чтобы увидеть, что от Пушкина не дошло до нас ни одной цельной строфы. Здесь—пример виртуозности В. Я. Брюсова, его поэтический *tour de force*,—но не стихотворение Пушкина. Хорошо, что в данном случае есть длинный пушкинский текст в примечании, и мы можем разобраться, но что делать в других случаях, где подобных примечаний нет? Ключительные слова доклада Н. П. Кашина суровы, но к ним нельзя не присоединиться.

4. Заседание 19-го декабря 1920 г.—в аудитории Психологического Института I МГУ-та.

В. М. Жирмунский прочитал доклад на тему: «Байронические поэмы Пушкина (композиция, форма, стиль)»¹.

После доклада состоялись прения, в которых приняли участие Ю. М. Соколов, П. Н. Сакулин, Н. Л. Бродский, А. А. Буслаев, А. Е. Грузинский и М. М. Кенигсберг.

Ю. М. Соколов выражает удовлетворение, что докладчик взялся за пересмотр вопроса, решения которого, данные до сих пор, превратились в шаблон. Самое важное то, что докладчик точно и научно установил разницу между художественными приемами Байрона и Пушкина. К итогам докладчика оппонент присоединяется. Но есть одно недомыслие. Некоторые особенности стиля разбираемых поэмов докладчик возводит к влиянию Байрона. Однако особенности эпико-лирические отступления, резкие переходы, перерывы повествования вопросами и восклицаниями—встречаются и в «Руслане и Людмиле», т. е. там, где о влиянии Байрона говорить, конечно, не приходится. Как объяснить это явление? Не нужно ли по отношению к указанным приемам отбросить эпитет «байронические»?

В. М. Ж и р м у н с к и й отвечает, что необходимо, конечно, и обратный опыт, который явился бы завершением сделанной им работы. Указания на «Руслана и Людмилу», сделанные Ю. М. Соколовым, справедливы, но это ведь лишь отдельные элементы лирического стиля вообще. При анализе, который произведен в докладе, учитывалась степень их спаянности, стиль в целом. Да, вопросы, восклицания, перерывы повествования—вечные средства поэзии, но надо определить, как ими пользуется данный поэт. «Руслан и Людмила»—эпическое повествование, в котором нет «закругленности» всей поэмы около одного героя. Доклад дал общие, основные черты лирической поэмы и присоединил сюда лишь наиболее существенные замечания о стиле. Между прочим, в «Руслане и Людмиле» нет существеннейшего

¹ Содержание доклада не излагается; см. статьи В. М. Жирмунского: 1) «Байронизм Пушкина, как историко-литературная проблема». «Пушкинский Сборник памяти С. А. Венгерова» П. 1923; 2) «Вокруг «Кавказского Пленника» Пушкина». «Литературная Мысль» 1923, вып. II. Ср. недавно вышедшую книгу В. М. Жирмунского: «Байрон и Пушкин». Ленинград. 1924.

признака лирической поэмы — вершинности повествования, а также строфичности; если приведенная Ю. М. Соколовым строфа начинается словами «Но между тем», то это способ не разрыва, а связывания. В «Руслане и Людмиле» есть вопросы, прерывающие повествование, но это не совсем то, что мы находим в байроновской поэме. Только органическая совокупность всех приемов спила в связи с тематическим сходством является в данном случае решающим.

Ю. М. Соколов, соглашаясь с докладчиком, что есть различия в спиле «Руслана и Людмилы» и последующих поэм Пушкина, настаивает, что следовало бы дать более точное определение отдельным стилистическим моментам, которые В. М. Жирмунский называет «байроническими».

П. Н. Сакулин с удовлетворением констатирует, что В. М. Жирмунский, автор двух превосходных работ о немецком романтизме, перешел к исследованию творчества Байрона. Почему байронизм — явление романтическое? Если исходить из немецкого романтизма, то получить ответ на этот вопрос трудно. Докладчик этого вопроса не коснулся, за что, впрочем, его трудно упрекать, т. к. тема доклада не давала к тому повода.

Доклад ставит несколько крупных вопросов. Прежде всего — проблема литературного влияния. В. М. Жирмунский совершенно справедливо опорочил метод голых сопоставлений. Докладчик устранил вопрос о взаимодействии личностей обоих поэтов, перешел к лирической поэме, как таковой, и дал ряд таких богатых наблюдений, что морфология лирической поэмы, совершенно не разработанная раньше, теперь становится ясной. Метод докладчика правилен: дается сравнение художественных стилей в целом. Но достаточно ли такого анализа? Как будто неопровержимым доказательством чему могут служить сомнения, возникшие у Ю. М. Соколова. Докладчик правильно возразил ему, что надо брать художественный стиль в целом, но не чувствуется ли, что этот прием надо чем-то дополнить? Что придает единство всем разрозненным стилистическим особенностям? В чем первооснова этого единства? Как ее найти? Надо обратиться к душе художника, не упуская, в каком отношении к психологии автора и его героев находится особенность спила и их сочетание. Ведь если понимать стиль широко, — а только так его и надо понимать, — то он обнимает всю совокупность творческих приемов автора. А это неминуемо приводит нас к психо-

логии автора и его героев, и тогда стилистическая схема приобретает психологическую жизненность, тогда явится одухотворяющее, объединяющее начало.

Только при таком подходе и объясняется, почему байронизм есть романтизм. Иррациональность, обреченность, демонизм героев должны быть приняты во внимание, введены в исследование; они определяют и композицию, и сюжеты, и стиль. Словом, надо ввести элемент психологический. Он многое исполкует и даст целостность нашему представлению о байронизме. И Пушкин тогда выступит в настоящем свете, станет ясным, почему его герои не те, что у Байрона; почему они не занимают того места, что в поэмах английского поэта. Тогда стал бы понятнее и перевес классических приемов у Пушкина, его близость к пластике, скульптуре, классицизму или художественному реализму, поскольку эти два стиля соприкасаются. Ценность работы докладчика только выиграла бы, если бы он ввел психологический анализ авторов и их героев. Но и без этого — доклад В. М. Жирмунского высоко поучителен для историков литературы.

В. М. Жирмунский говорил, что проблема, выдвинутая П. Н. Сакулиным, ему близка. Он соглашается, что надо искать объединяющего принципа, но вопрос этот крайне сложен. Быть может, для решения его надо привлечь факты сверхэстетического порядка. Личность художника есть поэтическая личность. Где искать ее выражения? Письма, дневники обычно дают иное впечатление, чем анализ творчества. Надо проникнуть в творчество писателя и там искать его душу. Задача громадной трудности. Пока попытки решения ее могут привести лишь к общим, мало говорящим формулам. Поневоле приходится погружаться в исследования стиля, хотя ясно сознаешь, что этого мало. Быть может, поставленную П. Н. Сакулиным проблему могут разрешить критики-импрессионисты.

Н. Л. Бродский указывает, что художественное творчество есть акт, раскрывающий душу творца в художественном произведении. За самым объективным произведением скрывается портрет автора. Приемы стиля должны соответствовать внутренним влечениям души автора. Если влияние стиля глубоко, — значит были органические совпадения между двумя писателями. Если нет — речь может идти лишь о случайных влияниях, о пене, случайно нанесенной, о случайных совпадениях, сказавшихся в некоторых деталях. Вопрос надо поставить так, как его

поставил П. Н. Сакулин. И вовсе не надо думать, что решить его можно только путем интуиции. Нет, есть строго объективный, научный путь. Есть письма писателя, его дневники, мемуары о нем. На этом фундаменте личность, психология автора может быть вскрыта, и тогда можно было бы решить, существует знак равенства между двумя писателями, или нет. И только в случае утвердительного ответа можно говорить о глубоком влиянии Байрона на Пушкина в области стиля.

В. М. Жирмунский, отвечая Н. Л. Бродскому, подчеркивает, что его методологическая позиция и позиция оппонента абсолютно различны. Если принять точку зрения Н. Л. Бродского, то весь доклад окажется ни к чему. Если бы мы разбирали вопрос об идейном влиянии Байрона на Пушкина, выводы получились бы крайне неопределенные. Утверждать, что «художественное произведение—портрет автора»—значит выдвигать новую, труднейшую проблему. В письмах Пушкина мы не найдем ничего для живой конкретности его поэзии. Вещи разного порядка—личность поэтическая и личность эмпирическая. Фет в его поэзии и Фет в его дневнике—что между ними общего? Если принять разницу между духом и душой, то художественное творчество надо относить к области духа. А какая это трудно удивимая вещь! Исследователь должен чувствовать в а т ь телеологическое направление стилистических особенностей, но выразить его он не может. Чему путь помогут письма? Очередная задача—изучение стиля, и речь может идти лишь о том, показал ли доклад в области стиля влияние Байрона на Пушкина или нет.

Н. Л. Бродский видит в ответе докладчика недоразумение. Для характеристики писателя надо пользоваться всем, а не одними письмами. На примерах изучения стиля Тургенева он доказывает плодотворность и необходимость привлечения дневников, писем, вообще биографических материалов. Изучение же стиля, само собою, очередная задача. Но стиль можно понимать то как органическое отражение личности писателя, то как пену, моду, технический прием, шаблон. Чтобы не смешать того и другого, чтобы разобрать, где мода, дань времени, шаблон, а где нечто органически-присущее писателю,—и необходимо возможно широкое привлечение материала.

В. М. Жирмунский. Вопрос о шаблоне, конечно, вопрос существенный. Шаблон—это изнашивание формы. Но шаблон или органическое явление те или иные приемы

стиля данного писателя,—это можно решить, оставаясь в пределах самого произведения.

А. А. Буслаев говорит, что он не вынес от доклада цельного впечатления, и это потому, что докладчик не довел формального анализа до конца, не показал, например, осмысления приемов стиля в плоскости ритма, метрики.

В. М. Жирмунский отвечает, что вопросы, интересующие А. А. Буслаева, лежали в стороне от его темы, хотя в конце доклада он и подошел к ним довольно близко.

А. Е. Грузинский указывает, что часть возражений отпала бы, если бы докладчик сказал в своей работе о влиянии личности Байрона на личность Пушкина. Но задание докладчика было таково, что его нельзя за это упрекать, тем более, что он познакомил нас лишь с частью своей работы. Можно ли найти единство между художественной и эмпирической личностью писателя, оставаясь только в пределах стилистического анализа? Думается, что можно. Не нужно лишь останавливаться на полдороге. От стиля надо искать выхода дальше. Анализ, начавшийся с мелкой эстетической единицы, должен идти дальше, в область сюжета и всей суммы творческих приемов данного писателя. Тогда будет найдено желаемое единство. На эту дорогу стали вступать недавно, на ней делают неверные шаги, но в работе В. М. Жирмунского нет тех недостатков, которые часто замечаются у других спорщиков модной формально-стилистической школы. Можно задать только еще один вопрос—всецело ли «байроническая» поэма создана Байроном? То, что говорил Ю. М. Соколов, в сущности, подходило к этому вопросу, и к нему стоило бы отнестись внимательнее. Ведь разложение героической поэмы началось раньше Байрона.

В. М. Жирмунский соглашается, что оппонент затронул вопрос существенной важности, который в докладе лишь мельком намечен—вопрос о сравнительной морфологии лирической поэмы. У Пушкина—специфические особенности байроновского типа лирической поэмы. Этого отрицать нельзя, и в докладе на доказательство этой мысли обращено достаточно внимания.

М. М. Кенигсберг полагает, что говорить о влиянии одного автора на другого—значит выходить за пределы науки вообще. Дальше констатирования факта, что в близкие моменты в сходной среде возникали одинаковые явления, идти нельзя.

В. М. Жирмунский спрашивает оппонента, допускает ли он возможность в истории искусства говорить о влиянии, напр., Боттичелли на Филиппо Липпи, об их отношениях, как учителя и ученика, и если да, то почему же нельзя говорить об аналогичных явлениях в области другой, близкой науки?

М. М. Кёнигсберг поясняет, что он хотел лишь устранить очень нежелательный термин — «влияние».

---

5. 21-го мая 1921 года в Психологическом Институте 1-го М. Г. Ун-та происходило торжественное заседание О-ва Л. Р. Сл., посвященное памяти проф. Семена Афанасьевича Венгерова.

П. Н. Сакулин, В. Е. Чехихин-Ветринский и А. И. Кашишевский произнесли речи, посвященные С. А. Венгеру, как историку литературы, общественному деятелю, библиографу, и сообщили свои воспоминания о нем.

Н. Н. Фатов произнес речь на тему: «С. А. Венгеров, как пушкинист и издатель сочинений классиков».

Литература — была страстью С. А. Венгерова. Всю жизнь он посвятил изучению великих писателей. Много труда ушло у С. А. — ча на редактирование образцовых, в своем роде единственных, изданий сочинений Шиллера, Шекспира, Байрона и Мольера, при чем он сумел привлечь лучших специалистов и переводчиков, лично участвуя в этих изданиях не только в качестве редактора и организатора, но и в качестве исследователя-комментатора и собирателя богатого иллюстративного материала. Из русских писателей Венгеров успел отредактировать лишь сочинения Белинского и Пушкина.

Издание Пушкина, несомненно, является венцом редакторской деятельности Венгерова. Правда, это издание далеко не свободно от недостатков, часто даже весьма крупных, как в смысле невидержанности общего плана, отсутствия единого метода в интерпретации текста, распределения материала, комментирования, так и благодаря ряду пропусков, ошибок фактического характера и т. д., и т. д., не говоря уже о том, что издание осталось незавершенным, не дало ни вариантов, ни обещанной с 1-го тома «Истории пушкинского текста». — Но мы все же можем

сказать, что, пока не появилось лучшего, это издание ближе всех остальных к типу идеального издания.

Уже один поверхностный просмотр его дает массу ценных для ознакомления с Пушкиным впечатлений, благодаря огромному количеству снимков с рукописей, портретов, рисунков и т. п. Текст Пушкина, по возможности, дается наиболее полный и правильный, и почти везде сверен с рукописями и первопечатными изданиями. Далеким от идеального пушкинского «канона», особенно для лицейских стихотворений, венгерский текст устраняет массу недосмотров, опечаток, вошедших в правило, почти всегда придерживается орфографии, характерной для Пушкина и его эпохи. Но, кроме текста, перед нами — целая «пушкинская энциклопедия». С. А. Венгеров сумел привлечь к изданию всех наших пушкинистов, которые дали ряд ценных статей, посвященных отдельным периодам жизни поэта, отдельным произведениям, вопросам и т. п. Статьи венгерского издания подводят итоги всему тому, что было сделано в области пушкиноведения, при чем некоторые статьи являются научными исследованиями, развивающими и устанавливающими новые самостоятельные точки зрения, напр., статьи о «Евгении Онегине», «Полтаве», «Повестях Белкина», «Пиковой даме», «Рославле» и др. Всем, желающим работать над Пушкиным, будет ли по вдумчивый ученик средней школы или ученый, пишущий диссертацию, — венгерское издание может быть надежным путеводителем, и обойтись без него при каких бы то ни было работах над Пушкиным в настоящее время совершенно невозможно.

Доля участия самого С. А. Венгерова в этом издании очень велика. Значительную часть материала он проработал самостоятельно. В тех случаях, где его не удовлетворяет какой-либо комментарий, он пишет свой, добавочный, дает пояснения к рисункам, иногда развивающиеся в целые небольшие исследования.

Отдельных статей самого С. А. Венгерова, правда, не особенно много, но все они чрезвычайно характерны: они всегда выдвигают какой-нибудь новый вопрос, дают новое освещение. Таково, например, его открытие, сделанное на основании внимательного изучения рукописи, что Пушкин написал не «Историю села Горюхина», как полагали раньше все издатели, исследователи и читатели, а «Историю села Горюхина», а также носящие характер исследования любопытные принципиаль-

ные разъяснения Венгерова по этому поводу, которые легли в основу ценной статьи А. Искоза. Благодаря открытию С. А. Венгерова стало ясно, что перед нами не шутка-пародия, а потрясающая картина всей деревенской николаевской Руси, этого исполинского «Горюхина». Такова небольшая статья о Полине, героине неоконченного романа «Рославлев», выдвигающая эту предшественницу тургеневских женщин и исторических русских революционерок на первое место среди всех пушкинских женских образов, заставляющая нас видеть в Пушкине первого провозвестника идеалов женского равноправия. Такова заметка «Последний завет Пушкина», рассматривающая две редакции «Памятника» и устанавливающая в конечном счете попущения над писателем приоритет общественно-гражданского содержания над спорной формально-эстетической. Завету Пушкина оказалось верным русское общество, поставившее в своем приговоре Некрасова выше Тютчева и Фета.

Оригинально толкование (его С. А. Венгеров по каким-то соображениям не ввел или не успел ввести в свое издание, но излагал на публичных лекциях) знаменитой «Песни о рыцаре», в котором С. А. Венгеров видел типичный образ интеллигентна-героя, живущего не так, как в се, идущего к намеченной им святой цели, исполняющего свой долг прежде всего. Такие люди, особенно, когда они гибнут, кажутся толпе «безумцами», но без таких «безумцев» жизнь не шла бы вперед.

Кроме самостоятельных работ С. А. Венгерова по изучению Пушкина, нельзя не отметить его руководительство молодыми силами. Венгеровский пушкинский семинарий в Петербургских высш. учебн. заведениях в несколько лет из небольшого кружка студентов разросся в целую ассоциацию, которая впервые организовала ряд ценнейших коллективных работ над Пушкиным, в том числе составление пушкинского словаря, печатала свои труды в специальном органе — «Пушкинист» (вып. 1 — 4) — и была полезнейшей школой для целого ряда молодых ученых, которые уже успели зарекомендовать себя, как видные пушкинисты.

6. Заседание 5-го февраля 1922 года в зале Правления 1-го М. Г. У-та.

Доклад Д. С. Дарского на тему «Пиковая дама» Пушкина.

Среди прозаических произведений Пушкина «Пиковая дама» стоит особняком, как высшее достижение гения. Между тем, в критической литературе она не получила достаточного освещения, за исключением статьи М. О. Гершензона. Господствует взгляд на «Пиковую даму», как на «мастерски рассказанный анекдот». Однако, при более пристальном изучении этой повести Пушкина, в ней открывается смысл, неизмеримо более значительный и глубокий. Герой повести Германн, — «колоссальное лицо», по выражению Достоевского. Драматическое содержание повести состоит в борьбе трех начал в его душе. Первое начало — «идеал гордого человека», каким хочет стать Германн, имеющий «профиль Наполеона и душу Мефистофеля». Второе начало — тающиеся в нем страсти, азарт игрока. Третье — те мистические ощущения, которые разбудила в нем умершая графиня. Художественная цель повести заключается в падении Германна с того пьедестала демонического героя, на который он стремился все время подниматься. Рационалист, он поверил в чудесное, человек с железной волей и самообладанием, он поработан разгулом страсти; аморалист, он не может заглушить голоса совести; хищник-некроман, — он сходит с ума от родившегося из глубины собственной души видения.

В состоявшихся после доклада прениях приняли участие Н. Н. Фатов, Н. К. Гудзий, М. А. Цявловский, Ю. М. Соколов и В. Ф. Саводник.

Н. Н. Ф а т о в, признавая, что автор имеет право ставить себе какие угодно границы, отметил, что раз доклад озаглавлен безо всяких оговорок — «Пиковая дама» Пушкина, — то слушатели, естественно, ожидали более широкого и всестороннего подхода к произведению. Доклад представляется односторонним, сосредоточивающим все внимание на психологическом анализе главного героя. Ряд интересных проблем лишь вскользь намечен докладчиком; совершенно не останавливается он на вопросах, касающихся композиции повести, ее стиля и т. п., — вопросах, вызывающих в последнее время к себе особый интерес и совершенно не разработанных. Некоторые положения докладчика не представляются новыми; полемизировать против слов Белинского, что «Пиковая дама» не есть только «мастерски рассказанный анекдот» — стучаться в открытую дверь. Психология героя обстоятельно рассмотрена в

докладе, но не все достаточно убедительно, что говорит докладчик, напр., указания, будто в душе Германа не было и тени любви к Лизе, или что убийство старухи носило характер мистически-религиозный; самое же главное — что докладчик совершенно не обратил внимания на психопатологический элемент повести. А как раз в этом отношении «Пиковая дама» и является особо интересной и оригинальной. Это анализ психики человека, сходящего с ума, еще нормального, но находящегося на грани безумия. От «Пиковой дамы», несомненно, идет прямая линия к ряду других замечательных произведений русской литературы, давших анализ психически-ненормальных субъектов, — к произведениям Достоевского, Гаршина, Л. Андреева и др.

Н. К. Гудзий указал, что доклад разработан в стиле Оскара Уальда. Критик творит параллельно с автором, и созданный таким образом этюд является не разъяснением писателя, а чисто субъективным произведением самого критика, лишь сделанным на основании заимствованного у писателя материала. В докладе некоторые сближения кажутся совершенно случайными и необязательными, напр., параллель между Германом и «Подростком» Достоевского, — более аналогичных черт можно было бы искать между Германом и Раскольниковым. «Пиковая дама» интересна не столько своим психологизмом, сколько своим бытовым содержанием, как великолепная картина жизни известных петербургских кругов, а также своим стилем, совершенно неизученным.

М. А. Цявловский заметил, что докладчик совершенно не заинтересовался автобиографическими чертами в образе Германа, а между тем, ведь, Пушкин был самым страстным игроком, и психология игрока ему, несомненно, была очень близка и понятна, так что в этой области сближение могло бы быть очень любопытным.

Ю. М. Соколов выразил неудовлетворенность некоторыми пунктами доклада: во-первых, остается неясным, реалистически ли понимает докладчик эпизод с игрой Германа, считает ли он привидение за галлюцинацию, или допускает присутствие мистического элемента; во-вторых, вопрос о любви Германа к Лизе требует дальнейшей разработки; в-третьих, необходимо яснее поставить вопрос о взаимоотношении образов Германа и Раскольникова; в-четвертых, докладчик все эпиграфы повести считает ироническими, но с этим согласиться нельзя.

В. Ф. Саводник указал, что в докладе совершенно оставлен в стороне вопрос о возможных литературных влияниях на «Пиковую даму», напр., о влиянии Гофманна, может быть, Балзака, не затронут вопрос о связи с другими произведениями Пушкина, — а можно было бы провести ряд параллелей, — также надо бы установить детально и связь с фактами жизни самого поэта, коснуться вопроса о возможных прототипах и пр.

Отвечая своим оппонентам, С. Д. Дарский, указывает, что 1) он поставил себе определенные рамки, именно, дать психологическое истолкование образа Германна, поэтому и считал себя вправе вовсе не касаться таких вопросов, как вопросы о литературных влияниях, об автобиографическом элементе и т. п., — вообще он всецело оставался в пределах самой повести; 2) для утверждения факта любви Германна к Лизе он никаких данных в тексте повести не нашел; 3) психологии сумасшествия не коснулся потому, что сумасшествие героя — за пределами повести; в ней он — нормальный человек; 4) упрек Н. К. Гудзия в субъективизме он считает неосновательным, так как в выяснении образа Германна он держался строго фактического содержания повести; 5) упомянул о «Подростке» лишь с целью объяснить некоторые черты образа Германна, в целом же герой Пушкина, действительно, более близок к Раскольникову, и на это им было обращено внимание, но эта часть доклада при чтении была опущена; 6) вопроса о бытовых элементах в повести, о прототипах и пр. он не касался, занявшись исключительно психологической разработкой образа Германна; 7) эпиграфы вскрывают суть каждой главы, и все они, по мнению докладчика, иронические.

После ответа докладчика с заключительным словом выступил Председатель О-ва Л. Р. С. проф. П. Н. Сакулин, который указал, что можно подходить к художественным произведениям с разных сторон: с историко-литературной, формально-эстетической, психологической. С последней точки зрения подошел к пушкинской «Пиковой даме» Д. С. Дарский, и его доклад является, несомненно, интересным психологическим этюдом. Примыкая в истолковании образа Германна, в общем, к М. О. Гершензону, докладчик выдвинул и новый момент, с силой и яркостью выяснив мистические элементы произведения; тогда как у Гершензона дается реалистическое истолкование фактам, — путь мы видим «касание мирам иным». Но хотелось бы знать, какими художественными средствами поль-

зовался Пушкин при разработке психологических тем,—эта сторона в докладе опущена. Интересно сопоставление с Достоевским—для него пушкинские образы часто служили импульсом, но он пользовался иными художественными приемами, и потому характер его произведений совершенно иной.

В закрытой части заседания, по предложению П. Н. Сакулина, обсуждался вопрос о возобновлении деятельности Пушкинской Комиссии и Общества на основе инструкции, выработанной для уже работающей Тургеневской Комиссии.

Единогласно постановили: деятельность Пушкинской Комиссии возобновить.

После предварительного обмена мнений о возможном плане работ комиссии, в котором приняли участие П. Н. Сакулин, М. А. Цявловский, Н. Н. Фатов и др. чл. О-ва, постановили созвать на заседание членов Комиссии 16-го февраля, поставив на повестку: 1) выборы Президиума Комиссии и 2) обсуждение плана работ.

Согласно инструкции, членами Пушкинской Комиссии могут быть все члены О-ва Л. Р. Сл., заявившие о своем желании участвовать в заседаниях и работах Комиссии, а также могут избираться в члены Комиссии и лица, не состоящие членами общества, но известные своими работами по Пушкину, или могущие оказать помощь Комиссии в намеченных ею работах.

Тут же в заседании заявили о своем желании принять участие в работах Комиссии следующие члены О-ва Л. Р. Сл.: П. Н. Сакулин, В. Е. Чехихин-Ветринский, М. А. Цявловский, Н. К. Пиксанов, Н. П. Кашин, И. Н. Розанов, В. Ф. Саводник, Ю. М. Соколов, А. И. Бачинский, Л. П. Гроссман, Н. Н. Фатов, С. В. Шувалов и Н. С. Ашукин. Кроме того, постановлено просить принять участие в работах Комиссии отсутствующих членов О-ва: М. О. Гершензона, М. Н. Сперанского, Ю. И. Айхенвальда, В. Я. Брюсова, Б. А. Грифцова, Г. И. Чулкова, В. Ходасевича и Д. С. Дарского.

---

7. 11-го февраля, в память 85-летия со дня смерти А. С. Пушкина, по инициативе Общества Любителей Российской Словесности и в согласии с поста-

новлением, принятым в прошлом году петербургскими литературно-научными организациями об установлении всероссийского ежегодного чествования памяти Пушкина в день его смерти, состоялось торжественное заседание — вечер в Большом зале Московской Консерватории под председательством председателя О-ва Л. Р. С. П. Н. Сакулина, при участии ряда московских литературно-научных обществ, учреждений и организаций (Всероссийский Союз пролетарских Писателей, Всероссийский Союз Поэтов, Союз писателей, Союз крестьянских писателей, Общество Истории Литературы, Общество Друзей Книги, О-во «Звено», О-во «Никитинские субботники», О-во «Лирический Круг», «Литературный Особняк», Главнаука Акцентра, Этнолого-Лингвистическое Отделение Факультета Общественных Наук 1-го Московского Государственного Университета, Румянцовский Музей, Исторический Музей, Академические театры — Малый Государственный и Художественный и др.) и в присутствии Наркома А. В. Луначарского.

В первой части заседания были произнесены речи П. Н. Сакулиным: «В веках»¹ и В. Я. Брюсовым: «Разносторонняя деятельность Пушкина»².

Во второй части артистами Малого и Художественного театров были исполнены отрывки из произведений Пушкина и прочитаны отдельные стихотворения; артистами оперной студии Большого театра, работающей под руководством К. С. Станиславского, под аккомпанемент на рояле тов. Жукова, был исполнен пролог к оп. «Сказка о царе Салтане» муз. Н. А. Римского-Корсакова, и артистами Художественного театра, во главе с А. Л. Вишневым и В. В. Лужским, были прочтены сцены из «Бориса Годунова». В заключение А. Л. Вишневский прочел сверх программы монолог из «Бориса Годунова» и несколько стихотворений Пушкина.

---

8. 8 июня 1922 г., в память 123-летней годовщины со дня рождения Пушкина Общество Любителей

¹ Речь П. Н. Сакулина напечатана в сбор. «Литературные Отклики»; М., 1923.

² Речь В. Я. Брюсова напечатана в «Известиях ВЦИК», 1922 г., № от 12/II.

Российской Словесности совместно с Московской Государственной Консерваторией и при участии артистов Московского Художественного Академического Театра устроило Пушкинский вечер.

В начале была исполнена написанная в 1899 г. кантата «Памяти А. С. Пушкина» для женского хора в сопровождении органа, муз. соч. М. М. Ипполитова-Иванова под управлением автора. Партию органа исполнял проф. А. Ф. Гедике; хор состоял из учениц Консерватории.

Затем следовали речь Председателя О-ва проф. П. Н. Сакулина под заглавием «Прекрасного друга»¹, в которой оратор изобразил эпоху Пушкина, как эпоху упонченной культуры, когда в аристократически-дворянских верхах нашего общества особо культивировалось чувство изящного, и доклад М. А. Цявловского — «Москва в жизни и творчестве Пушкина», в котором докладчик, охарактеризовав Москву начала прошлого столетия, когда Пушкин жил в ней ребенком, рассмотрел связь Пушкина с Москвой в течение всей его жизни и указал на отражения Москвы в произведениях поэта.

Во втором отделении арт. М.Х.А.Т. В. Л. Ершов, заменивший заболевшего Л. М. Леонидова, прочел монолог («песню») Председателя из «Пира во время чумы», затем проф. Консерватории Н. Г. Райским были исполнены 7 романсов на слова Пушкина под аккомпанемент проф. А. Б. Гольденвейзера, и в заключение, артистами М.Х.А.Т. во главе с В. В. Лужским была прочтена сцена из «Бориса Годунова» («В корчме»). В. В. Лужский прочитал также несколько стихотворений Пушкина.

---

9. 11 февраля 1923 г., в память 86-й годовщины со дня смерти Пушкина, состоялось в зале Правления I-го М. Г. У-та заседание О-ва Л. Р. Сл.

а) П. Н. Сакулин, открывая собрание, сообщил, что согласно постановлению О-ва, к которому присоединились и петербургские литературные организации (письмо от Б. Л. Модзалевского) сегодняшнее заседание в память годовщины смерти великого поэта будет происходить

¹ Напечатано в газете «Московский Понедельник», 1922 г., № 3.

как обычное академическое заседание, так как было признано более удобным приурочивать торжественное всероссийское чествование памяти Пушкина ко дню его рождения, а не ко дню смерти, как было постановлено в прошлом году пепербургскими литераторскими организациями.

б) Д. С. Дарский прочитал доклад на тему: «Пушкин и Достоевский».

Обычное представление о Пушкине, как о жреце Аполлона, слугителе прекрасного, жизнерадостном и благодушном, неверно. В его творчестве ярко выявлена и другая стихия—мятежная, мрачная, глубоко-тревожная, пессимистическая. Докладчик приводит ряд примеров, иллюстрирующих эпическую стихию у Пушкина. Достоевский разгадал эту подлинную сущность Пушкинской поэзии и заимствовал из него свои образы, развивая и видоизменяя их, так что эстетическое оправдание мира Пушкиным превратилось у него в религиозную теодицею. Дальше докладчик установил следующие связи между обоими художниками слова в области созданных ими образов: 1) Скупой рыцарь и Раскольников; 2) Татьяна и Мар. Тим. Лебякина в «Бесах»; 3) Онегин и Ставрогин (там же); 4) Вальсингам («Пир во время чумы») и Кириллов («Бесы»). Черты сходства между названными героями докладчиком были подробно отмечены. И другие образы («рыцарь бедный», русский инок, Салбери, Клеопатра) нашли отражение в творчестве Достоевского. В заключение докладчик останавливается на стихе Пушкина из «Памятника»—«Что чувства добрые я лирой пробуждал»—и утверждает, что им не покрывается существо пушкинской поэзии.

в) М. А. Цявловский сделал сообщение о бумагах П. Барченева, относящихся к дуэли Пушкина. Среди них находятся оригиналы и копии следующих документов, уже известных в печати:

1. Автограф Даля, содержащий рассказ о болезни и смерти Пушкина; это—черновик, дающий самые свежие и непосредственные впечатления.
2. Изложение условий дуэли, привезенное Данзасом к Пушкину (на французском языке).
3. Копия, сделанная кн. Вяземским с письма Пушкина к Геккерену (с того экземпляра, который Пушкин оставил у себя; по назначению же был послан другой).
4. Письмо Данзаса от 4 февр. 1837 г. к неизвестному лицу (говорится

о письме Пушкина к Геккерену). 5. Письмо Данзаса к кн. Вяземскому (с подробностями о дуэли Пушкина). 6. Приговор Верховного Суда по делу о дуэли Пушкина, «Высочайше» подтвержденный. 7. Письмо М. И. Ханенка, воспитанника школы гвардейских подпрапорщиков от 4 февраля 1837 г. (в котором рассказывается о стихотворении Лермонтова на смерть Пушкина)¹.

г) Л. С. Гинзбург сделал доклад на тему «Пушкин в революционной России» (1917—1923). Докладчик составил библиографию всего вышедшего в печати за революционные годы о Пушкине. Он приводит цифры, иллюстрируя их примерами. Картина получается следующая:

1. Биографический материал—36 №№.
2. Пушкинские уголки—8 №№.
3. Стихотворения, посвященные Пушкину,—15 №№.
4. Пушкин в печати—71 №.
5. Книги, альманахи и сборники—11 №№.
6. О творчестве Пушкина—108 №№.
7. Пушкин на сцене—1 №.
8. Пушкин и другие писатели—8 №№.
9. Рецензии, отзывы, извещения, библиография—96 №№.
10. Пушкинисты—3 №№.
11. Пушкин в музыке—2 №№.
12. На мотивы из Пушкина, юмористика, курьезы—32 №№.

Таким образом, за революционные годы всего вышло 392 №№, которые по годам распределяются так:

- 1917 г.—40 №№;
- 1918 г.—63 №№;
- 1919 г.—68 №№;
- 1920 г.—25 №№;
- 1921 г.—43 №№;
- 1922 г.—148 №№;
- 1923 г. (1 мес.)—5 №№.

В среднем, в каждые 5—6 дней что-нибудь появлялось о Пушкине.

В виде иллюстрации к своему докладу Л. С. Гинзбург устроил в зале заседания выставку книг, вышедших за

¹ Эти документы воспроизведены полностью в книге: «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина» сост. Б. Л. Модзалевский, Ю. Г. Оксман и М. А. Цявловской, изд. «Атеней», Петербург 1924, стр. 75—118.

последние пять лет, а также предметов, относящихся к Пушкину.

---

10. 6 июня 1923 года ¹ в 124-ю годовщину рождения Пушкина в Большом зале Консерватории происходило торжественное заседание О-ва Л. Р. Сл. совместно с Московской Гос. Консерваторией.

а) Открывая заседания, П. Н. Сакулин предложил приветствовать присутствующих в зале потомков и родственников великого поэта: Григория Александровича и Анну Александровну Пушкиных (родные внук и внучка поэта) и Марию Львовну Нейкирх (племянница поэта, дочь его брата—Льва Сергеевича). Затем он указал, что, остановившись, по соглашению с петербургскими литературными организациями, на мысли устройства торжественного всероссийского чествования памяти Пушкина не в день его смерти, а в день его рождения, ежегодно, 6-го июня, О-во Люб. Росс. Словесности, совместно с его Пушкинской Комиссией, разработало план заседаний на ряд лет вперед. Среди общих вопросов пушкиноведения главное внимание будет уделяться тем произведениям, которым исполняется в данном году столетий юбилей,—так в настоящем заседании будут произнесены речи о произведениях, написанных Пушкиным в 1823 году; из этих же произведений составлена и программа второй части вечера; кроме того, ежегодно

¹ При переводе юбилейных дат на новый стиль легко может получиться ошибка, если не принять во внимание, что в XIX в. старый стиль отставал от нового, не на 13 дней, как теперь, а на 12, в XVIII веке—на 11 дней и т. д. Пушкин родился 6-го июня нового стиля 1799 г. (=26 мая ст. стиля); поэтому годовщина его рождения должна праздноваться 6-го июня, а не 8-го, как можно было бы подумать, механически переводя старый стиль на новый. Соответственно датой смерти Пушкина должно считаться не 11-ое, а 10-ое февраля, т. к. Пушкин умер 10-го февраля нов. стиля 1837 г. (= 29 янв. ст. ст.). В предыдущих юбилейных празднествах само О-во Л. Р. Сл. допустило эту ошибку (см. выше сообщение о юбилейных заседаниях, стр. 247, 248, и 249). При обсуждении вопроса о праздновании 124-ой годовщины со дня рождения Пушкина, Пушкинская Комиссия, по докладу Н. П. Фатова, обратив внимание на допускаявшуюся ранее ошибку, постановила отметить в дальнейшем дни рождения и смерти Пушкина точно в тот день по новому стилю, когда он действительно родился и умер, т.-е. 6-го июня и 10-го февраля. Постановление это было опубликовано во всеобщее сведение в «Известиях» ВЦИК.

будет даваться обзор пушкинской литературы за истекший год.

б) Затем П. Н. Сакулин произнес речь на тему «Пушкин в 1923 году».

Указав очаги пушкинизма в Петербурге и Москве — «Пушкинский Дом», Пушкинские Комиссии при Академии Наук и при Обществе Любителей Российской Словесности и другие общества, кружки и семинарии, а также на энергичную деятельность наиболее крупных пушкинистов: П. Е. Щеголева, Б. Л. Модзалевского, М. Л. Гофмана, М. А. Цявловского и др., — докладчик обратился к вопросу: что нового для понимания Пушкина дал последний литературный сезон, и рассмотрел пушкинскую литературу по следующим рубрикам:

1. Вопрос о пушкинском тексте. — Указав на сущность и задачи работы текстологии, П. Н. Сакулин дал обзор соответствующих работ М. Л. Гофмана, Б. В. Томашевского и др. и пришел к выводу, что, по крайней мере по отношению к некоторым произведениям, мы знаем теперь пушкинский текст лучше и полнее, чем год тому назад. — 2. Раскрытие биографических фактов. Выделяются работы по изданию «Дневника» Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского и несколько работ по исследованию романтических эпизодов в жизни Пушкина, особенно работа Б. М. Соколова «Пушкин и кн. Мария Волконская», любопытно открытие М. А. Цявловского о связи Пушкина с гр. Финкельман, вызвавшее оживленную дискуссию и ряд докладов, работы Д. С. Дарского, П. Губера и др. — 3. Идеология Пушкина. Выделяются работы т. Кислициной о религиозных взглядах поэта, В. Я. Брюсова об общественно-политических убеждениях Пушкина, особенно об отношении его к крепостному праву, и, наконец, только что появившаяся работа т. Егорашвили, который параллельно рассматривает «Двенадцать» Блока и «Медного Всадника» Пушкина; автор заявляет, что он желает «отвоевать» оба эти произведения у «буржуазной» критики и пытается подойти к их толкованию с точки зрения марксизма. Однако вместо действительно марксистского подхода дает лишь ряд заявлений, весьма парадоксальных. 4. Определение источников пушкинских произведений, вопрос о литературных влияниях. Выделяются работы Ю. Г. Оксмана, т.п. Яковлева, Рязанова, Б. В. Томашевского и особенно В. М. Жирмунского.

5. Анализ пушкинского стиха. Работы п.п. Бернштейна, Выгодского и В. Я. Брюсова. На основании этих работ нам все яснее и яснее станем, почему Пушкин является действительно величайшим мастером; раньше мы это только интуитивно ощущали, теперь мы все больше и больше можем это научно доказать.—6. Пушкин и музыка. Особенно замечательны статьи в сборнике «Орфей»—И. Глебова «У истоков жизни» и п. Лурье «Голос поэта». Вопрос трактуется на широкой философской основе, и образ великого поэта, благодаря ряду удачных мыслей и талантливых сопоставлений, раскрывается полнее и глубже, чем это умели делать до сих пор.

В заключение П. Н. Сакулин указал, что имя Пушкина—символ творчества русского народа; он не только—наше прошлое, но и наше—будущее.

в) Л. П. Гроссман произнес речь на тему «Пушкин в 1823 году». Сто лет тому назад Европа переживала эпоху бурь и тревог, аналогичную до некоторой степени нашей эпохе. И как теперь, так и тогда возникал вопрос о взаимоотношениях России и Европы, обострялась проблема Востока и Запада.

Эта проблема связана с жизнью Пушкина и отразилась в его творчестве 1823 года. Докладчик, далее, подробно рисует Кишинев и Одессу, как антитезу Азии и Европы. Элементы ориентализма, «Востока», отразились во многих произведениях Пушкина 1823 года—от несколько ранее написанной «Гавриилиады»—до «Цыган», законченных позднее; элементы «Запада» нашли главное свое выражение в «Евгении Онегине», первые две главы которого были написаны в отъездном году. Оба эти элемента, обе темы—Восток и Запад, переплетаясь и скрещиваясь, звучат в «Бахчисарайском фонтане» и в отрывке «Недвижный страж дремал...»; эти произведения анализирует докладчик с указанной точки зрения. Таким образом, Пушкин разрабатывал ту же тему, которую в наши дни ставили Александр Блок и Андрей Белый. Тема эта нам близка. Оттого-то, обращаясь к Пушкину, мы и чувствуем, что беседуем с вечным нашим современником и спутником.

Вторая часть вечера (литературно-музыкальное отделение) была посвящена исполнению произведений Пушкина, написанных в 1823 г. Оркестром учащихся Консерватории под управлением тов. Малько была исполнена музыка Аренского к «Бахчисарайскому фонтану», при чем ария Заремы

была исполнена артисткой Ак. Гос. Большого театра Ф. С. Петровой. Затем учеником Консерватории пов. Аспелундом были исполнены романсы На слова-Пушкина, и артистами 1-й студии М.Х.А.Т. прочтен ряд стихотворений, отрывков из I и II глав «Евгения Онегина» и целиком «Бахчисарайский фонтан».

ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

1. Согласно постановлению О-ва Л. Р. Сл., принятому в заседании 5-го февраля 1922 года, 16-го февраля того же года в помещении библиотеки 1-го М. Г. Ун-та было созвано 1-е организационное заседание Пушкинской Комиссии. В заседании присутствовали председатель и почетн. чл. О-ва П. Н. Сакулин, почетн. члены В. Е. Чешихин-Ветринский и ак. М. Н. Сперанский, д. чл. Н. К. Пиксанов, М. А. Цявловский, И. Н. Розанов, Н. П. Кашин, Н. Н. Фатов, С. В. Шувалов, А. Р. Бачинский и Н. С. Ашукин.

а) Произведены были выборы Президиума Комиссии, при чем избранными оказались: председателем Пушкинской Комиссии—Николай Кириакович Пиксанов, товарищем председателя—Мстислав Александрович Цявловский и секретарем—Николай Николаевич Фатов.

Вслед за выборами, Н. К. Пиксанов произнес краткую речь, в которой, поблагодарив за избрание, выразил надежду на успешную работу Комиссии при содействии всех членов О-ва Л. Р. Сл. и благодарил от имени Комиссии предс. О-ва П. Н. Сакулина за его организационные труды по возрождению Комиссии.

Затем, по предложению П. Н. Сакулина, были произведены выборы еще 4-х членов Президиума из числа наиболее видных московских пушкинистов. Избранными оказались Ю. И. Айхенвальд, В. Я. Брюсов, М. О. Гершензон и А. Е. Грузинский. Н. К. Пиксанов разъяснил, что П. Н. Сакулин входит в Президиум Комиссии, как председатель О-ва; таким образом Президиум Пушкинской Комиссии составил из 8 лиц.

б) М. А. Цявловский делает внеочередное заявление о крайне тяжелом материальном положении родного внука поэта, Григория Александровича Пушкина, проживающего с семьей в Бронницком уезде и занимающего место конпорщика в местном кооперативе. Постановлено, после состоявшихся прений, отклонив пока мысль об организации общественной помощи потомкам поэта, обратиться к Наркому А. В. Луначарскому с ходатайством об экстренном назначении потомкам Пушкина государственного пособия в достаточном размере¹.

в) Обсуждался план работ Комиссии. М. А. Цявловский предложил выполнение следующих заданий:

1) организовать специальную библиотеку и кабинет для научных занятий по Пушкину;

2) составить и издать именной указатель к сочинениям Пушкина;

3) составить указатель всех воспроизведений в печати рукописей Пушкина;

4) организовать ряд публичных вечеров, посвященных Пушкину, между прочим, музыкальный вечер с исполнением пьес на пушкинские тексты, принадлежащих композиторам-современникам Пушкина.

Н. Н. Фатов предложил:

1) издавать специальный научный журнал, посвященный Пушкину, по нижеследующей программе: а) исследования и статьи, посвященные Пушкину; б) исследования и статьи, посвященные историко-литературным вопросам, имеющим по или иное отношение к Пушкину; в) материалы, документы и пр., касающиеся Пушкина и близких к нему лиц; г) история пушкиноведения; д) критический обзор литературы о Пушкине и пушкинская библиография; е) пушкинская хроника; ж) вопросы преподавания Пушкина в школе; з) воспроизведение снимков с рукописей, портретов, иллюстраций и т.; п. и) поэтические произведения, посвященные Пушкину;

2) заняться составлением коллективных работ, как-то: а) словаря пушкинского языка; б) словаря пушкинских рифм; в) описания пушкинских рукописей, хранящихся в Румянцовском Музее и других хранилищах, с полной транскрипцией пушкинского текста и параллельным фототипическим воспроизведением всех рукописей или части их;

¹ Это ходатайство Пушкинской Комиссии увенчалось впоследствии успехом.

3) приступить к изданию собрания сочинений Пушкина, как популярного, так и научного, а также к переизданию материалов, статей и исследований по Пушкину.

После прений постановлено: признав принципиально желательным осуществление всех предложений, приступить к их выполнению по мере возможности, сносась с другими обществами и лицами во избежание параллелизма в работе, и поручить Президиуму Комиссии выяснить, какие именно из намеченных работ могут быть осуществлены в ближайшее время, и приступить к организации работ, печатанию изданий и пр.

2. 2-го апреля 1922 г. происходило 1-е открытое заседание Пушкинской Комиссии в большой аудитории Психологического Института 1-го М.Г.У-та в присутствии большого количества как членов О. Л. Р. Сл., так и гостей, переполнивших аудиторию.

а) Открыв заседание, Н. К. Пиксанов обратился к присутствующим с речью на тему «Пушкин и О-во Л. Р. Сл.»¹.

б) Затем П. Н. Сакулин выступил с докладом на тему: «Пушкин пред лицом вечности»².

После доклада состоялись прения, в которых приняли участие М. П. Столяров, Б. М. Соколов, Н. Н. Фатов, В. В. Леонович-Ангарский, Н. К. Пиксанов, Л. П. Гроссман и Н. А. Бродский.

М. П. Столяров, отмечая большую научную ценность доклада, указывает, что толкование «Памятника» Пушкина, данное М. О. Гершензоном, могло прельстить лишь своей неожиданностью. После анализа, сделанного докладчиком, становится ясным, что мы должны остаться при прежнем понимании «Памятника». Но если говорить вообще о настроении Пушкина в последние годы, то оно является более сложным, чем его изобразил докладчик. Пушкин далеко не всегда был смиренно и религиозно настроенным — вспомним «Медного Всадника», вспомним «Египетские ночи», где уже сквозят настроения в духе Достоевского.

¹ Воспроизводится в настоящем выпуске.

² Воспроизводится в настоящем выпуске под заглавием «Памятник нерукоотворный».

Б. М. Соколов видит в докладе П. Н. Сакулина убедительный ответ на спорную гипотезу М. О. Гершензона и всецело присоединяется к выводам докладчика. Он не согласен только с толкованием строфы: «И долго буду тем любезен я народу...», находя произвольным толкование слова «народ», как русский народ; скорее всего, под «народом» Пушкин разумел низшие классы общества.

Н. Н. Фатов также присоединяется к толкованию «Памятника», данному П. Н. Сакулиным, но, как на недостатки доклада, указывает, что П. Н. Сакулин не уделил внимания истории текста «Памятника», в связи с которой надо было бы коснуться вопроса, почему в окончательном варианте исчезло упоминание имени Радищева и чем объясняется замена слов «звучи новые для песен я обрел», словами—«чувства добрые я лирой пробуждал». Что же касается общего толкования «Памятника», то лучшим доказательством ложности взгляда М. О. Гершензона должно служить по соображение, что на основании всего, что мы вообще знаем о Пушкине, на основании всех его произведений, нет поводов полагать, будто поэт не желал себе той славы в потомстве, о которой говорится в «Памятнике».

В. В. Леонович-Ангарский с удовлетворением присоединяется к выводам докладчика. «Памятник» Пушкина все время искажался—сначала в угоду цензуре—Жуковским (и в таком виде, к стыду нашему, попала цитата на монумент на Тверском бульваре, и даже до сих пор часто в таком, искаженном Жуковским, виде «Памятник» цитируется); затем М. О. Гершензоном был искажен смысл «Памятника». Чувствовалось, что это не так, но только доклад П. Н. Сакулина научно доказал неправильность подхода М. О. Гершензона, и теперь мы знаем как настоящий текст замечательного пушкинского стихотворения, так и то толкование, которое является единственно правильным.

Н. К. Пиксанов отмечает методологические достоинства доклада—установление правильного текста, анализ стиля, семантики стихотворения, экскурс по поводу значения слова «любезен» в пушкинскую эпоху, привлечение биографических данных и т. д. Все это придает особое значение и силу тезисам доклада, заостренным в сторону М. О. Гершензона. Относясь отрицательно в целом к домыслу М. О. Гершензона, оппонент, тем не менее, полагает, что некоторые мотивы, на основании которых

М. О. Гершензон выдвинул свою гипотезу, заслуживающую внимания. Если поставить прямо вопрос: исчерпал ли Пушкин в этой характеристике все свое прекрасное творческое дело не только для других, но и в самом существе, — то придется на этот вопрос ответить отрицательно: нет, не исчерпал всего, и преувеличивают те, кто так думает. Создавая это стихотворение, Пушкин, прежде всего, находился под давлением многовековой литературной традиции, идущей через Державина к Горацию. Державин перегрузил характеристику поэта в сторону чрезмерной монументальности; Пушкин как бы несколько погнулся под тяжестью державинской традиции; он впадает в эпиграфичность, получается какая-то тяжеловесная материализация славы поэта. Термины, которыми Пушкин определяет дело поэта — какие-то периферийные — «восславление свободы», «милость к падшим», «чувства добрые», — это все можно отнести и на долю моралиста, политического деятеля, но это не является главным делом поэта. Последний же стих «Памятника» прямо эпиграмматический; он как-то выпадает из общего торжественного настроя, созданного стихотворением. Надо отвести должное место этому произведению поэта, но нельзя видеть в нем всестороннего выявления самооценки Пушкина. Он как бы хотел описать внешнюю судьбу поэта. Поэтому стихи, которые выпали, существенно важны; «звуки новые» — ближе к оценке поэта.

Л. П. Гроссман присоединяется к той оценке, которую уже получил доклад П. Н. Сакулина. В темный и сложный вопрос он сумел внести свет, но все же вопрос не вполне разъяснен. Речь идет о полемике не только с М. О. Гершензоном — существует нечто вроде традиции в толковании пушкинского «Памятника», к которой вместе с Гершензоном, можно отнести и Вл. Соловьева и некоторых других, напр. Евлахова. Противоречие в «Памятнике» — несомненное, неустранимое до сих пор и, может быть, неустранимое. Вопрос очень сложен. Надо остановиться на толковании «Памятника» в духе особой литературной традиции, в духе горацианской и державинской оды. Поэтому и нельзя думать, что Пушкин вложил в это стихотворение все свои задушевные мысли, — он творил в духе традиции. Не следует особенно настаивать на простоте и прозрачности пушкинской поэзии. Она слишком сложна. Хочется, далее, протестовать против мнения о какой-то исключительной благожелательности Пушкина. Нечто подобное

было в Германии с полковником Гёте. Раньше поже о нем обычно судили, как о поэте всепримиряющем, всепрощающем, но потом увидели в нем и другие стороны,—стали говорить о «böse Goethe», о «злом Гёте». То же и с Пушкиным. Надо раскрыть всю сложность души Пушкина, а не видеть в нем только мотивы примиряющие и смиренные.

Н. А. Бродский также признает, что «Памятник» отнюдь нельзя рассматривать как выражение Пушкиным своего «я». Это не автобиографическое признание, не самооценка. Тут есть только элементы самооценки. Всего Пушкина мы тут не можем видеть. Пушкин неизмеримо шире и глубже того образа, который нарисован в «Памятнике». Почему так получилось? Некоторая отгадка имеется. Во-первых, Пушкин, несомненно, находился под влиянием традиции; во-вторых, хотя он говорил, конечно, о себе, но говорил для современников, для толпы, для народа. Но для другой группы лиц он сказал бы иное. Об этой другой, группе лиц есть речь в «Памятнике»,—это «пииты», которые будут помнить и ценить Пушкина, доколе они вообще будут существовать в «подлунном мире». У этой группы лиц, у знатоков, ценителей поэзии, память о Пушкине будет жить вечно; для народа же он будет «любезен» лишь долго. «Пииты» поймут всю глубину творчества Пушкина, примут в себя все его «яды». Но большинство, масса этих ядов не примет, не может принять, да и не нужно, чтобы она их принимала. Пушкин, конечно, далеко не религиозно-елейный поэт. В нем много глубоко-трагического, «анчаровского». Недаром многие ведут от Пушкина прямую линию к Достоевскому. И Пушкин в этой своей сущности себя в значительной степени утаил. Он всегда делил людей на две половины, на «пиитов» и «толпу»,—и толпе он дал нечто более простое, ясное. Рисовать Пушкина так, будто он воспринимал мир только исторично, благожелательно, не следует. Ведь в том же году, в котором написан «Памятник», написано и «Из VI Пиндемонте», где нет и следа какого-либо историзма, где, наоборот, отрыв от истории, анархизм, начало бунтарское и индивидуалистическое.

П. Н. Сакулин, отвечая оппонентам, начал с благодарности тем, которые присоединились к его выводам. В высказанных замечаниях он видит немало ценного, но не со всем может согласиться. Возражавшие упустили из виду ту задачу, которую он себе ставил: правильно про-

честь «Памятник» и понять Пушкина в те минуты, когда он творил стихотворение. Конечно, Пушкин много шире поймел, которая дается в «Памятнике»; конечно, Пушкин переживал и другие настроения; несомненно, переживал их и в том же 1836 году,—но, с другой стороны, настроение во время создания «Памятника» вовсе не случайное, не мимолетное; наоборот, его надо считать особо важным и глубоким. Ведь Пушкин думал в этот момент о своей смерти и о своем будущем. Конечно, можно спрашивать: весь ли Пушкин тут? Но этого вопроса доклад не касался. Надо понять произведение в его сущности, а затем можно вставить его в то общее понимание Пушкина, которое у нас имеется. Градация слов «славен», «слух», «любезен» не случайна, поэтому и слово «народ», думается, должно иметь отличное значение от того перечня народов, населяющих Россию, который дается в 3-ей строфе, и естественно видеть здесь именно русский народ, о котором Пушкин говорил с особо теплым чувством. Что касается имени Радищева, то, конечно, могли иметь место и цензурные мотивы, но гораздо важнее были внутренние мотивы; то же надо иметь в виду и относительно «звуков сладких». Доклад ставил определенную цель—понять не Пушкина вообще, а стихотворение «Я памятник воздвиг»; никто из оппонентов не опровергнул основных положений доклада в этой плоскости.

В заключение председатель благодарит П. Н. Сакулина за доклад и выражает удовлетворение, что заседания Пушкинской Комиссии открылись таким ценным докладом, вызвавшим столь оживленные прения.

После перерыва состоялось закрытое заседание Пушкинской Комиссии, в котором М. А. Цявловским было указано, что состоялась национализация пушкинских мест—Михайловского, Тригорского и Святогорского монастыря. Постановлено принять участие в охране, восстановлении и описании этих мест и обратиться в Главнауку с просьбой приглашать в качестве экспертов представителей Пушкинской Комиссии, когда будут рассматриваться вопросы, связанные с пушкинскими местами, а также указать на необходимость национализации с. Болдина и Полотняного Завода, бывш. имения Гончаровых.

В число членов Пушкинской Комиссии заносятся по их заявлению члены О-ва Л. Р. Сл.: И. И. Гливенко, Н. П. Мендельсон, А. И. Некрасов, Б. М. Соколов, Н. П. Сидоров,

П. Е. Щеголев, В. В. Леонович-Ангарский, а также избираются членами П. К. не состоящие членами О - ва Н. Ф. Бельчиков, А. М. Кожебаткин и Л. С. Гинзбург.

---

3. 30 апреля 1922 г. происходило 2-е открытое заседание Пушкинской Комиссии.

Был заслушан доклад Н. К. Пиксанова: «Из анализов «Онегина». Образ Евгения». Текст доклада будет напечатан, поэтому здесь приводятся лишь его тезисы:

1. Творческая работа Пушкина над романом длилась восемь с половиной лет. Это ставит вопрос: насколько выдержаны характер героя и единство авторской точки зрения.

2. В «Е. О.» Пушкин применяет два приема или два стиля письма, и это опзывается на образе Евгения.

3. Дидактическая критика переносила черты юного Онегина, зарисованные в 1-й гл. в манере шупливой поэмы, на общий облик героя.

4. Наряду с этим усматривали в позднейших главах смену взглядов автора, приведшую к «развенчанию» Евгения.

5. Анализ раннего и окончательного текстов романа обнаруживает ошибочность такого взгляда и уснаавливает, что образ Евгения остался неизменным в сознании поэта на всем протяжении творческой истории романа.

6. Однако, в романе есть одно темное место: это строфа 24-ая VII-й гл., вносящая пропотиворечивость в понимание Евгения.

7. В составе моральных идей романа важное место занимает суждение о «себялюбивой и сухой» душе «современного человека».

8. В липературной судьбе Пушкина характерной чертой прорступает борьба с Байроном.

9. Включая Евгения в круг байронических героев, Пушкин переносил на него черты «безнравственной души».

10. Этим осложнением морального образа Евгения созданы неясности 24-ой стр. VII-ой гл.

11. Здесь намечался новый путь к разработке образа, но это было не в средствах романа-поэмы, и Пушкин поспешил замкнуть образ Евгения в более тесном круге.

В прениях по докладу приняли участие Н. Л. Бродский, Л. С. Гинзбург, Н. К. Гудзий, Ю. И. Айхенвальд, А. Я. Цинговатов, С. В. Шувалов, Н. Н. Фатов и П. Н. Сакулин.

Н. Л. Бродский присоединяется к нападкам докладчика на школьно-дидактическое толкование «Евгения Онегина», но находит их даже излишними, так как «школярское» толкование «Онегина» давно уже осуждено. Основную ошибку доклада оппонент видит в том, что Н. К. Пиксанов глядит на Онегина глазами другого персонажа романа—Татьяны, принимая ее мнение за мнение автора. Вопросы в VII-й гл. возникли для Татьяны; ей Онегин стал яснее, и вопросы эти, собственно говоря, лишь повторение с некоторыми вариациями тех риторических вопросов, которые она задавала в письме к Онегину. Можно говорить о «безнравственной душе» Онегина, но эту «безнравственность» следует понимать в духе аморализма. Это—душа упадочника, вырожденца. Онегин—человек с рафинированным умом, с совершенным отсутствием заданий совести. Эта черта—отсутствие альтруизма—в романе ясно выделена: слезы могут лишь «бесить» Онегина, душа у него «холодная». Многие Пушкин срисовал с себя, создавая образ Онегина, но Пушкин имел и какое-то противоядие против этого своего друга. Ввиду этого Н. Л. Бродский не вполне убежден аргументацией докладчика. Особенной глубины в оценке Евгения Татьяной нет. Эта глубина вложена критиками; дать такую оценку она была бы не в состоянии. Слово «москвич»—не более, как случайное выражение. Таким образом, 24-я стр. VII-ая гл. должна быть всецело отнесена на долю понимания Онегина Татьяной, а не автором, который остается при своем старом мнении.

Л. С. Гинзбург, отмечая, что он совершенно не согласен с Н. Л. Бродским, возражает докладчику, что в романе вовсе не единый образ. В начале Пушкин пытается подражать «Беппо» Байрона, а в VII-й гл. он уже ссылается на Байрона иронически. В 24-й стр. VII-й гл. можно видеть не только понимание Онегина Татьяной; напр., сравнивать Онегина с Чайльд-Гарольдом имел основание и сам автор. Докладчик не коснувшись вовсе связи Онегина с другими героями Пушкина, хотя бы с Алеко.

Н. К. Гудзий указывает, что докладчик стал на почву психологического толкования, но такой подход всегда спорен и субъективен. Ряд моментов в докладе опущен, хотя они существенно необходимы. Едва ли образ Евгения

нуждается в изощренном объяснении. Противоречия есть, но они были в характере самого Онегина, как были противоречия и в характере автора. Роман ведь глубоко автобиографичен и лиричен. Пушкин мог и в себе ощущать и себялюбие и «сухой ум». 24-ая стр. VII-ой гл.—второстепенное место, так как тут Пушкин становится в позу наблюдателя. Надо было бы обратить внимание на многое другое, прежде всего на ход самого действия, на поступки Онегина, на его поведение. Едва ли роман в стихах был «убит» Пушкиным. Можно назвать еще несколько произведений в том же роде.

Ю. И. Айхенвальд говорит, что присоединился бы к основной мысли докладчика, если бы был уверен, что он ее правильно понял, а понял он ее так: Пушкин не свел психологических концов с концами в «Евгении Онегине», и оппоненту кажется, что образ Онегина не вполне выдержан и ясен. Целый ряд противоречий налицо. Докладчик указывает, что форма романа в стихах не обязывала Пушкина быть вполне психологичным, но ведь в том же романе мы имеем прелестный по законченности образ Татьяны,—почему же с этим образом справился поэт? Тут надо бы привести иное соображение, и прав докладчик, говоря, что в Пушкине происходила борьба с байронизмом. В Байроне была сила притягательная, но была и отпалкивающая. Но оппонент не думает, чтобы надо было придавать такое значение 24-ой стр. VII-ой гл., ведь сам «роман» Онегина, его любовь не представляются вполне ясными. С одной стороны, Пушкин как бы считает увлечение Онегина Татьяной в Петербурге легким, с другой стороны,—говорит о нем в прагматически-серьезном тоне. Нет сомнения, что Онегин всегда любил Татьяну и что с ним произошло лишь печальное недоразумение. Нельзя согласиться с докладчиком, что в последнем монологе Татьяна ставит Онегина высоко: она считает его чувства «мелкими», страсть его—«малостью». Какая-то несогласованность, несомненно, есть. Татьяна в Онегине не разочаровалась, она продолжает его любить. В этом нельзя сомневаться, и необычайно тонким психологическим штрихом романа является то, что Татьяна по книгам Онегина разгадала его душу. Она впала в сомнение, она не может решить загадки, но, во всяком случае, она не решила ее в сторону отрицательную. Референт обошел вопрос о том, была ли серьезна любовь Онегина,—и это недостаток доклада. Что же касается слов Пушкина «слава богу»,

то они вовсе не значат, что «слава богу, Татьяна поняла Онегина», а «слава богу, что она в нем не разочаровалась».

А. Я. Цинговатов находит, что доклад чересчур подчеркивает спатический момент, как будто ни Онегин, ни Пушкин на протяжении 8 лет не изменялись. Пушкин был насыщен динамизмом, и его отношение к Онегину должно было меняться. Роман трактован, как произведение эпическое, но «Евгений Онегин» — произведение, несомненно, лиро-эпическое. В романе не одно темное место, а целый ряд темных мест. Например, когда пробудилась любовь Онегина к Татьяне — неясно; неясен последний ответ Татьяны Онегину, — он возбуждает бесконечное разнообразие толкований и т. д. Нельзя, далее, признавать, что форма романа в стихах не емкая. Всякая форма в руках мастера является емкой. С другой стороны, есть образы, не вмещающиеся ни в какую форму. Напр., Ставрогин неясен, хотя форма, избранная Достоевским, ни в каком отношении не могла его стеснять. Пушкин сам не вполне ясно представлял себе «сквозь магический кристалл» «даль своего романа».

С. В. Шувалов останавливается на толковании 24-ой стр. VII гл. Он никогда не мог согласиться, что эти вопросы задала Татьяна. Она не могла их задать уже потому, что любила Онегина, а любовь не позволяет опрестись объективно-критически. Образ Татьяны вовсе не монолитен, как это утверждает Ю. И. Айхенвальд в своей книге о Пушкине. Едва ли форма романа в стихах могла помешать Пушкину устранить все противоречия. Возможно, что Пушкин иногда имел перед собою не того Онегина, которого он рисовал, — а тех, которых он встречал в жизни, — отсюда и получились некоторые противоречия.

Н. Н. Фатов отмечает, что в докладе: 1) совершенно не затронут вопрос о той социально-экономической среде, которая создала Онегина, не учтены классовые черты его психологии, не уделено внимания возможным прототипам Онегина (напр. Раевскому, Щербинину, Каверину, на которых указывали исследователи); 2) вовсе не упоминается о том, что роман, собственно, не закончен, что в известной, по расшифрованным П. Морозовым отрывкам, X главе «Онегина» Евгений должен был явиться в среде декабристов, — а это пролило бы несколько иной свет на пушкинский замысел. Возражая Ю. И. Айхенвальду, Н. Н. Фатов указал, что нельзя согласиться с его категорическим

утверждением, будто Татьяна не разлюбила Онегина: она продолжала его любить, но, так сказать, лишь «сердцем», в чем и призналась; любить его «умом» она уже не могла; в последней речи она не верит ему, она упрекает его, она в нем разочаровалась; может быть, в значительной степени потому она и не пошла за ним.

П. Н. Сакулин отмечает, что докладчик определенно поставил две задачи: 1) каким представляется образ Онегина нам и 2) каково отношение к Онегину автора. Противоречия в образе Онегина, несомненно, есть. Чтобы сговориться относительно его понимания, очевидно, требуются какие-то коррективы к непосредственному впечатлению. Прежде всего, многое может уяснить история создания романа, затем анализ формы произведения. Докладчик поступил методологически вполне правильно, обратив внимание, прежде всего, на форму и определив ее, как «лирический роман в стихах». Относительно «емкости» формы надо сказать, что, действительно, эта форма не представляет автору того простора, как форма прозаического романа, и потому приемы творчества автора «Онегина» совершенно особые. Пушкин не останавливается на психологическом анализе своих героев с теми деталями, как это могут делать авторы-прозаики. Но форма нами еще не изучена. Может быть, было бы полезно изучить этот литературный жанр в его эволюции. Очень ценно, что докладчик указал на два стиля «Евгения Онегина» — стиль шуточный и стиль серьезный. Чтобы решить вопрос, ценен ли образ Онегина, надо принять во внимание духовный рост героя параллельно с духовным ростом автора. О монолитности образа говорить не приходится. Докладчик сближает героя с автором более, чем нужно. Пушкин всегда чувствовал линию, которая отделяет его от Онегина. И, кроме того, Пушкин дал Онегину несколько оценок. Когда Онегин сравнивается с толпой, с NN «прекрасными людьми», с «филистерами», — он получает высокую оценку; когда Онегин стоит рядом с Татьяной, — оценка дается другая. И 24-ая строфа VII-ой главы должна быть воспринята в этом аспекте. Для Пушкина Онегин — явление болезненное; в нем много наносного, чужеземного, далекого от родной почвы, но в этом «недуге» есть и высокие черты. Тоска Онегина типична для психологии русского интеллигентной поры, — достаточно сравнить, напр., с настроением «Путешествия» Онегина соответствующее настроение в дневнике Н. И. Тургенева.

Н. К. Пиксанов, отвечая оппонентам, признал, что субъективизм в докладе, конечно, имеется, но это пока еще неустранимый элемент в литературной науке. С Н. Л. Бродским докладчику, собственно, не в чем полемизировать. Термин «безнравственный» докладчик понимает в том же смысле, как и его оппонент. С «школярными» мнениями необходимо бороться, так как они восходят к мнениям самого Достоевского. Но нельзя согласиться с утверждением, будто в 24-ой строфе VII-ой главы говорит только Татьяна; тут, несомненно, дается мнение и самого Пушкина (слова: «слава богу»). Неприемлемым является утверждение, будто Онегин—упадочник, вырожденец. Если уж искать неясностей, то их можно найти не мало. Напр., не ясна мотивация ссоры Онегина с Ленским, и только черновой текст проливает некоторый свет, так как по первоначальному замыслу Пушкина на Онегина смотрят все, как на жениха Татьяны; она, при его появлении на ее именинах, падает в обморок, получается провинциальный скандал, и досада Онегина на Ленского становится вполне понятной, как и желание ему отомстить. В окончательном же тексте все затуманено и потому неясно. Нельзя было бы говорить о дурных качествах Онегина, скорее тут уж «дурные качества» автора, который немного не доработал и допустил неясность. Что касается упреков в слишком большом внимании к 24-ой строфе VII гл., то она, действительно, одна из самых неясных в романе, и это, естественно, привлекает особое внимание к ней.

Отвечая Л. С. Гинзбургу, Н. К. Пиксанов отмечает, что сопоставление Онегина с образом Алеко, сделанное оппонентом, представляется докладчику весьма ценным.

В ответ Н. К. Гудзию докладчик говорит, что он не постулирует цельности натурры Онегина, а выводит ее эмпирически из фактов, и даже, более того, в этом отношении ему пришлось отказаться от первоначального своего мнения и прийти к выраженным в докладе положениям не сразу. Поступки Онегина едва ли могут нам уяснить его идеологию.

Что касается вопроса о «емкости» формы романа в стихах, то емкостью, безусловно, не велика; Пушкин дает только психологическую номенклатуру, только описание, только ставит вопросы, но не дает их обстоятельной разработки,—отсюда и неясности. Напр., нельзя себе представить, чтобы все богатство психологической разработки образа Раскольникова можно было вместить в эту форму.

Но отсюда не следует, конечно, что эта форма окончательно умерла и не может возродиться.

На слова Ю. И. Айхенвальда докладчик отвечает, что вопрос о монолитности образа Тамбьяны спорен; сам Пушкин, следуя указаниям Капенина, как известно, признавал, что в превращении Тамбьяны в светскую даму есть скачок, психологически не оправданный. В последней сцене Тамбьяна полемизирует с Онегиным, но все же дает ему высокую оценку. Сказать, что Тамбьяна читает сквозь книги Онегина его душу,—едва ли можно. Тамбьяна для того была слишком мало образована; криптически отнесись к роману она не могла.

А. Я. Цинговатов построил несколько гипотез, ничем не подтвержденных. Легко предположить отвлеченно, что за 8 лет Онегин изменялся в сознании автора, но из текста романа это ниоткуда не следует. И вовсе не обязательно предполагать, что автор должен менять точку зрения на своего героя при продолжительной работе над ним. «Обломов», напр., писался также очень долго, но разницы во взглядах автора на героя в окончательном тексте и в «Сне Обломова», появившемся гораздо раньше, нет никакой. «Онегин» не рассмапривается в докладе, как эпической роман, наоборот, на его лиризм не раз указывалось. Относительно любви Онегина к Тамбьяне еще в деревне, если иметь в виду окончательный текст романа,—вопрос праздный, но в раннем тексте романа, действительно, говорится об ответном (мимолетном) чувстве Онегина.

Н. Н. Фатов упрекнул докладчика в отсутствии историко-социологического обоснования. Эпих вопросов в докладе сознательно не ставилось, хотя они и имеют свое значение. Что же касается вопроса о том, кончен «Онегин» или не кончен, по думается, образ Онегина вполне закончен, и X глава является как бы искусственным придатком к роману и начал ее писать Пушкин, может быть, под влиянием усиленных советов друзей продолжать роман.

В словах П. Н. Сакулина докладчик ценит опчепливое схематизирование основных линий доклада. Замечание о типичности настроения пьески для психологии русского интеллигента начала прошлого века тоже очень важно, но привлечение указанных П. Н. Сакулиным материалов было бы уже отступлением от той линии имманентного изучения, на которой стоял докладчик.

4. Заседание 14 мая 1922 г. (3-е)—там же:

а) Доклад М. А. Цявловского: «Новые книги о Пушкине».

Докладчик рецензирует четыре недавно вышедших издания: 1) «Не изданный Пушкинъ», Собрание А. Ф. Онѣгина, Труды Пушкинского Дома при Россійской Академіи Наукъ. Издан. «Апенией». Петербургъ 1922; 2) М. Л. Гофман. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Изд. «Апенией». Петербург, 1922; 3) А. С. Поляковъ. О смерти Пушкина (по новымъ даннымъ). Труды Пушкинского Дома при Россійской Академіи Наукъ. Петербургъ. Гос. Изд. 1922 и 4) А. С. Пушкинъ «Гавриілада» подъ ред. Б. В. Томашевскаго. Пб. 1922.

Остановившаяся на первой из этих книг, докладчик указывает, что еще в 1909 г. онегинский музей, находящийся в Париже, был приобретен в собственность Академией Наук, но оставлен в пожизненном пользовании владельца, вследствие чего и до сих пор находится в Париже, и рукописи, хранящиеся в нем, до сих пор оставались неопубликованными. О них известно было лишь по краткому описанию, составленному Б. Л. Модзалевским («Пушкин и его современники», вып. XII). Это описание, естественно, дразнило любопытство. Теперь оно удовлетворено, хотя издание воспроизводит тексты не по подлинным рукописям, а по фотографиям, имеющимся в распоряжении Академии Наук. Количественно, впрочем, новое издание дает не так уже много нового; так, из 38 №№ стихотворений только 7 №№ публикуются впервые (в общей сложности они составляют около 50 совершенно неизвестных пушкинских строк); остальные же №№ являются или неизвестными черновиками к известным беловым текстам или были уже раньше опубликованы. Из 9 №№ художественной прозы лишь 2 №№ публикуются впервые; из 20 №№ критической прозы—9 №№ ранее не были совершенно известны, и, наконец, из 5 №№ писем и записок—только 1 № публикуется впервые. Таким образом, из всех 72 опубликованных №№ только 19 являются новинками в строгом смысле слова. Но все же новое издание приходится признать фактом весьма значительным, так как все тексты публикуются с большою точностью. Впрочем, по приведенным снимкам видно, что транскрипция все же не идеальна,—попадают даже опечатки,—вещь в транскрибируемых текстах абсолютно недопустимая. Есть некоторые мелкие погрешности и в при-

мечаниях. Внешность издания — не оставляет желать ничего лучшего.

Книжка М. Л. Гофмана состоит из двух частей — довольно обширного вступления и собственно «первой главы науки о Пушкине». Начав с указания, что по Пушкину вообще сделано крайне мало, несмотря на огромную литературу, не изучена ни эпоха, ни биография поэта, ни связь его с литературой, ни тем более его поэтика, стиль, автор переходит к вопросу о т. наз. — «каноническом тексте» Пушкина, которого мы до сих пор не имеем. Существующие издания дают совершенно неправильный текст: они допускают произвольные вставки, пропуски, дают сводное чтение из разных вариантов, сочиняют заглавия, произвольно раскрывают инициалы и звездочки и т. д. Указывая затем на необходимость описания и транскрибирования всех рукописей Пушкина, М. Л. Гофман говорит о необходимости составления полной библиографии по Пушкину. Все положения обильно иллюстрируются примерами. Все, что говорит М. Л. Гофман, конечно, бесспорно и давно всем, занимающимся Пушкиным, известно, но при этом все вопросы автором книги сильно упрощены, и написанное им могло бы называться разве «введением в 1-ю главу», но никак не 1-й главой науки о Пушкине. Вопрос о каноническом тексте вовсе не так прост, как думает М. Л. Гофман, считая за таковой последний, который был перед глазами Пушкина. Беда в том, что авторских корректур для Пушкинского текста мы не имеем. Более того, мы знаем, что сравнительно редко Пушкин сам следил за печатанием своих произведений. Стало быть, в печатных текстах, вышедших при жизни Пушкина, могут иметь место ошибки, пропуски, искажения и пр., принадлежащие издателям, корректорам, не говоря уже о цензуре. Вопросы об орфографии Пушкина М. Л. Гофман не касается вовсе, — а это один из сложнейших вопросов, наряду с вопросом о пунктуации. Думается, что обязательного канона для всех сочинений Пушкина и не может быть. Не менее сложны вопросы о распределении произведений Пушкина в хронологическом порядке как по годам, так и внутри годов, — все эти вопросы просто обойдены автором. Мы вправе были ждать от книги М. Л. Гофмана с таким многообещающим заглавием — большего. Имеется ряд мелких недостатков, напр. — наиболее грубая ошибка — автор отрицает принадлежность Пушкину известного «Романса» («Под вечер осени ненастной»), тогда как стихоповoreние, безусловно, пушкинское

Ефремов видел автограф, в котором Пушкин начал исправлять это стихотворение, чего бы он не стал делать, если бы оно ему не принадлежало.

Третья книга—А. С. Полякова о смерти Пушкина—написана на основании некоторых новых документов, найденных в Архиве бывш. III Отделения и неизвестных П. Е. Щеголеву при его работе над исследованием «Дуэль и смерть Пушкина». Ничего особенно интересного вновь найденные документы не представляют,—это, сравнительно, мелочи, на которые раньше, вероятно, и не обратили бы внимания. Но при перешедшем повышенном интересе ко всему, что касается Пушкина, и они представляют все же известную ценность, внося кое-какие новые штрихи в наше знание о Пушкине. Наиболее любопытными документами представляется записка бар. Геккерена к Дантесу и письмо Дантеса к председателю суда полковнику Бреверну. Интересны, далее, те документы, которые дают автору возможность высказать некоторые новые соображения на тему «Пушкин и Николай I». Весьма вероятными представляются предположения, что Николай I был не вполне равнодушен к жене Пушкина, и что какие-то отношения между ними существовали,—это проливает совершенно новый свет на семейную драму поэта. Любопытно категорическое утверждение Полякова, что в послышке известного «диплома» на звание роноосца Пушкину Геккерены не виноваты, что представляется также весьма вероятным. Попытки жандармов найти по почерку авторов пасквиля ни к чему не привели. Во всяком случае, книга А. С. Полякова, к тому же прекрасно внешне изданная, является не бесполезным дополнением к классическому труду П. Е. Щеголева.

Наконец, четвертое из рецензируемых изданий—«Гавриилада» под ред. Б. В. Томашевского. По внешности—с совершенно исключительной роскошью изданная книга. Задача редактора заключалась в том, чтобы привести в известность все списки «Гавриилады» и установить ее возможно более правильный текст. В основу Томашевский кладет текст Ефремова, но он странным образом не знает, что этот текст был в свое время напечатан Ефремовым, хотя и в незначительном количестве экземпляров; не знает также и того, что среди частичных публикаций «Гавриилады» была еще публикация Гербелья (в сборнике «Братская помощь», в 1876 г.); редакция сборника не решилась печатать текста, но он был набран, о чем Гербель

рассказывает в письме к Стасюлевичу, которому и послал отписк; подобные же отписки имеются и у других лиц, напр., в Москве у Л. Э. Бухгейма. Не знает Томашевский также издания «Гавриилиады», вышедшего в Тифлисе. Наконец, не зная совершенно исключительного по ценности, заслуживающего не меньшего внимания, чем список Ефремова, списка «Гавриилиады» в «Лонгиновском» сборнике¹. Издание снабжено обстоятельным комментарием, но его рецензент касаться не будет, поставив себе задачу рассмотреть издание только со стороны текста.

После доклада М. А. Цявловского состоялась беседа, в которой приняли участие Н. А. Бродский, Л. С. Гинзбург и В. В. Леонович-Ангарский.

Н. А. Бродский добавил, что Суворинское издание соч. Пушкина вновь появилось в продаже в 1917 г.; поэтому любопытно было бы выяснить, присутствует ли текст «Гавриилиады» в эпих экземплярах; первоначально «Гавриилиада» давалась, как вкладное приложение, так что могли быть экземпляры с нею и без нее. Любопытно выяснить также, чем объясняется, что текст Ефремовского списка отличается от данного им печатного текста.

Л. С. Гинзбург останавливается на изданиях «Гавриилиады» в революционные годы и указывает, что изданий было несколько, между прочим, текст ее воспроизводился и в газетах, но все издания, кроме издания «Альционы», являются макулатурными.

В. В. Леонович-Ангарский, останавливаясь на книге «Неизданный Пушкин», отмечает неуместные, по его мнению, упреки Онегину-Отто, который сделал большое и важное дело, и ничего, кроме благодарности, с нашей стороны заслужить не может. Относительно книги А. С. Полякова оппонент заявляет, что ему представляется не вполне убедительной реабилитация Геккеренов.

М. А. Цявловский в заключение указывает, что изменение в заглавии «Гавриилиада», вместо обычно печатаемого «Гавриилада», не представляет новости — Пушкин сам в двух местах писал: «Гавриилиада», и такое написание вполне естественно.

б) После перерыва Ю. И. Айхенвальд прочел эту, посвященную «Гавриилиаде», как художественному произведению.

¹ См. выше статью М. А. Цявловского.

Одно дело, — сказал докладчик, — написать «Гавриилиаду», другое дело — писать о «Гавриилиаде», и, может быть, последнее вызовет более нареканий, чем первое. Разговаривая о «Гавриилиаде», мы невольно запрагиваем чувство справедливости. Но из песни слова не выкинешь, тем более из пушкинской песни. И тем более возможно чтение этого эпюда в обществе специалистов, а не перед случайной аудиторией.

«Гавриилиада» пользуется славой кощунственного произведения. Этого автор и сам хотел. Но произведение часто выходит не таким, каким хочет его видеть автор. Красота неисказима и не помрачаема. И красота «благовещения» не исказилась и не помрачилась «Гавриилиадой». Пародия величия не спрашна. Даже полезна. Весть пародию выдерживает лишь подлинно великое. Как литературный жанр, пародия вполне приемлема. Она ни перед чем не останавливается, ничего не боится, свергает то, что зазналось, дает чувство масштаба и пропорции. Но, строго говоря, ничто не поддается пародии, так как всё серьезно.

Пушкинская поэма связана по содержанию с Евангелием. Евангелие имеет бесконечное продолжение — ряд апокрифов. Источник их — любопытство: хочется раскрыть недосказанное в Евангелии. Среди таких продолжателей Евангелия был и тот, кто написал «Гавриилиаду». И от того, что он ее написал, не потускнел лик Мадонны. Великое — великодушно, и своим покусителям оно мстит тем, что приобщает их к себе. Чему Пушкин посмеялся, тому и послужил. «Гавриилиада» возникла из легкомыслия, но в легкомыслии скрыто глубокомыслие, и шутивная поэма говорит нам о многом серьезном. Бог полюбил свое создание, свою рабу; творение пленило творца. Бессмертные нуждаются в смертной, — и небо перестает быть чужим и далеким. Как в единоборстве архангела и беса победил архангел, так и в поединке серьезности с шуткой победила серьезность, хотя везде и царит улыбка. Интересны и глубоки мысли, что сны слепают по знаку небесному, что бес наполнил Еву на грехопадение для того, чтобы спасти ее от любви бога. В идее соперничества бога и человека есть что-то идущее за границы простого вышучивания, — тут какие-то тайны метафизики. Дьяволу, правда, можно не верить, но, по его словам, выходит, что любви научил людей не кто иной, как он, дьявол, — это слова к тому же и дьявола, и Моисея, и Пушкина. Поистине прелестно описание первой любви на земле, — любви Адама и Евы, — очаро-

вательные стихи, какие-то ручьи любви. Все это звучит подлинно по-пушкински. Но всерьез ли думал Пушкин, что отец любви—дьявол, всерьез ли говорил о дружбе между демоном и женщиной? Здесь мы подходим к вопросу о демоническом в творчестве Пушкина: оно у Пушкина было; вспомним хотя бы «Демона» или образ Мефистофеля в «Сцене из Фауста». Но мы, читатели, не можем признать безлюбного дьявола отцом любви,—он отец разврата, дерзости. И изящное слово не искупает оскорбления любви. Поэт не спешится ввести в круг своей нечистой мысли «чистейшей прелести чистейший образец». И не только религиозное, но и эстетическое чувство оскорблено,—мы отворачиваемся от реалистических подробностей, нарисованных Пушкиным. Но это касается лишь нескольких эпизодов, все же остальное не кажется грубым и не оскорбляет. Однако мотивы порока, противоестественности нестерпимо портят и заглушают прекрасные образы и интересные идеи. И удар святопатца обрушивается на него. Если бы этих эпизодов не было, архитектоника поэмы была бы идеальна. Образы простодушны и непосредственны; «скромная Мария» умиляет. Мы не удивляемся, что и Небо и Демон оспанавливаются на ней. И не символично ли указание на раздвоенность женской души, которая готова отдаться и сатане и богу, и не позволяет ли это сблизить лишний раз Пушкина с Достоевским, который говорил о соединении идеала Мадонны с идеалом содомским. Эпизод поэмы преисполнен недоверия к женщине и к браку. Быть может, самое жуткое в поэме—зароненное сомнение, кто же был отцом Мариина сына: ведь она познала троих, и первым был дьявол.

Когда Пушкин писал «Гавриилиаду», у него было настроение антихристианское, богоборческое, но потом он это настроение в себе преодолел. Все же приходится сказать, что память Пушкина не безоблачна, в ней есть пятна; он допускал шалости, не совсем безобидные. Однако, конечно, наше настроение таково, что мы всё же не отлучаем себя от старых алтарей. Кощунственный образ разбился о красоты легенды. И лишь тот, кто не уверен в своей вере, будет пугаться пушкинского озорства. И убеждает нас в этом более всего сам Пушкин с его заветом: «Служенке муз не перпит суеты; прекрасное должно быть величаво».

После доклада Ю. И. Айхенвальда состоялись оживленные прения, в которых приняли участие С. В. Шувалов,

Л. С. Гинзбург, В. В. Леонович-Ангарский, М. И. Щелкунов и П. Н. Сакулин.

С. В. Шувалов сказал: Ю. И. Айхенвалда дал отклики своей души на произведение Пушкина. Всё, что он говорил, очень интересно, но и очень субъективно, так что возражать было бы необычайно трудно. Однако, кое-что можно было бы и объективно установить. Пушкин в легком сюжете затронул несколько серьезных проблем, говорит докладчик. Но ведь Пушкин затронул их не первый, — они связаны с тем традиционным легендарным материалом, которым пользовался Пушкин; напр., вопрос о происхождении любви от дьявола восходит еще к богумильским легендам. Пародия, конечно, не может поколебать святыни, но это соображение едва ли может относиться к Пушкину, — ведь создавая поэму, он просто резвился, и если получилось нечто более серьезное, то лишь благодаря ценности самого материала и достоинствам его поэтической обработки.

Л. С. Гинзбург также отмечает субъективность доклада. Всё внимание сосредоточено на красоте — на образе Марии, и она действительно прекрасна в этой поэме, но докладчик ничего не говорит о других персонажах поэмы — о боге, об архангеле Гаврииле, об Иосифе. Пушкин очень кощунственно говорит о творце, но тут можно установить связь с античными мифами; достаточно сравнить миф о Юпитере и Леде, где порнографический элемент совершенно спирается из-за красоты. Однако, нельзя с Пушкина снимать совершенно всякую ответственность за написание этой поэмы. Тут, несомненно, есть элемент озорства, от которого Пушкин потом не прочь был отказаться.

В. В. Леонович-Ангарский выражает свое удивление по поводу содержания доклада Ю. И. Айхенвалда. Нужен был совсем другой подход. Прежде всего нужно было анализировать форму произведения, и научно-объективно установить ее ценность. А докладчик остановился на том, на чем не следовало бы останавливаться вовсе. Какой смысл говорить об «озорстве» Пушкина, когда вся Библия полна такого «озорства», как и вся классическая литература, перед которой поэма Пушкина кажется совершенно невинной. Говорить об озорстве, о кощунстве излишняя строгость. Важно, наоборот, обратить внимание на то, что Пушкин написал свою поэму в эпоху, когда православие считалось незыблемым. В поэме Пушкина чувствуется революционный написк. И это надо ценить. Не можем же мы всерьез говорить о какой-то святости «благовещания»

и видеть кощунство в вольной интерпретации евангельской легенды. Докладчик же как будто путает святость благоговения со святостью евангелия, т.-е. учения Христа. Одно к другому не имеет никакого отношения.

М. И. Щелкунов указывает на то, что для докладчика Пушкин — шалун, написавший кощунственную шутку. Он не может стать на ту точку зрения, что «Гавриилиада» — подлинно великая поэма. Он пытается выгнать из храма не хулигана, а гения, копорый, войдя в храм, имеет право говорить то, что думает. «Гавриилиада» — произведение с строго научным отношением к своему материалу. Ведь давно уже научно установлено, что вся Библия представляет собою чисто литературное произведение, возникшее на почве народных легенд, искал в которых какой-либо морали — задача совершенно абсурдная. Подход должен быть бы такой: 1) проследить традицию по Евангелию и по апокрифам и 2) выяснить то, что Пушкин внес своего. Нелепо говорить, что Пушкин оскорбляет бога. Пушкин говорит не о творце, а о легендарном еврейском боге. Не обратил внимания докладчик и на то, что эта тема не раз затрагивалась другими поэтами, напр., Волтером, Парни. Пушкин в своей теме ни разу не опускается до толпы, а Ю. И. Айхенвальд все время идет с толпой и смотрит на гениальное создание поэта ее глазами. Пушкин от своей поэмы никогда не думал отказываться, иначе он смог бы вытребовать от Вяземского свою рукопись обратно. Докладчик более бы возвысил Пушкина, если бы постарался понять величие его ума, не побоявшегося суда толпы.

П. Н. Сакулин отмечает, что нас не удивляет такое внимание к «Гавриилиаде». И в высшей степени ценно, что именно Ю. И. Айхенвальд выступил с докладом об этой поэме. Необходимо установить какую-то точку зрения на «Гавриилиаду». Очевидно, могут быть две точки зрения: 1) читательская и 2) научная. Стоя на первой, можно расходиться, осуждать поэму со стороны эстетической, религиозной, можно огорчаться по поводу ее написания или же радоваться. Но есть другая точка зрения — научная. На нее и надо стать исследователю. Б. Томашевский в своем издании не выполнил всего. Ю. И. Айхенвальд прекрасно дополнил то, чего нет у Томашевского. Необходимо уметь подойти научно к произведению с его художественной стороны. Докладчик правильно устанавливает литературный жанр произведения Пушкина, как пародийный, — стало быть, указывает на принадлежность ее к известному

литературному стилю. Затем следующий вопрос — творчески-композиционный. Для нас важно рассмотреть вопрос с точки зрения Пушкина. Ю. И. Айхенвальд об этом и говорил. Не так уж важно, каковы источники поэмы; важно, что все это прошло через горнило творчества Пушкина. Демонизм у Пушкина, действительно, был, и он показал, что идеал содомский может сосуществовать с идеалом Мадонны. Оставляя в стороне эпическую, субъективную оценку, которую дал поэме докладчик, П. Н. Сакулин считает доклад очень ценным с двух указанных сторон.

Отвечая своим оппонентам, Ю. И. Айхенвальд отмечает, что он слышал упрек в субъективизме, но иного суждения о литературных произведениях, по его мнению, и быть не может, и он прямо идет навстречу субъективности. И Пушкин, несомненно, рассчитывал на субъективность читателя, когда писал «Гавриилиаду». Научно-объективными своих мнений докладчик и не считает. Указание С. В. Шувалова, что затронутые Пушкиным проблемы не им впервые поставлены, не имеет отношения к делу — это общеизвестно, но доклад построен на принципах имманентной критики, исходит из самого произведения и только из него. Вопросы о пародии нельзя опмечевать от произведения Пушкина; этот общий вопрос тесно связан с оценкой поэмы. А. С. Гинзбургу докладчик отвечает, что красота есть главное, что пленяет, поэтому ей и уделено центральное место; все внимание сосредоточено на образе Марии, потому что это — центральный образ. В. В. Леонович-Ангарский и М. И. Щелкунов берут под защиту Пушкина, но доклад и не ставил целью унижать Пушкина; все время говорилось, что «Гавриилиада» — произведение значительное, глубокое; изгонять Пушкина из храма докладчик менее всего хотел, также и отрицать его право говорить то, что он думает. Относительно стороны историко-литературной в докладе есть необходимый материал; устанавливается связь с другими произведениями Пушкина, образы рассматриваются в перспективе пушкинской поэзии вообще. Едва ли можно сказать, что, признавая христианство святыней, докладчик идет вместе с толпой, — ведь теперь гораздо легче утверждать, что идеалы Христа не нужны, чем отстаивать обратное. Наконец, докладчик отмечает, что ему оправданно было услышать от П. Н. Сакулина, что он поддерживает его основную мысль. Для докладчика всегда было дорого само произведение, а не его антураж.

5. Заседание 4 июня 1922 г. (4-ое) — там же.

а) Доклад В. В. Баранова. «Автограф «Мадонны» Пушкина»¹.

В прениях по докладу приняли участие П. Н. Сакулин, М. А. Цявловский, Н. Н. Фатов, В. Ф. Саводник и Н. К. Пиксанов.

П. Н. Сакулин отмечает ценность находки. Эта редакция является более интимной. Возможно признать некоторые варианты, напр., «играющий Спаситель», подлежащими внесению в «канонический» текст стихотворения — видно, что Пушкин ими особенно дорожил. Очень важно и замечание собственника альбома, что стихотворение вызвано вопросом об укреплении Пушкина в вере.

М. А. Цявловский, останавливаясь на трудности установления канонического текста, указывает, что перед нами, с одной стороны, редакция, которую Пушкин сам дважды печатал, с другой стороны — его рукопись. Думается все же, что более каноничным надо считать текст последний по времени, т. е. в данном случае текст альбома.

Н. Н. Фатов полагает, что докладчик недостаточно использовал свой материал. Стихотворение «Мадонна» вызывает много вопросов и может быть рассмотрено с разных сторон — со стороны биографической (известно мнение, что сонет вызван чувством Пушкина к Н. Н. Гончаровой, в то время его невесте), со стороны эстетической (Пушкин желает иметь у себя произведение искусства — прекрасную картину), со стороны религиозной (и тут, конечно, особо важна приписка собственника альбома), наконец, со стороны композиционной, со стороны ритма, звукописи и т. д. Было бы естественным, чтобы докладчик рассмотрел новые варианты со всех этих точек зрения; быть может, тот или иной вариант объясняется желанием поэта дать новый оттенок содержания, а может быть, причина изменений была иная, чисто композиционная; интересно было бы отметить, не меняют ли новые варианты ритмики стихотворения, не влияют ли на гармонически-звуковой рисунок. Что касается ссылки докладчика на цензуру, то она едва ли имеет значение, так как эпитет «играющий» едва ли мог возбудить сомнение цензуры в применении к Спасителю даже в то время. Относительно канонического текста, оппонент полагает, что единого

¹ Доклад (в некоторой переработке) напечатан в настоящем сборнике.

канонического текста при наличии нескольких вариантов установить вообще нельзя, — каждый из вариантов может быть каноничным для данной эпохи пушкинского творчества.

В. Ф. Саводник останавливается на ясном спремлении Пушкина представить в новой редакции образ Мадонны и Спасителя в более реальном, человеческом виде. Вероятно, Пушкин имел в виду какую-либо определенную картину, может быть, Мадонну Рафаэля в Эрмитаже, где Мадонна как раз изображена с играющим ребенком. Возможно, что Пушкин действительно хотел иметь у себя эту картину или снимок с нее. Играющий Спаситель изображается и на картинах Мурильо.

П. Н. Сакулин подтверждает мысль, что Пушкин, несомненно, имел в виду определенную картину. Во всех трех редакциях говорится о Мадонне «на холсте».

Н. К. Пиксанов обращает внимание на живую подробность — говорится о Мадонне «под пальмой». Очевидно, надо искать картины, где нарисована пальма.

В. Ф. Саводник указывает, что эрмитажная рафаэлевская Мадонна как раз под пальмой. Надо вообще пересмотреть различные типы Мадонн, известных в пушкинские годы — тогда, может быть, удастся точно установить, какой образ был перед глазами Пушкина.

Н. К. Пиксанов останавливается на вопросе о «каноническом тексте». Он бы устранил этот термин. Лучше говорить об окончательном — «дефинитивном» тексте. Надо, конечно, выше всего ставить «последнюю волю поэта», но не всегда лучшим является вариант, последний по времени. Поэт может иногда дать вариант, но не считать его заменяющим. Так поступают, например, художники, которые пишут несколько экземпляров своей картины. Копии могут давать варианты в деталях, но эти варианты не являются заменой оригинала.

Н. Н. Фатов останавливается на значении приписки Малиновского для уяснения вопроса о характере религии Пушкина. Его религия, думается, была религией земной, религией принятия мира, жизни и его радостей, и, отвечая на вопрос: «утвердился ли он в вере», Пушкин ясно говорит, что вместо идеала Мадонны небесной, к которой он и раньше-то влекся не столько по религиозным, сколько по эстетическим побуждениям, он теперь обрел земную «Мадонну» — «тебя, моя Мадонна, чистойшей прелести чистойшей образец».

В. В. Баранов, отвечая оппонентам, говорит, что он не ставил в своем докладе широких целей, он хотел только доложить Комиссии о вновь найденной редакции пушкинского стихотворения и высказать гипотезу о большей каноничности нового текста. Докладчику кажется, что для суждения о религии Пушкина это стихотворение не может дать материала, так как оно связано с определенной женщиной, Н. Н. Гончаровой, на что есть указания и в письмах Пушкина, и в мемуарах о Пушкине. Связь с живописью также несомненна, и он предполагает приступить к изучению в этом направлении. В заключение добавляет, что в альбоме есть еще позднейшая приписка, которая читается так: «а в 1862 г. удостоверила мама, что это Соне», т. е. что стихотворение посвящено С. А. Самборской, которая была замужем за Малиновским.

М. А. Цявловский замечает, что вопрос о том, к кому обращено стихотворение, не может считаться окончательно выясненным. Вяземский указывал, что перед свадьбой в разговорах с приятелями Пушкин был довольно циничен, и что стихотворение «Мадонна» посвящено не будущей его жене, а другой женщине. Указание на «Соню» Самборскую как бы подтверждает этот слух.

б) После перерыва Н. К. Пиксанов рецензирует только что появившуюся в печати работу М. Л. Гофмана «Пропущенные строфы Онегина».

Работа Гофмана первая и единственная в своем роде. Ее можно сравнить с такими лишь работами, как труд Б. Л. Модзалевского по описанию Пушкинской библиотеки, М. А. Цявловского «Пушкин в печати», П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», Н. О. Лернера «Труды и дни Пушкина» и т. п. Это все работы совершенно несходные, даже несравнимые, но их роднит одна особенность — они выполняют поставленную задачу с такой полнотой, что после них уже не представляется возможным брать ту же тему, несмотря на имеющиеся в работах частичные недостатки и пропуски. Не свободна от недостатков и работа М. Л. Гофмана, уже по одному тому, что она печаталась в течение шести лет, с 1916 по 1922, а в течение этого времени и сам автор рос, как ученый, и накоплялись новые материалы. Тема определяется заглавием — «пропущенные строфы Онегина». В романе, как известно, существует ряд строк, которые Пушкин не мог или не хотел печатать;

есть строфы без текста, только отмеченные римскими цифрами. Изучение истории создания «Евгения Онегина» указывает нам, что Пушкин, действительно, иногда выпускал строфы, даже бывшие в печати или совершенно обработанные в рукописи; но имеется и большое количество строф не вполне окончанных, которые не вошли в окончательный текст романа, сохранившись в черновых рукописях. Отсюда намечаются две чрезвычайно важные проблемы: 1) в связи с эдичионной техникой и 2) в связи с творческой историей романа. Обычно редакторы включали пропущенные строфы в текст романа, но так или иначе графически выделяли их. М. Л. Гофман полагает, что они не должны включаться в основной текст романа, который должен печататься в том виде, как в последний раз его печатал сам Пушкин. Что же касается второго вопроса, то пропущенные строфы обращали на себя внимание исследователей в связи с историей создания романа, но полного освещения этот вопрос не получал.

М. Л. Гофман изучает текст пропущенных строф по всем ему доступным рукописям. До него с такой полнотой еще никто этой работы не производил. Весь рукописный текст воспроизводится в транскрибированном виде, — эта часть работы имеет очень большое значение. Еще большего внимания заслуживает та часть работы, где автор сличает транскрибированный им текст с печатным, особенно с текстом издания «Просвещения» под редакцией П. О. Морозова, и, может быть, самая ценная — заключительная часть работы, дающая обзор в всех известных рукописей «Евгения Онегина» (а не «пропущенных» только строф) в строгой последовательности глав и строф, что дает возможность наглядно представить, где какая рукопись находится, и для каких мест романа рукописный материал совсем отсутствует. Сразу, например, при беглом даже взгляде, благодаря принятой автором системе, видно, что 6-ая глава вовсе не представлена рукописями, за исключением трех строф в конце. Затем имеются и некоторые «надстройки» к исследованию — уже общего характера, отмечающие значение для текста романа этих пропущенных строф. Наиболее важным, конечно, представляется вопрос, почему Пушкин вычеркнул ту или иную строфу. Замечательно, что иногда Пушкин ставил римскую цифру там, где не было никакой написанной строфы, но по замыслу чувствовалось, что надо было сделать как бы ритмическую паузу. Иной раз любопытно

видеть композиционные колебания Пушкина. Напр., первоначально во 2-й главе было 47 строф (рукопись Рум. Муз.), затем несколько строф было прибавлено, ряд был исключен, произведена перестановка, и в результате из общего числа 51 строфы, входящих в состав 2-й главы, в окончательном тексте осталось всего 40. Для истории композиции романа всё это необычайно ценно. Эта работа М. А. Гофмана останется навсегда. Она выполнена необычайно добросовестно, с большой преданностью делу, с большой общей осведомленностью и другими почтенными качествами автора.

Но позволительно и по поводу такой работы высказать несколько возражений. Странным представляется стремление М. А. Гофмана монополизировать эдичионные приемы. Протест его против старых редакторов, позволяющих склеивать текст из разных вариантов, конечно, понятен, но протест этот не нов, он раздавался и раньше (напр., замечания П. Е. Щеголева на работы проф. И. А. Шляпкина); принцип «последней воли поэта» был выдвинут в академическом издании сочинений Грибоедова. Да и сам М. А. Гофман в своих изданиях не вполне пунктуально выполняет свои принципы. Впрочем, тут последнее слово за лицами, которые возьмут на себя труд сверить работу М. А. Гофмана с рукописями. В книге Гофмана, к сожалению, отсутствуют снимки, которые необычайно ценны как материал для контроля приемов автора. Далее автор исходит в своей книге вообще из полемических предпосылок, — ему как бы хотелось выпустить известный редакционный манифест, но, во-первых, останавливаться особенно долго на приемах старых редакторов, это — почти ломиться в открытую дверь, во-вторых, и сам автор расширяет свою тему, в части работы касается уже всего романа, а не пропущенных только строф. Более естественно было бы, если бы исследование исходило не из полемических, а из положительно-научных целей и брало бы предметом изучения весь роман, а не пропущенные только строфы, тем более, что изучение лишь пропущенных строф иногда ведет к серьезным неудобствам: часто пропущенная строфа оказывается песнейшим образом связанной по смыслу с соседней, не пропущенной; но автор этих вопросов уже не считает нужным запрашивать. Мы же, естественно, стремимся к осознанию творческой работы автора над «Евгением Онегиным» в целом. Остаается поэтому только желать, чтобы автор возможно скорее продолжил свою работу и изучил весь роман.

После частичных замечаний В. В. Баранова и П. Н. Сакулина, Н. К. Пиксанов добавляет, что к своим приемам М. Л. Гофман пришел не сразу: в академическом издании сочинений Боратынского он как раз придерживался тех редакторских приемов, которые теперь осуждает. В свое время критика ему указывала на его редакционные недостатки. Оправдано видеть, что М. Л. Гофман оказался таким внимательным и чутким к критике.

---

6. Заседание 19-го ноября 1922 года (5-ое, 1-ое после летнего перерыва) — в помещении Росс. Академии Художественных Наук.

а) Н. К. Пиксанов, открывая заседание, произносит краткое слово в память недавно скончавшегося харьковского профессора, известного пушкиниста Н. Ф. Сумцова.

Н. Ф. Сумцов — один из старейших пушкинистов, выступивший со своими «Этюдами» о Пушкине еще в 90-х гг. прошлого века. Его работы обычно не носят охватывающего характера. Он брал или одно какое-либо стихотворение Пушкина, или целую сюитку их, и вел кропотливое исследование, всегда точное, внимательное и исчерпывающее. Добытые им результаты давно вошли в обиход пушкиноведения. Он продолжал интересоваться Пушкиным и работать над ним до последнего времени. Всего ему принадлежит более 50 работ, посвященных творчеству великого поэта.

Память Н. Ф. Сумцова была почтена вставанием.

б) Доклад В. Ф. Саводника «Античные образы в поэзии Пушкина».

Докладчик ставит себе три задачи: 1) проследить, откуда Пушкин мог заимствовать античные образы, 2) какковы эти образы сами по себе и 3) выяснить видоизменения античных образов в течение жизни Пушкина. Античные образы Пушкин, естественно, заимствовал из античной литературы — греческой и римской. Возникает вопрос, насколько глубоко Пушкин понимал античный мир. Выяснением этого вопроса занимались П. Черняев, Любомудров и проф. Мален; однако, нельзя сказать, чтобы вопрос был разрешен исчерпывающим образом. Очерк Черняева грешит отсутствием исторической перспективы; кроме того,

автор совершенно не принимает во внимание посредствующих влияний и поэтому сильно преувеличивает знакомство Пушкина с античной литературой и античным миром. Любомудров высказывает несколько интересных соображений, напр., усматривает три эпохи в отношении Пушкина к античности: 1) юношескую, лицейскую, 2) окрашенную влиянием Батюшкова и 3) окрашенную влиянием Ан. Шенье, — но во всей полноте вопроса также не решает; с некоторыми его утверждениями нельзя согласиться, напр., он незаслуженно презрительно относится к Парни и т. д. Работа Малейна хотя и отличается большими достоинствами, но имеет в виду лишь ранний период творчества Пушкина. Автор точно усматривает, что Пушкин в большинстве случаев знакомился с классическими поэтами не непосредственно, а по переводам (французским), в чем его убеждает анализ форм имен (Октавий вм. Октавиан и т. д.).

Докладчик ставит свою задачу выяснить те пути, которыми Пушкин пришел к античности. На первое место надо поставить французскую литературу. Надо иметь в виду, что каждая эпоха создает свой стиль, смены которых происходят очень медленно. Только великие таланты умеют уйти от стиля эпохи, могут не подчиниться ему (и то обычно только до некоторой степени) и создать свой стиль. Яркий пример такого великого таланта — Пушкин. В его годы утверждалось сентиментальное направление, но Пушкин ему не подчинился. В «Городке» приводится длинный ряд авторов, которых читал поэт — львиная доля принадлежит классикам: сентименталисты названы, но особых симпатий к ним не видно.

Античные образы у Пушкина могут быть разбиты на три категории: 1) образы, восходящие к классической мифологии или истории, 2) образы, отражающие черты античного быта, и 3) образы, воспроизводящие античные представления, воссоздающие античное мирозерцание. Некоторые образы употребляются поэтом очень часто. Особенно часто пользуется он традиционными образами античных богов — чуть ли не весь Олимп фигурирует у Пушкина, хотя он часто и путает греческих и римских богов. Особенно часто встречаются эротические образы — Венера, Киприда, Эрот, Гименей, Цитера и т. д. Из образов второй категории, бытовых, Пушкин в описаниях пользуется античной бутафорией — урны, лиры, пенаты и т. д.; иногда эти образы руссифицируются, напр., говорится о «ликах» богов и т. д.; очень любит Пушкин также характерно античный

образ венка или венчания. Из образов претвей категории часты образные олицетворения—Муза, Любовь, также отвлеченные понятия—Судьба, Счастье, Время (все эти слова Пушкин обычно пишет с большой буквы, чем и намекает на элемент олицетворения этих понятий).

Влияние французской поэзии было настолько сильно, что, напр., можно уверенно сказать, что Пушкин не чувствовал разницы между Тибуллом и Парни. Интересен, далее, вопрос об эволюции античных образов в связи с развитием его творчества. Прежде всего мы можем констатировать несомненное количественное уменьшение античных образов с возрастом поэта. Было бы несправедливо приписывать происхождение античных образов только литературе—влияли и живопись и скульптура, и вся обстановка, в которой жил Пушкин. Нельзя сказать, что интерес к античности у Пушкина с возрастом падает. Наоборот, можно сказать, что он углубляется. Пушкин обращается к подлинникам,—начинает изучать Тацита и римских поэтов, которых и переводит. Замысел «Египетских ночей» говорит о гениальном проникновении поэта в мир античности. Образ Музы, строго античный,—был одним из любимейших образов Пушкина, и он с ним не расставался до конца жизни.

После доклада В. Ф. Саводника состоялись прения, в которых приняли участие Н. Н. Фатов, Б. А. Грифцов, Л. С. Гинзбург, В. Е. Чешихин-Ветринский.

Н. Н. Фатов отмечает, что хотя докладчик и начал с указания, что все, писавшие об отношении Пушкина к античности, этого вопроса не смогли исследовать во всей его полноте (что давало основания надеяться именно в докладе В. Ф. Саводника найти более полное исследование этой проблемы),—доклад, собственно говоря, ничего нового не дал. Правильно указав на необходимость исследовать пути, которыми Пушкин пришел к античности, докладчик остановился лишь на одном пути—на влиянии французской поэзии. Это влияние, конечно, было и сыграло большую роль в деле ознакомления Пушкина с античным миром и античной поэзией, но этот путь был далеко не единственным. Можно указать и несколько других путей. Прежде всего—русская поэзия, русский классический стиль, который ведь выработался гораздо раньше Батюшкова. И Ломоносов, и Сумароков, и Костров, и Петров, и Княжнин, и Крылов, и Державин—все они правоверные

классики. На каждом шагу в их произведениях встречаются имена античных богов, античные образы. Это была та литература, на которой Пушкин воспитался. В «Городке» Пушкин, наряду с французскими, упоминает и почти всех русских классиков. Надо ведь иметь в виду, что стихи-то Пушкин писал все-таки на русском языке, и потому русские слова, русские выражения, русские стилистические обороты, те, которые он привык встречать у русских поэтов, должны были играть для него все же гораздо большую роль, чем произведения французских поэтов. Во-вторых, надо было отметить влияние школы. В числе учителей Пушкина был, несомненно, замечательный ученый и педагог Н. Ф. Кошанский. Реабилитация его уже началась. Это — не сухой педант, каким его рисовал Белинский. Это человек, стоявший «с веком наравне», прекрасный педагог, большой знаток античной древности, автор ряда ценных трудов, ознакомление с которыми позволяет поставить их автора гораздо выше среднего уровня. На уроках Кошанского Пушкин учился латинскому языку, знакомился с античной мифологией, с греческими и римскими «древностями», — ведь у Кошанского Пушкин учился хорошо (см. отзывы Кошанского). Кроме того, Кошанский, сам классик, учил лицеистов писать стихи, и учил их писать, конечно, в строго классическом роде. Правда, как известно, Пушкин относился к Кошанскому несколько насмешливо, но это все же не позволяет нам думать, будто Пушкин ничего не перенял от своего учителя. В-третьих, надо было гораздо подробнее остановиться на влиянии всей окружающей обстановки на Пушкина. Докладчик лишь кратко упомянул об этом, равно как и о влиянии скульптуры и живописи. Между тем, это — вопрос огромной важности. Русское дворянство конца XVIII — начала XIX столетий создало особый культурный стиль, который может быть определен, как русский классицизм. Классическое, так сказать, было в России усвоено. Не только литературные впечатления, но гораздо более действенные — зрительные впечатления — ежеминутно воспроизводили перед Пушкиным классический мир, классические образы и темы. Петербург и особенно Царское Село той поры — истинная колыбель классицизма. Здания с колоннами, ордерами и портиками, статуи в Летнем Саду (первые впечатления Пушкина по приезду его в Петербург мальчиком, когда он летом жил, готовясь к экзаменам, у Вас. Львовича), и в Царском Селе — все эти Венеры, Дианы, Аполлоны, Геркулесы, все эти

«белые в тени дерев кумирь» и «мраморные циркули и лиры» — все это было постоянно перед глазами поэта, этого вовсе не надо было воображать, это просто «мозолило глаза» не менее, чем наши березки, чем наши северные пейзажи. Наконец живопись — все потолки, стены дворцов были расписаны и Эротами, и Венерами, и Музами, — с ними же поэт постоянно встречался в книгах — в виде иллюстраций. Как известно, ряд лицейских стихотворений поэта несомненно навеян зрительными образами. Для молодого Пушкина, воспитавшегося в аристократическом, строго классовом учебном заведении, необычайно характерна эта привязанность к классическому стилю, всеми корнями связанному с придворной, классовой культурой. Только потом столкновение с реальной жизнью, с русским бытом, с русской деревней отодвинуло классические впечатления на задний план. Но забыть о них Пушкин не мог. Он продолжал любить классический мир и интересоваться им, как подлинно прекрасным, и делал серьезные попытки его изучать, хотя ощущал его уже в правильной перспективе.

Что касается отдельных мест доклада, то странным представляется указание, что Пушкин не поддался развивающемуся сентиментальному направлению и что в этом можно видеть признак особой талантливости поэта. Сентиментальное направление во время Пушкина не развивалось, а явно шло на убыль. Давно пора оставить школьное представление о том, что «сентиментализм» сменил классицизм, — оба эти течения сосуществовали одновременно, при чем сентиментализм, как обслуживавший потребности слабо развитого у нас мелко-буржуазного слоя общества, оказался явлением скоро-преходящим, классицизм же, глубокими корнями вросший в нашу придворно-барскую почву — имел более подходящие условия для развития и пережил сентиментализм. На времена Пушкина приходится вовсе не эпоха падения классицизма, а как раз наоборот — эпоха падения сентиментализма, классицизм же переживал один из периодов своего развития, хотя падение его было уже не за горами. Периодом расцвета сентиментализма являются последние десятилетия XVIII века; в начале же XIX века только талант молодого Жуковского поддерживал это направление. Карамзин как поэт и новеллист давно уже спал писателем прошлого дня. Ко времени появления лицейских стихотворений Пушкина, «Бедная Лиза» уже была довольно почтенной старушкой. Над крайностями сентиментализма в эти годы нередко смеялись

представители аристократического слоя литературы. К тому же сентиментализм был совсем не в характере Пушкина, да и классово он был чужд сентиментальным настроениям. Поэтому дань сентиментализму, принесенная Пушкиным, была весьма небольших размеров. Достоинством доклада является четкая классификация античных образов у Пушкина, но желанен был бы более точный статистический подсчет; тогда бы не казались голословными утверждения докладчика о количественном изменении античного элемента у Пушкина в разные периоды его творчества.

Б. А. Грифцов указывает, что докладчиком была упущена из виду, быть может, самая замечательная, правда, небольшая по размерам, работа об античности у Пушкина, — он имеет в виду статью Вячеслава Иванова, сопровождающую перевод Алкея и Сапфо. На немногих страницах В. Иванову удалось сказать больше и лучше об отношении Пушкина к античности, чем всем другим исследователям вместе. По В. Иванову Пушкину вовсе не нужно было проникаться античностью, изучать ее, так как он сам — идеальный античный поэт. Конечно, если говорить о научном знании античности, Пушкин знал ее не особенно глубоко, хуже знал, чем знаем мы теперь, но интуитивно он постигал ее, как никто. Он был одним из тех немногих современных европейцев, который сумел сам воспринять античное мировоззрение, античную «религию» в широком смысле этого слова. Перед нами — прямо какое-то чудесное явление.

Л. С. Гинзбург задает вопрос — включает ли термин «античный» и понятие «ветхозаветный», и если да, то почему ничего не сказано в докладе о библейских образах у Пушкина? Далее оппонент видит некоторую путаницу в докладе в том, что в начале говорилось о псевдо-классицизме, в конце же о подлинном классицизме, но различия между этими двумя «классицизмами» докладчик резко не проводит, что и создает неясность.

С. В. Шувалов возражает против отнесения «понятий претвей категории» (по терминологии докладчика) к античным образам. В олицетворениях понятий — Время, Счастье, Судьба, Смерть и т. д. — нет ничего специфически античного, — этот прием скорее напоминает средние века, мистерии, моралитэ, да и в народной поэзии подобные олицетворения встречаются, — ср. «Горе-Злосчастье». Так же необоснованно возведение к античным образам образа «вен-

чания,»—это образ необычайно распространенный, и поэту вовсе не надо было заимствовать его у греков или римлян; стпанным представляется, что образ «любви» докладчиком упоминается дважды—он опнесен и в первую категорию (мифологические образы) и в третью (олицетворение опвлеченных понятий). Нельзя согласиться и с голословным утверждением докладчика об уменьшении античных образов к концу жизни поэта. Некоторые образы очень настойчивы и могут быть прослежены вплоть до смерти поэта, напр., образы «музы», «лиры» и др. Тут необходимы были бы какие-нибудь статистические выкладки. Ведь в последние годы Пушкин писал значительно меньше стихов, чем в ранние годы; потом, напр., произведения на исторические темы или на мотивы народной поэзии явно исключают возможность пользоваться классическими образами. Зато на последние годы как раз приходятся такие вещи, как «Египетские ночи», отрывок «Цезарь путешествовал», переводы из древних поэтов и подражания им. В заключение, указав, что едва ли можно говорить о том, что Пушкин «путал» греческих и римских богов—ведь греческая и римская мифология давно уже перемешались, и некоторые греческие и римские имена богов просто стали как бы синонимами, напр., Зевс—Юпитер, Венера—Афродита и т. д.,—С. В. Шувалов все же считает работу В. Ф. Саводника весьма интересной и вдумчивой.

В. Е. Чешихин-Ветринский опмечает, что докладчик совершенно не затронул вопроса, который, по существу, является самым основным,—вопроса о мирозерцании Пушкина, об его «аполлинизме» и «дионисианстве». Что бы ни говорили о влияниях литературы, учителей, обстановки,—все эти влияния должны были пасть на какую-то особо благоприятную почву, чтобы дать такие пышные и удивительные всходы. Поэтому обойти вопроса о мирозерцании поэта невозможно.

В. Ф. Саводник, опвечая оппонентам, говорит, что он вполне принимает некоторые их замечания: напр., несомненно влияла на Пушкина (в смысле ознакомления с античностью) архитектура, но едва ли было сильно влияние Кошанского—ведь отношения к нему со стороны Пушкина были недружелюбны, и сам он был сухим формалистом; но, конечно, нельзя отрицать, что некоторые сведения, которыми Пушкин потом воспользовался, он мог почерпнуть и на уроках Кошанского, но все же это—влияние второстепенное или третестепенное. Что касается классицизма и септи-

менпализма,—по в докладе говорилось относительно одновременного существования этих школ, хотя, может быть, эта мысль не была достаточно ярко оппелена. Образ любви оппнесен сознательно и в первую и в третью категории, в первую—поскольку это образ мифологический, в третью—поскольку он может считаться олицетворением оппвлеченного понятия; образ венчания, правда, для нас стал обычным, но основа его, несомненно, античная, так как это типично античный обычай. Впрочем, возможно, что, употребляя этот образ, Пушкин и не отдавал себе оппчета, откуда он его берет. Б. А. Грифцова докладчик благодарит за указание на статью В. Иванова, которая осталась ему неизвестной. Что же касается уменьшения классических образов к концу жизни поэта, то все же такое уменьшение несомненно: в ранних стихах Пушкин чуть ли не в каждой строке употреблял античные образы и имена; в последние годы поэт часто обходится без них, но это уменьшение, как и было подчеркнуто в докладе, только количественное, а оппнюдь не качественное. Оппадали ложные, наносные образы, но к подлинной античности поэт подходил все ближе и ближе, проникновение становилось все более и более глубоким. Начав с ложно-классицизма, Пушкин перешел к классицизму подлинному. Влияние русской литературы XVIII века имелось в виду, хотя, может быть, не было достаточно ярко подчеркнуто в докладе. В античности, конечно, много элементов общечеловеческих, и поэтому вполне естественно, что античные идеалы могут стать близкими человеку совсем другой эпохи и другой культуры. Что же касается мирозерцания Пушкина, то этот вопрос не входил в тему доклада. Ветхозаветные образы к античным, разумеется, никакого отношения не имеют, поэтому докладчик их и не касался.

б) Л. С. Гинзбург сделал доклад «О стихотворении Пушкина „Арион“».

Вопрос об отношении Пушкина к декабристам—один из самых спорных. Он вызвал большую литературу, но исследователи не пришли к единогласному решению. Стихотворение «Арион», по мнению большинства исследователей,—символическое изображение отношения поэта к декабристам, но другие исследователи полагают, что стихотворение имеет в виду вообще поэта среди житейских бурь. Сюжет «Ариона» древний. Он восходит к античным мифам,

и не раз пересказывался: находим его в «Gesta Romanorum», и у Шлегеля, и у Тика, и у других поэтов. Обращаясь к хранящейся в Румянцовском музее рукописи «Ариона», докладчик отмечает несколько интересных разночтений и особо любопытное стремление поэта переделывать текст, напр., замена слов «нас» словом «их» («Нас было много на челне»...—«Их было много»...) или замена «я» на «он»... Получается впечатление, что поэт хотел запустевать свою связь с декабристами, если стихотворение имело их в виду. Но весьма возможно, что «Арион» никакого отношения к декабристам не имеет, и, создавая его, Пушкин думал только о поэте.

В прениях по докладу приняли участие Ю. М. Соколов, Н. Н. Фатов, В. В. Леонович-Ангарский, С. В. Шувалов, В. Ф. Саводник, Н. К. Пиксанов и В. Е. Чехихин-Ветринский.

Ю. М. Соколов признает доклад очень свежим и интересным, но неубедительным. Несомненно, у Пушкина было стремление запустевать свою связь с декабристами, и раз он пытался запустевать ее, перерабатывая «Ариона», то тем более, стало быть, это стихотворение имеет с ними связь. Вывод докладчика противоречит тому, что сказано в докладе. Образ дельфина, на котором спасся поэт,—может быть, намек на Николая I.

Н. Н. Фатов также совершенно не убежден доводами докладчика. Отношение поэта к декабристам вовсе не представляется таким невыясненным, как думает докладчик. Поэт принадлежал к той же классовой группе, что и декабристы, и политические его взгляды были те же самые. «Вольнолюбивые стихи» Пушкина—от юношеских до стихотворений 1825—27 гг. и до X-ой главы «Онегина»,—это—поэтическое изложение программы декабристов. Основные пункты этой программы—необходимость изменения существующего политического строя по образцу английскому, необходимость социальных реформ (отмена крепостного права, но с ограждением экономических интересов дворянства) и энергичная работа на почве просвещения—вполне разделялись Пушкиным. Кроме того, в рядах декабристов был целый ряд самых близких друзей поэта. Отсюда совершенно ясно, что Пушкин не мог не сочувствовать декабристам, не интересоваться ими, не скорбеть об их судьбе. Другое дело—вопрос о тактике. Пушкин, разумеется, мог признавать несвоевременность вы-

спупления, его неподготовленность и т. д. Вопрос этот очень большой и сложный, и едва ли уместно было в коротком докладе по поводу одного стихотворения его запрашивать. Все внимание надо было бы сосредоточить на описании рукописи, истории текста и т. п. вопросах, непосредственно связанных с пьесой.

В. В. Леонович - Ангарский также подчеркивает, что вопрос об отношении Пушкина к декабристам — вопрос огромный и решать его надо с привлечением всех материалов. Если Пушкин и не вполне одобрял декабристов, то нельзя думать, что декабристы были правы, а Пушкин не прав. Мы теперь знаем, что у декабристов было не мало недостатков, и во многом Пушкин, напр., в иронических отзывах в X гл. «Онегина», оказался гораздо более глубоко оценивающим события, чем сами декабристы. Ссылаться на записки Смирновой, как то сделал докладчик, также давно пора бы перестать.

С. В. Шувалов отмечает интерес доклада в той части, в которой устанавливается новая редакция «Ариона». Но докладчик не доказал, что поправки сделаны после напечатания стихотворения. Ведь Пушкин мог сделать эти исправления и раньше, а потом, отдавая Дельвигу текст для печати, установить окончательную редакцию. Нет сомнений, что Пушкин находился под властью легендарной традиции и дал образ Ариона таким, каким он выступает в литературе, восходящей к древнему миру, и в живописи, — гравюр с изображением плывущего на дельфине Ариона известно не мало, и Пушкин, несомненно, их видел.

В. Ф. Саводник недоумевает, в чем заключается новизна доклада. Все разночтения, о которых говорил Л. С. Гинзбург, были и раньше известны и приведены в издании Морозова.

Н. К. Пиксанов указывает, что доклад состоит из двух частей: первую является комментарий к стихотворению, вторая — занимается его текстом. Методологически было бы более правильно поступить наоборот — вперед установить текст, а потом уже комментировать. Разночтения к «Ариону», действительно, были известны и раньше. Их приводит и В. Брюсов. Говорить о них, не имея перед глазами рукописи, трудно: всегда является сомнение — верно ли прочитал текст докладчик или редактор. Точно так же представляются голословными указания докладчика на разный цвет чернил. Разный цвет чернил, вообще говоря, не является еще безусловным показателем разно-

временности написания: в зависимости от количества чернил на перо, возможно изменение их цвета. Не видя рукописи, опять же, говорить трудно; окончательно может решить вопрос лишь химический анализ. Что же касается поправок, то, вероятнее всего, они предшествуют печатной редакции. Если это так, то вся аргументация доклада должна быть пересмотрена. Но доклад имеет свое значение в том смысле, что он призывает к новому обращению к рукописи, что и должно быть сделано.

В. Е. Чешихин-Ветринский говорит, что если уж утверждать, что в «Арионе» Пушкин ввел лишь образ поэта, то надо было бы дать более убедительные сопоставления с другими стихотворениями и взглядами Пушкина на тему о поэте и толпе.

Л. С. Гинзбург, отвечая оппонентам, заявляет, что считает свою цель достигнутой: он хотел возбудить внимание к рукописи «Ариона»; вопрос о декабристах и Пушкине все-таки спорный, и уверенно говорить, что «Арион» относится к ним, нельзя, тем более, что есть данные и против. Едва ли можно думать, что под дельфином надо подразумевать Николая I. Большой веры в «Записки» Смирновой у докладчика никогда не было; он всегда считал возможным принимать из них только то, что подтверждается и другими данными. Разночтения у Морозова и Брюсова приводятся далеко не все; докладчик нашел и такие, о которых в печати не упоминали.

7. Заседание 30 ноября 1922 г. (6-ое) в помещении Рос. Академии Худож. Наук.

а) Доклад Л. П. Гроссмана—«Искусство анекдота у Пушкина»¹.

В прениях по докладу приняли участие Н. К. Гудзий, Н. К. Пиксанов, Л. С. Гинзбург, С. В. Шувалов, М. А. Цявловский и И. М. Дегтяревский.

Н. К. Гудзий, отметив большой научный интерес доклада, сомневается, можно ли так широко толковать термин «анекдот», как то делает докладчик. Стоя на его точке зрения, можно сказать, что всё в литературе—

¹ Ввиду того, что этот доклад уже появился в печати, — в книге: Леонид Гроссман «Этюды о Пушкине», изд. Френкель, М.—П., 1923, стр. 37—75, — содержание его здесь не приводится.

анекдот. Наиболее убедительно подчеркнуто докладчиком историко-литературное значение «Повестей Белкина»; не мешало бы только сравнить их с повестями Марлинского.

Н. К. Пиксанов, останавливаясь на стroyной композиции и изяществе изложения доклада, приветствует свежесть темы, обилие и удачный подбор материалов. Доклад Л. П. Гроссмана может дать толчок к ряду работ такого же типа. Удачны экскурсы к риторикам XVIII-го века, в Лексикон Плюшара и т. п. Плодотворно было бы проследить судьбу анекдота в более древнее время—в фацециях, в «Большом Зерцале», в новеллах Боккаччо, в народной поэзии; ценно также было бы окружить пушкинский анекдот анекдотической литературой XIX-го в., напр., водевилями Хмельницкого и т. п. Анекдот играет большую роль в творчестве и других русских писателей, напр., у Тургенева (сюжет часто развертывается из застольной дружеской беседы), у Чехова, мелкие рассказы которого—почти все—типичные анекдоты. Но надо, действительно, установить известные границы для анекдота, необходимо изучить поэтику анекдота и его морфологию. Тогда будет ясно, что—анекдот и что—не анекдот. Любопытно также проследить те приемы, благодаря которым взятый со стороны анекдот претворяется в творческой лаборатории писателя.

Л. С. Гинзбург сомневается в надобности того окружения, на которое указали предыдущие оппоненты: тема доклада иная—анекдот у Пушкина.

С. В. Шувалов не соглашается с широким толкованием термина «анекдот» у докладчика, но не понимает и тех опасений, которые возникли у Н. К. Гудзия: всего у Пушкина под анекдот подвести нельзя, напр., в основе «Полтавы» лежит легенда, а не анекдот; в основе «Египетских ночей»—предание, но не анекдот. Искусство анекдота у Пушкина проявлялось в двух направлениях: 1) он исходил в своем творчестве из анекдота и 2) строил порою новеллу по образцу анекдота. Первый случай в докладе выяснен обстоятельно, второго же докладчик только бегом коснулся. Вопрос, является ли анекдот образцом новеллы,—остался неразрешенным.

М. А. Цяловский полагает, что утверждение о влиянии французской стихии на Пушкина преувеличено; влияние русской стихии—языка, поэзии, острология—также было очень сильно. Еще Ф. Е. Корш отметил, что русские бары прекрасно умели говорить «по-мужички», потому что постоянно слышали разговор дворовых и часто учились рус-

скому языку у них. Пушкин постоянно прибегает к русскому остроловию, — к «русской соли» — скоромной, грубой, но меткой и блестящей, напр., в письмах к жене, к приятелям. Это — не мелочь. И потому пути изучения, которыми шел докладчик, нельзя считать исчерпывающими. Кроме того, была и еще стихия — английская; в докладе обойдена и она. Не обращено внимания и на то, что у Пушкина были сборники анекдотов, литературные источники которых известны. Пушкин порою знал историю через анекдот (рассказы Загряжской, Корсакова), но у него было больше любви к истории, чем к историческому анекдоту. Стихотворение «На воцарение Султана» напрасно упоминается, — оно псевдо-пушкинское.

И. М. Дегтяревский находит, что докладчик мало затронул вопрос об обработке самого художественного материала. К анекдотам следовало бы причислить и «Евгения Онегина».

Л. П. Гроссман отвечает оппонентам, что он считал нужным сосредоточиться на самом Пушкине, а не на периферии. Эскурсы об анекдоте в глубину веков нужны, но этой задаче доклад не ставил. Вопросы о том, знал ли Пушкин допетровскую повесть и насколько он связан с XVIII-ым веком, далеко еще не изучены. Понятие анекдота сложно. В его основе выделяются два момента: исторический элемент и живописный штрих. Термин в основном все же ясен и отчетлив; спорные пункты могут лишь быть при рассмотрении того создания, которое выросло из анекдота. Опасения Н. К. Гудзия, что под анекдот можно подвести всю литературу, совершенно не имеют оснований, так как элементы анекдота могут быть только в беллетристике; но у некоторых писателей, напр., у Гоголя, анекдот, действительно, играет очень большую роль. Элемент содержания от формы должен быть отделен, и это, по мере возможности, в докладе и проводилось. Замечания С. В. Шувалова докладчик считает очень тонкими и соглашается с ними. Художественное мастерство анекдота в докладе выявлено всюду, где зерно анекдота преломлялось в сознании художника в трагедию, повесть и т. д. На замечания М. А. Цявловского докладчик отвечает, что у него, действительно, Пушкин выходит не русским, а скорее французом, и это не случайно, так как докладчик менее всего чувствует Пушкина, как русского. Пушкин гениально русский в области языка, стили, но не мысли.

8. Заседание 21-го декабря 1922 г. (7-е) в помещении Рос. Академии Художественных Наук.

а) А. А. Андреева сделала доклад на тему: «„Вульгарно“ и „ком-иль-фо“ у Пушкина (к образу Татьяны в „Евгении Онегине“».

Слово «вульгарный», которое Пушкин употреблял в английской форме «vulgar», стало модным в Англии во втором десятилетии XIX в. Пушкин, как аристократ по убеждениям, любил противопоставлять толпе, или «светской черни», избранную личность, отмеченную выдающимися душевными качествами. Этот аристократизм он выявил с особой силой в идеальном образе Татьяны. Из скромной уездной барышни Татьяна поднята поэтом на самые верхи жизни, потому что наделена той индивидуальной самобытностью, той силой воли и духа, которая импонирует во всякой среде своею независимостью. Эта сила ставит Татьяну выше ее героя—Онегина, которого она сумела рассмотреть и понять во всей сущности его себялюбивой натуры. Поэтому, раз подавив в деревне свою любовь к нему, она, выйдя замуж за другого, не поддается соблазну той любви, которая жива еще в ее сердце.

«Покой и воля»—т.-е. душевное равновесие и независимость—заветный идеал Пушкина. Он воплощает его в Татьяне, в женском образе, потому что в ту эпоху женщине легче было осуществить его в жизни, чем мужчине. Правда, Пушкин вкладывает стремление к этому идеалу и в Онегина, но он не обладает настоящей силой воли и властью над собой, чтобы его осуществить. Оттого он и терпит крушение как своей любви, так и всей жизни. Все общественные условия времени не дают мужчине возможности проявить в деятельности личные способности, таланты, убеждения.

Пушкин переводил иногда английское слово «vulgar» русским—«простонародный», усиливая тем отрицательное его значение по отношению к аристократизму. Оба эти слова, и «ком-иль-фо» и «вульгарно», получили наибольшее свое распространение в эпоху реакции после Французской Революции, в то время, когда аристократизм сословный, родовой сменялся аристократизмом индивидуальности. Наполеон, как порождение Революции, сравнявшей все условия, положил в ранец каждого солдата жезл маршала и дал тем простор индивидуальным дарованиям, высоко

подняв значение отдельной личности. Он создал и женщину «*comme-il-faut*», которая, сменив родовую аристократку, составляла себе общественную репутацию проявлениями личного природного вкуса, ума и таланта. Если Франция вносила в понятие «ком-иль-фо» больше внешних преимуществ женской натуры, то Англия, в силу своего пуритански-религиозного склада мысли и нравов, осложнила это понятие и нравственными качествами души.

Для Пушкина люди вульгарные—люди толпы, которые живут только чужими мнениями и чувствами, и им он противопоставляет натуры самобытные, выдающиеся над общим уровнем. Это и есть аристократизм поэта. Правильнее—это тип индивидуализма, в который вылились его свободолюбивые стремления в эпоху и обще-европейской реакции и николаевских жандармов. Смолodu его свободолюбие облекалось в форму английского конституционализма; но чем старше он становился, тем более убеждался, что ни о какой свободе политической и мечтать было нечего. Оставалась личная свобода творчества, преклонение перед искусством, перед высоким нравственным идеалом. На почве этого индивидуализма и создан был бессмертный образ Татьяны.

После доклада обменялись мнениями С. В. Шувалов и Н. К. Гудзий.

С. В. Шувалов отмечает большой интерес доклада и соглашается с основным положением докладчицы, что пушкинский идеал «покоя и воли», несомненно, надо понимать в нравственном смысле. Но едва ли Пушкин в Татьяне выразил этот идеал. Татьяна далека от «покоя и воли»; она полна стремлений, она натура—метущаяся; она лишь сдерживается, но в ее душе не утихает буря.

Н. К. Гудзий полагает, что Пушкин создавал образ Татьяны совершенно независимо от понятий «ком-иль-фо» и «вульгарно». Почему Пушкин отдал предпочтение женщине, а не мужчине—сказать трудно, но, вероятно, потому, что женский образ для поэта-мужчины романтической эпохи вообще ярче и идеальнее. Так поступает не один Пушкин, но, напр., и Тургенев. Впрочем, недоверия к мужчине, которое, повидимому, оказывал Пушкин, нельзя вывести ни из его творчества, ни из психологии его как человека.

А. А. Андреева в ответном слове согласилась с некоторыми замечаниями своих оппонентов.

б) Б. А. Грифцов прочел доклад на тему: «Пейзаж у Пушкина».

За сто лет более изучали биографию Пушкина, чем его поэтику. Нам надо восполнить этот пробел. Ошибочно называть Пушкина реалистом в том смысле, как называют Тургенева, Гоголя или Некрасова. Если творчество Пушкина есть реализм, то в высшем, подлинном, гётевском смысле, как реален всякий настоящий классицизм. Пушкин — не основа русского мироощущения, но исключение. Чем точнее поставит вопрос о предмете пушкинской поэзии, тем яснее будет ее миропреобразующая роль.

Пушкин знал русский пейзаж средней полосы России, но воспроизвел его по-своему. Осознать особенности восприятия пейзажа Пушкиным нам было бы не трудно, так как пейзаж средней полосы России со времен Пушкина несколько не изменился: пейзаж 1824—1836 г.г. в окрестностях Москвы, Твери, Петербурга, Пскова, Оренбурга, в уездах Опочецком, Старицком, Лукояновском был тот же самый, что и сейчас, — но мы, пассивные, приученные к обывательскому реализму, видим природу не такую, как его быстрый, почный, неизменно активный взгляд. Особенность пушкинского восприятия природы, по сравнению с другими писателями, заключается в том, что он лишен любви к природе, в отличие от Тургенева, Бунина и др., — это ясно видно и из писем поэта. Но деревенский пейзаж Пушкин знал хорошо; деревня служила для поэта не местом отдыха, а местом наиболее интенсивного творчества.

Пушкин не растворяет своих чувств в природных ощущениях. Его лирика драматична и человечна. Она творчески преображает и вялый, приземистый, по рисунку всегда незаконченный, русский пейзаж. Расчлененная перспективность, сообщающая особую бодрость, свойственна пушкинскому пейзажу. Это — отчетливая предметность античной поэзии или флорентийских кваattrocentистов, которую ленивый северянин обычно с презрением именует интеллектуализмом. И в Пушкине она соединилась с небывалой в России страстностью, прямой порой и категоричностью выражений. Вся поэзия Пушкина — живая, действительная, связанная с человеком, и пейзаж его субъективен, лишен черт времени и пространства.

В какой губернии жили Ларины? — точно ответить невозможно. Трудно поселить Онегина и Лариных в определенном пункте скипаний поэта. Поэтому пейзаж у Пуш-

кина не отчетлив, не местный, а общий. Это—вообще скамьи, низменные озера, болота. Зато рисует все это Пушкин ярко, пластично, ясно, отчетливо, и потому пейзаж у него на редкость художественный, живой. Но пейзаж этот—как бы не вполне русский, напр., неизменный компонент пушкинского пейзажа—журчащий, игривый, веселый, быстрый ручей. Между тем в наиболее посещавшихся Пушкиным равнинных наших губерниях ручьи не встречаются. Они—достояние иных, Пушкиным невиданных, горных стран. образу ручья соответствует бодрая отчетливость видения, прозрачность душевной стихии, активная человечность душевных движений, чистота звуков. Традиция «ручья», уже укрепившаяся в лицейских стихах Пушкина, ведет свое происхождение от французской поэзии XVIII века, которую Пушкин очистил от слащавой манерности, поднял до подлинного классицизма. Образ «guisseau»— у Парни, Грекура, аббата Прево, Бергу и в глубине французской поэзии—у Ронсара. Весьма плодотворным для Пушкина было его долгое общение с уясняющей французской поэзией.

Пушкинские образы просты, верны и обязательны. Родина его образов—водная стихия, в кристаллических, закономерных ее проявлениях. Тщетно спорить о мировоззрении Пушкина. Не отвлеченные понятия и не максимы нравственного поведения, но интегральные неразложимые образы есть последнее, что вправе изучать поэта.

В прениях по докладу высказались Ю. М. Соколов, В. Е. Чешихин-Ветринский, С. В. Шувалов, В. А. Дружкина, Н. К. Гудзий, Л. П. Богоявленский, И. Л. Поливанов и Л. П. Гроссман.

Ю. М. Соколов, находя доклад своего рода художественным произведением, соглашается и с основной мыслью докладчика. Следует ослабить категоричность утверждения о связи отдельных образов с французской литературой. Сентиментальные мотивы в изображении пейзажа у молодого Пушкина, равно как и у Жуковского, звучат сильно и самобытно. Интересно было бы проследить изменение образов воды, реки, потока и т. п. на протяжении всей новой русской литературы, начиная с XVIII века, и определить, какие образы характерны для того или иного писателя. Но утверждение докладчика, что у Пушкина пей-

заж не определенной полосы, а вообще средней России,— рискованно.

В. Е. Чешихин-Вепринский говорит, что надо заступиться за Россию и за Пушкина. Если Пушкин классичен и зорко все видит, то надо искать и открывать классические черты описаний природы у Пушкина. Природа русская не вялая, безличная, единообразная, а обладает характерными и ярко выраженными признаками. Не одинаково Пушкин относится и к разным временам года. Пора осенняя—любимая для Пушкина, и осень у Пушкина—яркая, прозрачная, красочная, а не бледная, расплывчатая, как определил докладчик. Точно так же и какой-нибудь ручей у Пушкина вовсе не литературный образ, а впечатление живой жизни природы; необычайно странным кажется утверждение докладчика, что в средней России нет ручьев, — ручьев, даже вокруг Москвы, сколько угодно. Местность, как в Московской губернии, так и в Псковской губ., местами холмистая; имеются не только журчащие ручьи, но и водопады. Кроме того, с горами Пушкин познакомился во время пребывания на юге, на Кавказе и в Крыму. Точно так же и лань и медведь—они вовсе не спланированные, а появляются, как живые атрибуты природы. В Нижегородской губернии олени, лани, медведи, дикие лебеди долгое время после Пушкина водились, и часто помещики держали этих животных в усадьбах. Подход докладчика к материалу в значительной степени определяется современным формальным методом, что и является причиной того, несколько своеобразного, удаленного от реальных основ пушкинского творчества понимания пейзажа у Пушкина, пейзажа очень яркого и связанного с непосредственными живыми переживаниями поэта.

С. В. Шувалов, в связи с замечаниями В. Е. Чешихина, ставит вопрос: не напрасно ли нападают на формальный метод вообще и на подход докладчика к изучению пейзажа у Пушкина, связанный с тем же методом? Постигнуть поэта вне формальных методов невозможно. Пейзаж вообще исходит столько же из жизни, сколько из литературных приемов. Как исключительный художник, Пушкин не мог дать искусственного пейзажа. Но надо различать у Пушкина несколько пейзажей; реальный, сентиментальный, классический, романтический. Пейзаж у Пушкина эволюционировал в связи с изменением его основных воззрений на природу художественного творчества. Необходимо

расчленивъ понятие «пушкинского пейзажа» по стилям и хронологически.

В. А. Дружина указывает, что в докладе сглажены чисто русские черты пейзажа.

Н. К. Гудзий протестует против частых прикреплений Пушкина к классической школе. Это не вполне верно. Пейзаж у Пушкина не только классичен, но и романтичен и имеет *couleur locale*. Но Пушкин всегда сливает пейзаж с человеком, что особенно заметно в «Евгении Онегине».

Л. П. Богоявленский отмечает, что Пушкин обычно обозначает свойство пейзажа, напр., «унылый», что вполне подходит к северному (псковскому) пейзажу, южный же пейзаж, наоборот, характеризуется, как «роскошный», и т. д. Необходимо при изучении пушкинского пейзажа отличать привычную для того времени фразеологию от реальных черт.

И. А. Поливанов соглашается с мнением докладчика, что Пушкин не любил природы так страстно, как Аксаков, Тургенев, Бунин, Бальмонт. Напр., Пушкин не был охотником. Все описания природы у Пушкина сопровождаются передачей настроений автора или героя. Но местный колорит Пушкин соблюдает, напр., — горы для юга.

Л. П. Гроссман заявляет, что для полноты раскрытия темы надо усилить строгость метода в изучении поэтики пейзажа. Внесение личного момента (ссылки на письма и т. п.) колеблет несколько формальный метод, которым орудует докладчик. Надо также отличать пейзаж от *pathe morte*: кувшины, камни и т. п. неживая природа. Верно, что природа у Пушкина часто стилизована; верно, что Пушкин часто обращался к воспоминаниям о Царскосельском парке, но эти воспоминания у поэта были живыми. Больше возможности было стилизовать пейзаж городской. Городские виды, напр., Петербурга, Москвы, Одессы, сходны во многом, но и шут говорить о полном обезличении пейзажа нельзя, — Пушкин творил по живым впечатлениям.

Б. А. Грифцов в заключительном слове отмечает, что впечатления от различных пейзажей — псковского, тверского, московского — Пушкин часто сливал в одно. Точно установить, где что видел Пушкин, невозможно; поэтому в докладе и говорится о пейзаже, вообще типичном для средней русской полосы. С рядом других замечаний своих оппонентов докладчик частично соглашается.

9. Заседание 4 марта 1923 г. (8-ое), в кв. секретаря Пушкинской Комиссии Н. Н. Фатова.

В заседании были заслушаны доклады В. В. Вересаева:

а) о «О загадочных цифрах в одном из списков пушкинских произведений».

В одном из собственноручных списков пушкинских произведений против заглавий пьес имеются цифры, значение которых было неясно. Некоторые исследователи полагали, что это — денежные расчеты. Но это, несомненно, цифры, указывающие (с округлением) количество строк в отдельных пьесах Пушкина. Такой расчет был совершенно естественен для определения размеров предполагаемого к изданию собрания сочинений.

Доклад замечаний не вызвал.

б) «О датировке элегии на смерть Амалии Ризнич».

Элегия была напечатана в «Северных Цветах» в 1828 г., но датировалась обычно 1825 годом. В рукописи стихотворения читаются известные сокращенно написанные фразы, из которых одна означает «услышал о смерти» казненных декабристов, другая — «услышал о смерти» Ам. Ризнич. О смерти Ризнич, умершей в 1825 г., Пушкин мог услышать в том же году от Туманского, с которым состоял в переписке, но нельзя утверждать, что Пушкин обязательно должен был написать стихотворение немедленно по получении известия. Естественнее предположить, что стихотворение написано через год, когда Пушкин услышал о смерти декабристов. По какой-то тайной, непонятной для нас ассоциации Пушкин, в связи с известием о казни декабристов, вспоминает и о смерти Ризнич, хотя несколько и странным представляется, как поэт под впечатлением известия о казни может писать стихотворение на другую тему.

В прениях участвовали Д. С. Дарский, Л. С. Гинзбург, Н. К. Гудзий, М. А. Цявловский, В. В. Леонович-Ангарский и Н. Н. Фатов.

Д. С. Дарский соглашается с докладчиком, что элегию надо датировать 1826-м годом. Но возникает вопрос,

кому посвящено стихотворение? Быть может, вовсе и не Ам. Ризнич. Пушкин говорит: «из равнодушных уст я слышал смерти весть». Туманский же написал очень прочувствованное стихотворение в память Ризнич, и едва ли его сообщение могло быть воспринято поэтом, как слова из «равнодушных уст». Вероятнее предположим, что Пушкин отметил момент, когда он услышал о смерти возлюбленной, отметил час своего спадания.

Л. С. Гинзбург возражает против гипотезы, когда она построена на другой гипотезе. В то же время он думает, что элегия, действительно, посвящена не Ризнич, а какой-то другой женщине. Докладчик подкрепил тонким анализом, собственно говоря, уже раньше установленную дапу, но он ничем не доказал, что стихотворение посвящено Ризнич. В записи Пушкина нет даже ее инициалов, хотя скрывать их не было смысла, а в то же время имеются инициалы декабристов. Услышать о смерти Ризнич Пушкин мог в 1825 г., и вовсе не от Туманского, так как Пушкин получал не мало писем из Одессы.

Н. К. Гудзий не соглашается с двумя предыдущими оппонентами и полагает, что стихотворение посвящено безусловно Ам. Ризнич. Услышать о ее смерти Пушкин мог и через год. В сопоставлении дат есть смысл. Может быть, Пушкин хотел как раз подчеркнуть, что две потрясшие его вести—весть о смерти возлюбленной и весть о казни декабристов—он услышал одну за другой—24-го и 25-го июля. Узнать же о смерти Ризнич Пушкин мог вовсе и не от Туманского, а из других «равнодушных уст». Нельзя утверждать, что Пушкину для художественного претворения обязательно нужно было известное время. Известны случаи, когда Пушкин творчески реагировал и на непосредственные впечатления.

М. А. Цявловский полагает, что стихотворение посвящено, несомненно, Ризнич. Сомневаться можно, но надо знать меру в сомнениях. Услышал о смерти ее Пушкин, вероятнее всего, еще в 1825 г., но совпадение чисел могло поразить Пушкина—элементы суеверия у него были.

В. В. Леонович-Ангарский констатирует, что получается спор со многими неизвестными. Пушкин мог реагировать на смерть Ризнич, разумеется, и не сразу, а хоть через 2—3 года: законы ассоциации приоткрыты. Очевидно, каким-то непонятным для нас образом в сознании Пушкина связались известия о смерти Ризнич и о казни декабристов.

Н. Н. Фатов отмечает, что у Пушкина немало стихотворений, непосредственно отражающих известное впечатление, напр., таковы любовные стихи к Бакуниной. Едва ли можно полагать, что если поэт описывает то, что непосредственно переживает или наблюдает, то это свидетельствует о бедности его воображения. Великие поэты часто поступали так; напр., Блок почти всегда воспроизводил те картины природы, которые были у него непосредственно перед глазами.

В. В. Вересаев, отвечая оппонентам, говорит, что он не задавал целью исследовать, посвящено ли стихотворение Ам. Ризнич или нет. Посвящение именно ей вполне вероятно. Главная цель доклада состояла в установлении даты—1826 г. Эта дата не вызвала никаких возражений. Услышал о смерти Ризнич поэт, вероятно, все же в 1825 г., так как с Туманским переписывался и едва ли он мог не сообщить Пушкину об этом событии. Поэтическое творчество нельзя мыслить совершающимся по какому-то трафарету. Пушкин мог, конечно, опоздать и немедленно на поразившие его впечатления, но мог опоздать и несколько времени спустя. Тут никаких априорных заключений сделать нельзя. Тот путь, на который спал М. О. Гершензон, когда каждому слову придается какое-то особенно глубокое значение, едва ли может привести к правильным результатам; наоборот, путь всегда открыто широкое поле для самых наисубъективнейших заключений и домыслов. вполне уместно предположение, что, услышав о казни декабристов, Пушкин через пять дней реагировал на смерть женщины, хотя об этой смерти он и услышал год тому назад. Но все же это представляется несколько странным.

10. Заседание 18-го марта 1923 г. (9-е), там же.

а) Доклад С. В. Шувалова на тему: «Ритмический анализ „Кавказского пленника“».

Ритмы Пушкина не только еще не исследованы, но даже и не описаны, не установлены и методы описания. Поэтому в работе приходится идти самостоятельным путем. Следовать за А. Белым, Б. Томашевским и др., занимавшимися преимущественно анализом четырехстопного ямба, нельзя, так как многое у них субъективно и даже просто неверно. Самые принципы А. Белого не могут быть

приняты, напр, он противопоставляет ритм—метру. Мы под метром понимаем схему, практическое же ее выполнение называем ритмом. Метод доклада статистически, но наша статистика—предварительная, она только описывает и классифицирует. Эти приемы могут вызвать возражение лишь со стороны лиц, незнакомых с сущностью формально-эстетического анализа. В данном докладе ставится узкая цель—описать и статистически обследовать ритмическую структуру «Кавказского Пленника». За отправную точку берется чередование ударений; особенности акцентировки, долгота слогов—оставляется в стороне.

Из 672 стихов «Кавказского Пленника» $\frac{7}{8}$ написано основным ритмом и $\frac{1}{8}$ —с отклонениями от основного ритма. Можно выделить шесть форм основного ритма (чистый ямб, пиррихий на 1-й стопе, на 2-й и т. д.) и 15 второстепенных (4 спондических, 3 хорейческих и 8 смешанных). Эти формы встречаются далеко не одинаково часто. Одни являются преобладающими (напр, чистый ямб и пиррихий на 3-й стопе), другие встречаются сравнительно редко. Иногда поэт, видимо, стремится замедлить ритмическое течение поэмы, иногда он его ускоряет. Рассматривая различные виды модификации, которыми пользуется Пушкин в поэме, докладчик приходит к выводу, что преобладающим ритмом «Кавказского Пленника» является ускоренный ритм. Естественно, возникает вопрос, существует ли связь между изменениями ритма и содержанием отдельных мест поэмы. После долгих наблюдений и колебаний докладчик вынужден был остановиться на отрицательном заключении. Уловить связь между изменениями ритма и содержанием нет возможности. Одним и тем же ритмом Пушкин пользуется в местах, совершенно различных по содержанию и настроению. Иногда даже встречаются ритмы, как бы явно противоречащие содержанию. Очевидно, поэт исходит в своих ритмических узорах исключительно из музыкально-звуковых соображений.

В прениях по докладу приняли участие П. Н. Сакулин и Л. С. Гинзбург.

П. Н. Сакулин отмечает трудность и новизну работ такого рода. Трудно поэтому и возражать. Фактические данные и выводы невозможно оспаривать без самостоятельной проработки и проверки. Можно говорить лишь о методе докладчика. Он поступил правильно, начав

с уяснения понятия рипма. Но надо бы привлечь всю существующую по этому вопросу литературу, учесть и те рецензии, которые были вызваны работами А. Белого и других, а также воспользоваться иностранной литературой. При анализе рипма трудно удержаться от субъективных воззрений, даже по такому, казалось бы, простому вопросу, как вопрос о количестве ударений в строке. Если скандировать стих, то это будет насилием над естественным рипмом. А особенностей акцентовки нельзя выбрасывать из рипмического анализа. Если бы они были приняты во внимание, докладчик, возможно, пришел бы совсем к иным выводам. Настоящие выводы докладчика не убеждают с безусловной очевидностью. Напр., как-то жалко отказаться от мысли, что рипмический рисунок связан с содержанием произведения и признать, что форма совершенно не отражает художественных настроений поэта. Поэтому выводу докладчика не хочется верить, исходя из априорных соображений.

После частичных замечаний Л. С. Гинзбурга о необходимости считать по одному ударению на каждом слове, в том числе и на местоимениях, С. В. Шувалов, благодаря П. Н. Сакулина за сделанные указания, говорит, что он не ставил себе тех задач, на которые указывал оппонент. Исследовать рипм во всей его сложности было бы заманчиво, но мы еще методологически не умеем этого сделать. Поэтому в докладе сознательно взята абстракция, а не реальный рипм. При определении главных и второстепенных ударений неизбежен субъективизм, поэтому докладчик исходил из предположения, что каждое слово с самостоятельным значением имеет одно ударение. Что касается последнего замечания П. Н. Сакулина, то докладчик и сам испытал некоторую горечь от своего заключения об отсутствии связи между рипмом и настроением, но изучение материала привело к этому выводу.

б) Доклад Н. П. Кашина: «По поводу Пиковой Дамы». Докладчик рассматривает некоторые частичные вопросы, вызываемые повестью Пушкина.

Обычно обращали внимание на присутствие фантастического элемента в «Пиковой даме»; но фантастики нет,—это произведение вполне реалистическое; «Пиковая дама»—трагедия, хотя и изложенная в повествовательной форме. Это трагедия страсти—страсти игрока. Нельзя согласиться с мнением М. О. Гершензона, что Германну

нужен был внешний толчок для взрыва страсти. Развитие страсти совершается планомерно. Возникает вопрос — почему Германн выиграл. По Гершензону — не случайно: Германн был так уверен в выигрыше, что сам Космос склонился перед этой верой. Но выигрыш Германна надо объяснять чисто композиционными заданиями Пушкина. Как нельзя себе представить, чтобы Германн выиграл в претий раз — тогда вся повесть потеряла бы смысл, — так нельзя и представить, чтобы Германн вообще не выиграл. Двукратный выигрыш сам по себе ничего невероятного не представляет. Нельзя согласиться с Гершензоном, который считает художественной ошибкой описание графининой спальней, потому что Германн, при его душевном состоянии, не мог заметить всего того, что описывает Пушкин. И дело тут не в необычайно повышенном настроении Германна, как думает Слонимский, — Пушкин подчеркивает спокойное состояние Германна. Он волновался, пока не проник в дом графини: войдя же, он приобрел уверенность и спокойствие. Описание комнаты — необходимое звено. Пушкин не мог не обратить внимание на неуместность описания, если бы оно не соответствовало состоянию души Германна.

По докладу высказались А. С. Гинзбург, Н. Н. Фатов, П. Н. Сакулин и С. В. Шувалов.

А. С. Гинзбург не соглашается с докладчиком, что Германном руководила страсть игрока. Им руководила страсть к наживе. Игроку сладостна неизвестность. Он никогда не станет расчетливо соображать. Наверняка играет не страстный игрок, а — шулер. Германн же был необычайно расчетлив. Он даже думал о детях и внуках. Не наверняка он не желал играть. Он играет при абсолютной уверенности в выигрыше. Но, выиграв два раза, он захотел выиграть и в претий. И — проиграл. У Пушкина всякая смерть является следствием какой-либо вины. Эта идея возмездия ясно проведена и в «Пиковой Даме».

Н. Н. Фатов отмечает, что никто из исследователей «Пиковой Дамы» не обратил внимания на то, что Пушкин дал прежде всего анализ психики сходящего с ума человека. В начале повести герой, видимо, вполне нормален, но его странности уже включают в себе элементы психической болезни. Далее в повести Германн — «на грани безумия», и, наконец, — он уже психически больной в полном смысле этого слова. Как от «Станционного смотрителя» идет нить

к Гоголю, Достоевскому и т. д., так и от «Пиковой Дамы» надо вести нить к тем произведениям русской литературы, в которых изображается психика душевнобольных,—к произведениям Достоевского, Гаршина, Л. Андреева и др. Вопрос о выигрыше не разрешен ображениями докладчика и оппонента. Что-нибудь одно—или Пушкин смотрел на выигрыш, как на дело случая, или Пушкин допускал мистическое толкование: в последнем нет ничего невероятного, так как Пушкин вообще не был свободен от элементов суеверия.

П. Н. Сакулн отмечает, что докладчиком дан интересный комментарий к нескольким моментам повести, но в целом повесть не проанализирована,—отсюда и некоторые неясности. Эпизод с выигрышем может быть исполкован, как чисто технический прием: художнику необходимо было довести читателя до момента высшего напряжения внимания. Можно допустить, что описание спальной дано вовсе не с точки зрения героя; Пушкин мог иметь и самостоятельное художественное задание.

С. В. Шувалов, присоединяясь к замечаниям П. Н. Фатова относительно выигрыша, подчеркивает, что Германн выиграл не два, а все при раза, так как и пройка, и семерка, и туз открылись. Волшебные карты не изменили себе. Проиграл же Германн лишь в силу своей ошибки, взяв в руки пиковую даму, но будучи уверен, что берет туза. Таким образом, ни о какой случайности тут не может быть и речи. Волшебные карты Пушкину были нужны в ходе его повествования. Другой вопрос—верил ли он сам в то, что действительно могут быть волшебные карты. Что же касается спальной графини, то о спокойствии Германна едва ли можно говорить—это было спокойствие высшего напряжения нервной системы, и при таком состоянии Германн, действительно, мог отличаться повышенной наблюдательностью.

Н. П. Кашин, отвечая оппонентам, соглашается, что страсть Германна скорее, действительно, страсть к живые, а не страсть игрока. Вопрос—мистика или случайность—едва ли можно ставить. Надо ставить другой вопрос: мистика или художественное задание? Скорее всего—последнее.

11. Заседание 1-го апреля 1923 г. (10-е)—там же.

а) В. Ф. Саводник прочитал ряд отрывков из своих комментариев к «Дневнику» Пушкина, издаваемому

Румянцовским Музеем. Работа по комментировке дневника, по словам докладчика, необычайно трудна. Пушкин упоминает в дневнике 171 лицо. Была опасность чересчур перегрузить комментарий. Пришлось остановиться, главным образом, на отношении Пушкина к упоминаемым лицам. Общие сведения приводятся лишь о лицах, относительно мало известных. После вступительных замечаний докладчик прочел отдельные места следующего содержания: 1) о Пушкине и Жуковском, при чем доказывал, что влияние Жуковского на Пушкина не было столь велико, как это утверждает, напр., П. Е. Щеголев; 2) о встрече Пушкина с кн. Суццо и Пестелем; 3) о ген. Сухозанете; 4) о дамских мундирах; 5) о приезде в Петербург турецкого посла; 6) о Мятлеве, за которым докладчик признает возможность известного влияния на Пушкина и 7) о камерьонкерстве Пушкина.

После доклада обменялись мнениями М. А. Цявловский, Д. С. Дарский, И. Н. Розанов и Н. К. Пиксанов.

М. А. Цявловский, отметив исчерпывающую полноту комментариев, присоединяется к мнению докладчика о самостоятельности Пушкина по отношению к Жуковскому и полагает, что главной осью, на которой вращались отношения Пушкина ко двору, были никак не уговоры Жуковского, а красота Натальи Николаевны. Интересно было бы привлечь письма Вигеля, который давал Пушкину советы, как вести себя по отношению ко двору.

Д. С. Дарский указывает на желательность подробной библиографии по Мятлеву.

И. Н. Розанов говорит, что Мятлев вовсе не был забыт, как полагает докладчик: он несколько раз переиздавался, стало быть, имел своих читателей вплоть до наших дней.

Н. К. Пиксанов спрашивает В. Ф. Саводника о полноте текста дневника по сравнению с ранними публикациями.

В. Ф. Саводник на вопрос о тексте сообщает, что собственно нового текста дает немного, но издание Румянцовского Музея отличается тем, что вся работа ведется при постоянном обращении к подлинной рукописи, чего не могло быть ни у Венгерова, ни у редакторов параллельного петербургского издания. Московское издание ставит себе задачей воспроизведение текста рукописи с наивозможной идеальной точностью.

12. Заседание 22-го апреля 1923 года (11-е)—там же.

а) М. М. Покровский: «Пушкин и Гораций». Докладчик останавливается на стихотворении Пушкина «Кто из богов мне возвратил...», написанном под влиянием Горация. Поэт необычайно умело схватывает самую сущность античности, хотя латинский язык он знал плохо, а греческого не знал вовсе. С классической литературой Пушкин был знаком также лишь весьма поверхностно и, за немногими исключениями, не в подлинниках. Докладчик дает точный перевод оды Горация. Прямых указаний на прусость Горация в подлиннике нет. Слова Пушкина об этом должны быть признаны весьма тонкой художественной интуицией. Не понял лишь Пушкин 2-ой строфы—попойки, о которых говорится там, происходили не во время похода, а в Афинах, много раньше.

Л. С. Гинзбург замечает, что в отношениях Пушкина к Горацию сказывается некоторая насмешливость; поэт не раз называет своего римского собрата—«прусом», «льстецом».

М. М. Покровский, соглашаясь с этим замечанием, отмечает, что Пушкин прекрасно понял своеобразную «дипломатию», с которой Гораций выставлял свою прусость на вид.

б) Л. С. Дарский читает часть из своей обширной работы: «Три любви Пушкина»¹.

Пушкин говорит в «Евгении Онегине» о погасшей любви и вспоминает о женщине, в которую он «долго и глупо» был влюблен. В строфе о «ножках» в «Е. Онегине» (хотя возможно,—там и говорится не об одной паре женских ног) совершенно ясны приметы каких-то восточных ног. Очевидно, та женщина, к которой относится стихотворение «Редеем облаков лепучая гряда», и эта южная красавица—разные лица. Эта же южная женщина рассказала Пушкину легенду о «Бахчисарайском Фонтане». Она уехала в Ипсалию. Разлука произошла в Кишиневе в 1823 году. Любовь к ней началась на Кавказе и продолжалась в Крыму. Кто она—как будто неизвестно; как будто перед нами

¹ Прочтена была средняя часть. Начало, в котором автор доказывает, что глубокою, «утаенною» любовью поэта была не М. Н. Волконская, а компаньонка Раевских, татарка Анна Ивановна, было прочтено Д. С. Дарским раньше, в заседании Литературной Секции Российской Академии Художественных Наук.

пустое место. Но в пустом месте оказывается определенное лицо — компаньонка Раевских, Анна Ивановна, родом татарка. Все, приведенные выше, данные вполне подходят к ней. Психология Пушкина становится вполне понятной. Перед нами — воплощенный байронизм, любовь к земной гурни. Расставшись с возлюбленной в Крыму, поэт едет в Кишинев; едет с тоскою, так как разлучился с любимой. В черновых рукописях постоянно говорится об «объятвях»; в Бахчисарайи Пушкин приехал вовсе не «больной» в буквальном смысле этого слова, а больной духом, с любовной тоскою — благодаря разлуке с Анной Ивановной. Это не могла быть М. Раевская, так как с нею Пушкин и в то время не разлучался. Толкование стиха «И именем своим подругам называла», данное В. Ивановым, совершенно произвольно (звезда — Мария). Пушкин обозначает возлюбленную буквою Г — не Ганна-ли? О новых встречах с Анной Ивановной сказать что-либо трудно, но возможно, что поэт виделся с нею в Одессе или в Кишиневе.

Вторую любовь поэта была «северная любовь», намеки на которую мы имеем в стихотворении «Война». Наконец, третья — М. Н. Раевская. Возможно, что Пушкин был влюблен во всех трех сразу и, кроме того, еще в нескольких, напр., во всех сестер Раевских, — старшую, Екатерину, он называет «женщиной необыкновенной», второй, Елене, было 16 лет, Марии — 15. Олигар говорил о ней, что из ребенка она быстро превратилась в красавицу; впрочем, некоторым она казалась — «дурною собою». При существовавших тогда отношениях знакомство Пушкина с девицами Раевскими не могло перейти в интимную близость, хотя бы в виде ночных свиданий с поцелуями. М. Раевская для Пушкина была только «прелестью» и не могла стать предметом знойной страсти, однако, поэтическое чувство к ней постепенно росло и вызвало ряд стихотворений. Несомненно, что в Кишиневе это чувство выросло и окрепло. Об ответном чувстве мы никаких указаний не имеем. Зарождение нового чувства не могло не отразиться на чувстве поэта к Анне. Это сказалось и в творчестве, напр., в «Бахчисарайском Фонтане» мы видим двух женщин. Почему Пушкин хранил тайну? Биографы полагают, что он боялся запятнать честь М. Раевской-Волконской. Но почему поэт не посвящал ей открыто стихотворений? Посвящение женщине, хотя бы и замужней, никоим образом не могло набросить на нее тени. Наоборот — это было своего рода честью и вполне в нра-

вах того времени. И сама М. Н. Раевская-Волконская ничего не могла бы иметь против посвящения ей Пушкиным своих стихотворений. Да Пушкин этой любви и не тайл; он говорил о ней Туманскому. Другое дело—связь с татаркой. Пушкин мог иметь основания желать, чтобы об этой глупой страсти не знали. Пушкин говорил о Зареме, что она «кусается»—это вполне приложимо к страстной татарке, но не идет к М. Н. Раевской. Впрочем, характер М. Н. Раевской нам известен очень мало. Но интересно отметить, что в «Бахчисарайском Фонтане» две любви—к одной, Марии, божественное чувство, к другой, восточной женщине,—страсть с «язвительными лобзаниями», а в заключение, еще третье лицо—«чью тень, о други, видел я»—очевидно, воспоминание о какой-то третьей, вероятно, умершей, северной женщине.

По докладу Д. С. Дарского состоялись прения, в которых приняли участие Б. М. Соколов, М. А. Цявловский, Н. Н. Фатов, В. Ф. Саводник и В. В. Вересаев.

Б. М. Соколов не соглашается с докладчиком в центральном пункте. Совершенно неверно, что Пушкин питал к М. Раевской лишь какую-то идеально-нежную любовь, скрывать которую не было никаких оснований. Докладчик совершенно не обратил внимания на показания самой М. Н. Раевской. Нет сомнений, что Пушкин был горячо и страстно влюблен в нее и имел все основания скрывать это чувство, так как оно могло бы ее скомпрометировать; к тому же это чувство было для Пушкина «святыней», которую он не желал обнажать перед глазами других людей. Пушкин был необычайно целостная натура и любил целостно, без деления на «тело и душу». Ответного чувства не было—это заставляло Пушкина еще больше скрывать свою страсть. В стихах он говорил вполне ясно, но не называл имени. Нет никаких оснований полагать, что Зарема—отражение образа М. Раевской. Но известные черты М. Н. Раевской могли быть в образе Заремы, равно как и в образе Марии. В таком разделении живого образа нет ничего невероятного. Толкования В. Иванова об имени звезды—«Марии» нельзя опровергать—оно вполне документально и отличается полной убедительностью. Сказать, что у Пушкина с М. Н. Раевской «дело до поцелуев не дошло», также нет никаких оснований. Условия их жизни были таковы, что нет ничего невероятного и в ноч-

ных свиданиях с поцелуями. Таким образом, «упаенная любовь» — все же М. Н. Раевская, а не какая-то Анна, в пользу которой докладчик не смог привести ни одного доказательства и самое упоминание о которой способно вызвать недоумение.

М. А. Цявловский отмечает, что в докладе привлечен такой богатый и разнообразный материал, что нет возможности критиковать доклад, не проработав самоспоятельно всего этого материала. Можно сделать лишь общие указания. В пользу Анны Ивановны имеется очень мало доказательств. Сведения о ней восходят к Барпенеу, которому передавали свои воспоминания Екатерина и Елена Николаевны Раевские. Но имя Анны Ивановны лишь толькo упоминается, как имя совершенно бледной и эпизодической фигуры. Никаких намеков на любовь Пушкина к ней или хоть на какие-нибудь выдающиеся ее качества, напр., на красоту, не имеется, тогда как на М. Н. Раевскую намеков немало. Про М. Н. Раевскую Пушкин мог сказать, что он был в нее «долго и глупо влюблен», но как Пушкин мог сказать это про связь с Анной Ивановной, если бы она имела место, раз это была связь со взаимностью — что же тут мог Пушкин видеть «глупого»?

Н. Н. Фатов отмечает, что с точки зрения чисто методологической совершенно недопустимо говорить о любви Пушкина к какой-то Анне Ивановне, раз у исследователя нет в руках совершенно никаких данных. Получается не исследование, а какое-то сверхчувственное постижение, ни для кого не убедительное. В докладе ряд совершенно недоказательных натяжек. Напр., докладчик говорит, что Пушкин расстался с возлюбленной в 1823 г. и что она уехала в Италию. Но разве есть какие-нибудь основания думать, что татарка Анна Ивановна уехала в Италию? Очевидно, речь идет совсем о другом лице — повидимому, о Ризнич.

В. Ф. Саводник также выступает с возражением принципиального характера: нельзя так злоупотреблять биографическим методом. Нельзя пытаться каждое слово, каждый образ, каждый намек у поэта толковать во что бы то ни стало биографически. Относительно Анны Ивановны мы ничего, кроме факта ее существования, не знаем, и это надо признавать откровенно. Несомненно, это была личность, стоящая на заднем плане. Если бы у Пушкина и была с ней связь, в чем, конечно, ничего невероятного нет, то эта связь не могла бы оказать влияния на поэта и волновать его в течение ряда лет. К связям с женщинами

малокультурными Пушкин относился довольно легко, и подобных связей у него было немало. Весьма сомнительна зависимость между героинями «Бахчисарайского Фонтана» и личными чувствами поэта. Зарема — чисто литературный тип экзотической красавицы в байроновском духе.

В. В. Вересаев также протестует против злоупотребления биографическим методом. Художник весьма часто пользуется лишь отдельными элементами своих настроений и впечатлений, и на фоне реально-бывшего разводит такие узоры, в которых весьма трудно распознать автобиографические факты. Отдельные утверждения докладчика грешат явной натяжкой. Напр., о болезни в Бахчисарае Пушкин говорит совершенно определенно: его прясла лихорадка, и нет никаких оснований толковать слова Пушкина иносказательно, предполагая «любовную лихорадку»; о лихорадке он говорит в своих письмах. Толкование буквы Г, как начальной буквы имени Ганна, — совершенно произвольно, и почему Пушкину могла прийти фантазия назвать украинским именем. Едва ли Пушкин мог увлечься сербско-какой-то компаньонкой или бонной. Он был слишком дэнди для этого.

Д. С. Дарский весьма удивлен, что все оппоненты старались разбить его. Он ведь ничего не утверждал; он лишь выставил гипотезу, которая может быть лишь вероятной. Известная доля вероятности в его гипотезе есть — для того надо рассмотреть стихотворения 23-го года, где ясно говорится о любви в женщине не русской, восточной, которая уехала в Италию. Все это можно применить к Анне Ивановне, и больше ни к кому. Замечание, что Пушкин не мог увлечься компаньонкой, не существенно. Человеческое чувство не знает классовых границ.

13. Заседание 6-го мая 1923 г. (12-е) — там же.

Был заслушан доклад А. Я. Цинговатова на тему: «Пушкин в сознании Блока».¹

Творчество Блока и имеющиеся у нас материалы о его жизни не дают возможности говорить об отношении его к Пушкину в целом. Остановимся на двух моментах: 1) на

¹ В виду того, что доклад будет напечатан, он излагается кратко.

комментировании Блоком лицейских стихов Пушкина и 2) на его речи «О назначении поэта».

1. В комментаторской работе над лицейскими стихами (для 1-го т. венгеровского издания) работа над текстом отсутствует, но сводка суждений сделана обстоятельная и добросовестная. Суждения самого Блока всегда скупы, осторожны, строги, чутки, точны, умышленно застенчивы. Один из первых Блок выдвигает формально-поэтический момент, уделяя особое внимание музыкальной стороне стиха (евфонии).

2. Пушкин для Блока — символ высшей гармонии и гармонического расцвета русской культуры. Гибель Пушкина — знаменовала гибель единственной культурной эпохи XIX века в России. Пушкин — певец «тайной свободы», творческого покоя, творческой воли. Умер он «от недостатка воздуха», который отнимала и отняла у него чернь — светская чернь. Судьба Пушкина должна послужить предупреждением. Писал свою речь Блок в тяжелых бытовых условиях. В ней — плохо замаскированный, страстный протест, опирающийся на авторитет Пушкина, против современности. Свой последний, предсмертный поклон Блок отдал Пушкину.

В прениях по докладу приняли участие С. В. Шувалов, Н. Н. Фатов, М. А. Цявловский, П. Н. Сакулин, Н. К. Пиксанов, студ. п. Кривороженков, А. С. Гинзбург, В. И. Шишов, М. П. Никитин.

С. В. Шувалов, отметив высокий интерес доклада, не соглашается с некоторыми частностями. Напр., он не понимает, о каких двух «ж» может идти речь в стихе «Уж я ножичком полосну, полосну», ведь «уж» произносится, как «уш»; не слышать этого Блок не мог. В разборе речи Блока о Пушкине надо было бы отделить пушкинское от блоковского, у докладчика же оба элемента как-то смешаны. Недостаточно характеризует Блока указание, что в нем «не было ничего от разночинца» — ведь это можно сказать и про многих других русских поэтов, в том числе и про самого Пушкина.

Н. Н. Фатов, признавая также ценность доклада, находит в нем, однако, и ряд дефектов. Доклад как-то слишком перегружен мелочами, в нем не выступают с достаточной четкостью основные синтетические линии. Надо

было бы остановиться на разнице эпох, породивших Пушкина и Блока, на разнице их натур и исходить из признания, что между двумя великими поэтами не было конгенитальности. Но, несмотря на это, все же у них было много и общего (классовое происхождение и некоторые черты характера и жизни). На этом, общем, докладчик также мало остановился. Можно было бы отметить презрение к толпе, к «черни», особенно к «аристократической черни», общее у обоих поэтов, затем их «любовое билие» (частные «романы» и влияние их на творчество); далее, надо было бы учесть большое количество тем, одинаковых у обоих поэтов (Петербург, Петр, Командор, «Среди поклонников Кармен» — и казак в «Полтаве» и т. д.), исследовать зависимость блоковского ритма от пушкинского ритма (ведь Блок часто, особенно в последние годы, сознательно писал пушкинским ритмом — напр., «Возмездие»); надо было бы выделить общие элементы в миросозерцании обоих поэтов и в их судьбе. Наконец, небесполезно было бы собрать все высказывания Блока о Пушкине, установить, что из Пушкина и когда Блок читал, что он более ценил, что цитировал и т. д.

Что касается работ Блока над академическим изданием поэта, то оппонент, сам работавший над лицейскими рукописями Пушкина, может подтвердить в высшей степени поверхностное отношение Блока к комментированию Пушкина. Рукописей Пушкина Блок не видел не только подлинных, но, очевидно, не считал нужным ознакомиться с ними как следует и по снимкам, которые были у С. А. Венгерова и, стало быть, могли быть ему доступны — иначе Блок не допустил бы целого ряда грубейших ошибок, показывающих, что он просто слепо переписывал примечания академического издания, в то же время самоуверенно говоря о рукописях. Впрочем, удивляться этому почти не приходится — Блок в то время был еще слишком молод, он только что окончил университет и, может быть, даже еще будучи студентом, работал над комментированием пушкинских стихотворений. Ни опытности, ни методологических навыков у него, разумеется, и быть не могло. Скорее остается удивляться, почему С. А. Венгерова считал возможным поручить ему такую ответственную работу. Едва ли, далее, можно полагать, что у Блока был серьезный литературный заработок — он жил на другие средства — доходы от имения, наследство после отца и Менделеева — на это есть совершенно определенные указания в биографии Блока М. А. Бекетовой.

М. А. Цявловский говорит, что нельзя удивляться приглашению Блока в число комментаторов пушкинского издания Венгеровым; последний не всегда был разборчив и иногда приглашал участвовать в издании людей, совершенно случайных, которые ни раньше, ни потом ничем себя в пушкиноведении не заявили.

П. Н. Сакулин признает доклад очень вдумчивым, хотя и не достаточно полным; возражая С. В. Шувалову, он полагает, что слово «уж» Блок мог произносить и не так, как произносим мы, москвичи; ведь Блок был типичный петербуржец, и у него могли быть диалектические особенности; в слове «уже» — звук «ж» слышится совершенно ясно. (к этому мнению потом присоединился А. С. Гинзбург).

Н. К. Пиксанов подтверждает слова М. А. Цявловского о поропливости, с которой велись подготовительные работы к I-му тому изд. Пушкина. Текста никакого предварительно установлено не было. Каждому комментатору предлагалось работать на свой страх, хотя С. А. Венгеров и давал некоторые указания. Комментирование началось не раньше весны 1906 г., так как издание было задумано и начато выполнением в спешном порядке; фотографиями рукописей Блок, по всей вероятности, не пользовался. Инициалы — А. Б., несомненно, принадлежат Блоку; другого сотрудника с такими инициалами не было. Основная заслуга докладчика — раскрытие той психологической и бытовой обстановки, в которой создавалась Блоком речь о Пушкине и анализ самой речи. Становится несомненным, что речь — аллегория, более того, даже памфлет на современность; Пушкиным Блок лишь воспользовался для изложения своих мыслей. Так поступал и Достоевский, но если провести эту аналогию, то сравнение окажется не в пользу Блока. Тема «Блок и Пушкин» — огромная. Доклад, конечно, всю ее далеко не исчерпал. Возникает масса новых вопросов, которые надо исследовать. Оппонент надеется, что А. Я. Цинговатов это сделает.

Студ. тов. Криворотенков указывает, что доклад резко распадается на две части, в центре одной — Пушкин, в центре другой — Блок, и вторая часть явно превалирует над первой. В докладе больше о Блоке и очень мало о Пушкине. Едва ли верно, что Блок так презрительно смотрел на окружающее, как это изображено докладчиком. Неверно и то, что Блок был революционером только до половины 1918 г., а потом ушел от революции. Скорее — революция ушла от Блока.

В. И. Шишов указывает, что вопрос о пушкинизме Блока очень сложен. Нельзя сказать, что Блок вполне постиг и оценил Пушкина. Особой широтой литературных взглядов Блок, замкнутый сам в себе, не отличался. Вкусы его были довольно традиционны. Важно было поставить вопрос о том, вернулся ли Блок к Пушкину в смысле идеологическом или же композиционно-техническом.

М. П. Никитин считает, что не достаточно ясен вопрос о поэтике Блока. Блок придерживался гармонии, главным образом, графической. Классовая психология у Пушкина и Блока выражалась по-разному; и «простонародье» при Пушкине было не то, что при Блоке, не говоря уже о всех условиях жизни. Отношение Блока к различию поэты не выяснено. Сказать, что «в Блоке не было ничего от разночинца» — это, строго говоря, ничего не сказать.

А. Я. Цинговатов в ответном слове подчеркивает, что он сознательно ограничил тему и разработал только ту часть ее, которую точнее следует обозначить: «Пушкин в критических суждениях Блока». Он соглашается, что в слове «уж» звука «ж» нет, а есть «ш», но как петербуржец Блок мог произносить и не так, как мы. Отделить пушкинское от блоковского в речи о Пушкине — невозможно: оба элемента неразрывно слиты самим Блоком. На Пушкина Блок смотрел, как на «абсолютного» поэта и ставил его рядом с Л. Толстым и Достоевским. Интересы Блока к Пушкину можно поставить в связь с увлечением Пушкиным, которое было вообще у символистов. В корне нельзя согласиться с замечанием т. Криворопенкова, что революция ушла от Блока. Можно, конечно, думать, что революция в 1918 г. уже кончилась, но правильнее полагать, что она только в это время началась; кончился лишь ее «романтический» период, и она перешла к деловому строительству. И от этой стадии революции Блок и отвернулся. Нельзя согласиться также и с утверждением т. Шишова, что Блок не отличался широтой литературных горизонтов. То, что в Блоке «ничего не было от разночинца», докладчик считает необычайно характерным: таково у докладчика было и личное впечатление от поэта, с которым он встречался в 1913 г.

После доклада А. Я. Цинговатова Л. С. Гинзбург делает краткое сообщение о своей поездке в Петербург и о предполагаемой Пушкинской выставке. В члены Пушкинской Комиссии избираются Е. А. Сидоров и Н. Г. Райский.

ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

О. И. Л. в своих заседаниях уделяло также немало внимания вопросам пушкиноведения. За последние годы состоялись следующие десять докладов, посвященных Пушкину.

1. М. А. Цявловский. «Псевдопушкиниана» — 1915 г., XI, 28.

2. А. И. Некрасов. «Примечания к „Кавказскому Пленнику“ Пушкина» — 1917, I, 21.

3. М. Н. Сперанский. «Автограф Пушкина (стихотворение „Признание“») — 1918 г., III, 14

4. В. Н. Нечаева. «Пушкин и кн. Вяземский в первый период их знакомства (1816—1820)» — 1920 г., II, 2'.

5. Б. М. Соколов. «М. Н. Раевская-Волконская в жизни и поэзии Пушкина» — 1920 г., III, 7.

6. Н. Н. Фатов. «Перемудренный Пушкин» (по поводу книги М. О. Гершензона „Мудрость Пушкина“) — 1920, XI, 14.

7. М. О. Гершензон. «Искусство медленного чтения» (доклад был иллюстрирован примерами, взятыми из Пушкина) — 1921, II, 13.

8) В. С. Нечаева. «Пушкин в неизданных письмах кн. Вяземского» (по неопубликованным документам Остафьевского архива) — 1921, VI, 5.

9. Н. Ф. Бельчиков. «Автограф стихотворения Пушкина „К Н¹» — 1922, I, 1.

10. М. Н. Сперанский. «Дневник Пушкина» — 1922 г., I, I.

ПУШКИНСКИЙ КРУЖОК ИСТОРИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ. ²

В 1915—1917 г.г. существовал в Москве «Пушкинский кружок» историков литературы. В него входили: Б. А. Грифцов, П. Н. Розанов, В. М. Фишер, К. Г. Локс, Е. И. Боричевский, П. И. Майгуро. На собраниях бывали: В. Ф. Ходасевич, М. А. Цявловский, Д. С. Дарский. Изучению подлежали самые разнообразные стороны Пушкинского творчества, от сложнейших проблем миросозерцания поэта до инструментальной стиха. Была мысль о подготовке «Пушкинской энциклопедии». Некоторые темы, напр., «Моцарт и Салери (3 доклада)» и «Египетские ночи», привлекали особенное внимание. Убеждением кружка было, что о произведениях изящ-

¹ Доклад воспроизведен в настоящем выпуске.

² Сообщено И. Н. Розанович

ной словесности надо и писать по возможности, изящно. Обсуждалось не только содержание докладов, но и их стиль и композиция. Общая тенденция была—не поропиться печатанием. Занятия носили отчасти лабораторный характер; только немного выходило на свет. Так из обширного доклада В. М. Фишера «О пародиях Пушкина» напечатано было в «Русском Библиофиле» только небольшое извлечение. Статья П. Майгупа о «Египетских ночах» появилась под псевдонимом и п. д. Заметнее было другое выступление, тоже анонимное. В первые дни революции на памятнике Пушкина появился плакат со стихами из «Послания к Чаадаеву»: «Товарищ! верь, взойдет она...» и п. д. Это произошло по инициативе кружка. Когда в 1919 г. возник Пушкинский семинарий Вячеслава Иванова, часть членов, напр., Е. И. Боричевский, ныне профессор Минского Университета, и И. Н. Розанов, приняли в нем деятельное участие.

ДОКЛАДЫ,

рефераты, речи и пр. о Пушкине в других научно-литературных обществах Москвы и Петербурга.¹ (1918—1922).

Адарюков, В. Я. «Иконография Пушкина»—Доклад в Рус. О-ве Друзей Книги (Москва, 1921, X, 21..

Блок, А. А. «О назначении поэта». Речь, произнесенная в Доме Литераторов на торжественном собрании 1921, II, 11 (С.-Петербург)—Напеч. в «Вестн. Лип.» 1921, № 3 (27), стр. 15—17. Речь повторена на Пушкинском вечере в «Доме Литераторов» 1921, II, 13—«Вестн. Лип.» 1921, № 3 (27).

Браудо, Е. М. Вступительное слово на камерном концерте—«Пушкин в музыке» в Доме Литераторов (С.-Петербург) 1921, II, 14—«Вестн. Лип.», 1921, № 3 (27).

Браудо, Е. М. Сообщение «Пушкин и Моцарт»—на торжеств. собр. в Доме Литераторов 1922, II, 10 (СПб.)—«Летоп. Д. Литер.». 1922, № 8—9.

Буш, В. В. Вступительное слово на вечере, посвященном Пушкину, в 1-м Социалистическом клубе «Красная Звезда» (СПб., Садовая, 38,)—1918, V, 9.

¹ Дается список докладов в алфавитном порядке фамилий авторов, по карточкам, составленным М. А. Цявловским на основании сообщений печати.

Венгеров, С. А. — «Евгений Онегин — декабрист». Доклад в Волн. филос. ассоциации (Вольфила) — (СПб.) 1920, IV, 18.

Водовозов, В. В. «Политические и общественные идеи Пушкина». Лекция в Социологическом Институте в СПб. — «Дела и Дни», 1921, I, 518.

Водовозов, В. В. «Развитие политических воззрений Пушкина». Лекция в Социологическом Институте в СПб. — «Дела и Дни», 1921, I, 518.

Волковъский, Н. М. Вступительное слово на Пушкинском вечере на Вас. О-ве в СПб. 1921 г. II, 26 — «Вестн. Литп.», 1921, № 3 (27).

Гинзбург, Л. С. «Забывший рассказ из жизни Пушкина «Маскарад» — доклад на «Никипинских Субботниках» (Москва). 1921 г.

Гинзбург, Л. С. «Пушкин и кн. Вяземский». Доклад на «Никипинских Субботниках» (Москва), 1921 г.

Горев, Б. «Евреи в произведениях русских писателей». Доклад в театре Лин (СПб.), 1917, X, 8.

Гофман, М. А. Сообщение о своих работах над Пушкинскими текстами — на соединенном заседании Пушкинского Дома и Комиссии по изданию сочинений Пушкина при Ак. Наук и Разряда изящной словесности Рос. Ак. Наук — 1921, VI, 8 — «Вестн. Литер.» 1921, № 9 (33).

Грифцов, Б. А. «Болдинская осень» — вступительное слово на пушкинском вечере в Малом зале Консерватории (Москва), 1921 г.

Гроссман, Л. П. «Пушкин и дэндиизм». Доклад во Всеросс. Союзе Писателей (Москва), 1922, II, 13.

Губер, П. К. «Пушкин и русская культура». Доклад на 2-м пушкинском вечере в «Доме Литераторов» (СПб.) 1921, III, 5 (вечер был отложен; неизвестно, состоялся ли позднее) — «Вестн. Литер.» 1921, № 3 (27), стр. 18.

Губер, П. К. Справка о пушкинских днях — сообщение в торжеств. собр. в «Доме Литераторов» (СПб.), 1922, II, 10 — «Летоп. Дома Литерат.» 1922, № 8—9.

Гумилев, Н. С. «Современность в поэзии Пушкина». Доклад о 2-м Пушкинском вечере в Доме Литераторов (СПб.) 1921, III, 5 (вечер был отложен; неизвестно, состоялся ли позднее) — «Вестн. Литер.» 1921, № 3 (27), стр. 18.

Згуро, В. В. «Портрет Пушкина работы Тропинина». Доклад в О-ве изучения старой Москвы (Москва), 1922, I, 26.

Измайлов, Н. В. «Новый сборник лицейских стихотворений». Сообщение в собрании сотрудников «Пушкинского Дома» — (СПб.), 1921, № 9 (33).

Ильинский, Л. К. Сообщение о книге Н. К. Пиксанова «Пушкинская студия»—в Рус. Библ. О-ве (СПб.), 1921, XI, 17—«Библиогр. Листок Рус. Библ. О-ва», л. I, янв. 1922, стр. 2—6.

Клеман, М. К. «Первая любовь Пушкина (Е. П. Бакунина)»—доклад в Рус. Библиологическом О-ве (СПб.), 1921—«Библиогр. Листок Рус. Библ. О-ва», л. I, янв. 1922, стр. 26.

Козьмин, Н. К. «Пушкин и дальняя чужбина». Доклад на соединенном заседании Пушкинского Дома, Комиссии по изданию сочинений Пушкина при Ак. Наук и Разряда Изящной словесности Рос. Ак. Наук (СПб.) 1921, VI, 8—«Вестн. Литер.» 1921, № 9 (33).

Козьмин, Н. К. Пушкин и Оленина. Сообщение в собрании сотрудников Пушкинского Дома. (СПб.) 1921 г.—«Вестн. Литер.», 1921, № 9 (33).

Кони, А. Ф. Вступительное слово на торжеств. заседании в память 85-летия со дня смерти Пушкина—в «Доме Литераторов» (СПб.), 1922, II, 10—«Лет. Дома Литер.» 1922, № 8—9.

Кони, А. Ф. Речь на заседании в память Пушкина в Институте Книговедения (б. Книжная Палата) (СПб.), 1922, II, 12—«Лет. Дома Литер.» 1922, № 8—9.

Кони, А. Ф. Речь на торжеств. собрании «в Доме Литер.» (СПб.), 1921, II, 11—напеч. в «Вестн. Литер.» 1921, № 3 (27), стр. 18—19.

Котляревский, Н. А. Заключительное слово на торжественном собрании в «Доме Литераторов» (СПб.), 1921, II, 11—напеч. в «Вестн. Литер.» 1921, № 3 (27), стр. 19.

Котляревский, Н. А. «История академического издания сочинений Пушкина». Доклад на соединенном заседании Пушкинского Дома, Комиссии по изданию сочинений Пушкина при Акад. Наук и Разряда изящной словесности Рос. Ак. Наук (СПб.), 1921, VI, 8—«Вестн. Литер.» 1921, № 9 (33).

Котляревский, Н. А. «Пушкин и Россия». Речь на торжеств. собрании в «Доме Литераторов» (СПб.), 1922, II, 10.—«Летоп. Дома Литер.» 1922, № 8—9.

Куприн, А. И. «Последние дни Пушкина». Доклад (?) на спектакле-концерте, посвященном А. С. Пушкину в Красносельском Гос. Театре (СПб.), 1918, IX, 15.

Лапшин, И. И. Вступительное слово на спектакле Госуд. Драмат. театра (б. Александринского) в СПб. 1922, II, 11.

Леонтьев, А. А. «Пушкин и Николай I». Лекция на вечере, посвящ. памяти Пушкина в помещ. Никольского

Общественного Собрания Совет. Кружка саморазвития учащихся Никольского Реального уч., 1917, XII, 27 (Никольск).

Лернер, Н. О. Лекция о Пушкине—в Доме Литераторов (СПб.), «Дела и Дни», 1921, I, 539.

Лернер, Н. О. «Один из забытых рассказов Пушкина». Доклад на 2-м Пушкинском вечере в «Доме Литераторов» (СПб.), 1921, III, 5. (Вечер был отложен; неизвестно, состоялась ли позднее.)—«Вестн. Литер.» 1921, № 3 (27), стр. 18.

Луначарский, А. В. Вступительное слово о Пушкине на вечере в память 85-летия со дня смерти поэта в «Доме Союзов» (Москва), 1922, II, 8—напеч. в «Изв. ВЦИК» 1922, февр. 11.

Лурье, Артур. «Голос поэта». Доклад в Вольной Филос. Ассоциации (СПб.), 1922, II, 5—«Летоп. Дома Литер.» 1922, № 8—9.

Львов-Рогачевский, В. Л. Вступительное слово на Пушкинском вечере в Политехническом Музее (Москва), 1922, V, 20.

Мейер, А. А. «Мудрость Пушкина», по поводу книги М. О. Гершензона. Доклад в Вольн. Филос. Ассоц. (СПб.), 1922, II, 12. «Лет. Дома Лит.» 1922, № 8—9.

Модзалевский, Б. Л. Незданные тексты Пушкина. Сообщение, прочитанное по болезни автора другим лицом в собрании сотрудников Пушкинского Дома (СПб.), 1921, «Вестн. Литер.» 1921, № 9 (33).

Нейкирх, Мария Львовна (племянница А. С. Пушкина). Беседа с ней в О-ве изучения старой Москвы (Москва), 1922, I, 26.

Ольденбург, С. Ф. Речь на заседании в память Пушкина в Институте Книговедения (б. Книжная Палата) в СПб. 1922, II, 12. «Летоп. Дома Литер.» 1822, № 8—9.

Петровский, М. А. Композиция повести Пушкина «Выстрел». Доклад в литерат. секции Рос. Академии Художеств. Наук в Москве 1922, III, 13.

Пиксанов, Н. К. «Из анализов «Евгения Онегина» Образ Татьяны». Доклад Литер. Секции Рос. Академии Художеств. Наук в Москве 1922, IV, 3.

Поляков, А. С. «Новые материалы о смерти Пушкина». Доклад в Неофилологическом О-ве в СПб. (В прениях принимали участие Д. К. Петров, П. Е. Щеголев и Ф. К. Сологуб)—«Бирюч», 1921, II, стр. 286—287.

Саводник, В. Ф. «Античные образы в поэзии Пушкина». Доклад в Рус. О-ве друзей книги. (Москва)—1922.

Сакулин, П. Н. «Памятник Пушкина». Доклад на «Никипинских Субботниках» (Москва), 1921 г.

Соколов, Б. М. «Две Марии» (по Пушкину).— Доклад во Всеросс. Союзе Писат. (Москва) 1921, IX, 26.

Сологуб, Ф. К. «Смерть Пушкина и русская интеллигенция». Доклад на Пушкинском вечере на Вас. О. (СПб.) 1921, II, 26—«Вестн. Лип.» 1921, № 3 (27) —То же. Доклад на Пушкин. веч. в «Доме Липераторов». 1921, III, 5. (Вечер был отменен, и неизвестно, состоялся ли позднее.) «Вестн. Лип.» 1921, № 3 (27).

Столяров, М. П. Прологомены к конкретной тематике (в связи с тематикой пушкинского «Выстрела»). Доклад в Литерат. секции Росс. Акад. Худож. Наук в Москве— 1922, III, 27.

Столяров, М. П. «Тайна Пушкина». (Личность, судьба и творчество Пушкина в органическом единстве)—две лекции 6 и 13 июня 1922 г. в Москве в гимн. Флерова.

Томашевский, Б. В. «Пушкин и Буало». Лекция в «Доме Искусств» (СПб.) 1921, X, 29—«Лет. Дома Лип. 1921, № 1, стр. 7.

Тынянов, Ю. Н. «Евгений Онегин». Доклад в Волын. Филос. Ассоц. (СПб.) 1922, II, 19—«Летоп. Дома Лип.» 1922, № 8—9.

Харитон, Б. И. Вступительное слово на Пушкинском вечере в «Доме Липераторов» (СПб.),—1921, II, 13—«Вестн. Л.» 1921, № 3 (27).

Ходасевич, В. Ф. «Колеблемый треножник». Речь на пушкинском вечере в «Доме Литерат.» 1921, II, 13 (СПб.)—напеч. в «Вестн. Лип.» 1921, № 4—5 (28—29), стр. 18—20

Цявловский, М. А. «Из неизданных записей П. И. Бартенева о Пушкине». Доклад во Всеросс. Союзе Писат. (Москва) 1921, VII, 25.

Цявловский, М. А. Неизвестная любовь Пушкина. Доклад в Русск. О-ве друзей книги (Москва) 1921, VII, 29. Тот же доклад повторен в Союзе Писателей.

Цявловский, М. А. «Рукописный Пушкин». Доклад в Русск. О-ве Друзей Книги (Москва) 1921, XII, 23.

Чулков, Г. И. «Данте и Пушкин». Речь на торжеств. заседании Института Итальянской Культуры, Всеросс. Союза Писателей, О-ва Любит. Росс. Словес. и Акад. Духовн. Культуры в память Данте, 1921, IX, 14 (Москва).

Чулков, Г. И. «Поэт и левиафан». Лекция во «Дворце Искусств» (Москва).

Чулков, Г. И. «Пушкин и Великая Россия». Лекция в «Эрмитаж» (Москва).

Чулков, Г. И. «Русские поэты и Польша». Лекция во «Дворце Искусств» (Москва).

Шенгели, Г. «Новое Пушкинство». Доклад во Всеросс. Союзе Писат. (Москва) 1922, II, 20.

Шереметев, П. С. «Вяземский и Пушкин по семейным воспоминаниям Вяземских и Шереметевых». Доклад на «Никипинских Субботниках» (Москва) 1921 г.

Шкловский, В. Б. «Евгений Онегин». Доклад в Вольн. Философ. Ассоциации—(СПб.)—1922, II, 19—«Летоп. Дома Литерат.» 1922, № 8—9.

Штейн, С. В. «Пушкин и Царское Село». Лекция на курсах для руководителей экскурсий по Детскосельским дворцам-музеям. — Весною 1919 — «Дела и Дни» 1921, I, стр. 560.

Штейнберг, А. З. «Пушкин и Достоевский». Доклад в Вольной Философ. Ассоциации (СПб.)—1922, II, 26—«Летоп. Дома Литер.» 1922, № 8—9.

Щеголев, П. Е. «Дуэль Пушкина». Сообщение в «Доме Литераторов» (СПб.) 1921, II, 9—«Вестн. Литер.» 1922, № 3 [27]

Щеголев, П. Е. «Пушкин и западная культура». Речь на торжеств. собрании в «Доме Литераторов» (СПб.) 1922, II, 10—«Лет. Дома Литер.» 1922, № 8—9.

Щеголев, П. Е. Сообщение о найденной в подмосковном имении Пушкинской рукописи, заключающей материалы по истории Петра Великого на соединенном заседании Пушкинского Дома, Комиссии по изданию сочинений Пушкина при Ак. Наук и Разряда изящной словесности Росс. Акад. Наук (СПб.) 1921, VII, № 8—«Вестн. Литер.» 1921, № 9, (33).

Щелкунов, М. И. Издания запрещенных произведений Пушкина. Доклад в Русск. О-ве Друзей Книги (Москва), 1922, II, 12 (Доклад сопровождался демонстрированием книг по эротике, имевшихся в библиотеке Пушкина.)

Эйхенбаум, Б. М. «Евгений Онегин». Доклад в Вольной Фил. Ассоц. (СПб.) 1922, II, 19—«Летоп. Дома Лит.» 1922, № 8—9.

Эйхенбаум, Б. М. «Поэтические приемы Пушкина». Доклад на Пушкинском вечере в «Доме Литераторов» (СПб), 1921, II, 13—«Вестн. Литер.» 1921, № 3, (27).

Язвницкий, В. «Кто был герой повести Пушкина «Кирджали»? Доклад в Литерат. Секции Росс. Акад. Худож. Наук в Москве—1922, янв. 12.

ПУШКИН

в Высших Учебных Заведениях

МОСКВА

Московский 1-ый Государственный Университет.

В 1918 — 1919 г.г. пр.-доц. Историко-Филолог. Фак. Н. Н. Фатов вел семинарий по Пушкину. В 1919 — 20 ак. г. он же читал курс: «Введение в изучение Пушкина», специальный курс, I-ая часть, и вел семинарий по Пушкину. В 1920—21 ак. г. он же читал специальный курс: «Введение в изучение Пушкина», ч. 2-ая, и вел семинарий по Пушкину.

Исследовательский институт языка и истории литературы при Фак. Общ. Наук I-ого Моск. Гос. Университета. Секция русской литературы.

В 1921—22 ак. г. проф. Н. К. Пиксанов вел для научных сотрудников Института семинарий по Пушкину.

Предметом изучения руководитель предложил взять специальную тему: анализы «Евгения Онегина» (внешняя история работ поэта над романом, язык и стиль романа; его композиция, образы, лиремы, автобиографические черты, социология романа).

Помимо научных сотрудников Секции в заседаниях семинария принимали участие: П. Н. Сакулин, М. А. Пепровский, М. Л. Гофман, Н. К. Гудзий, Б. М. Соколов, М. А. Цявловский, Л. П. Гроссман, Н. Н. Фатов, А. К. Шнейдер, И. Н. Розанов, А. А. Реформатский, М. К. Шавердова, Е. И. Ружер, Л. Г. Цейплин, Л. М. Фридекс и др.

Были заслушаны следующие доклады:

1. 1922, I, 29. Н. К. Пиксанов. «Из анализов «Евгения Онегина». I. Образ Тамбьяны».
2. 1922, II, 3. Л. П. Гроссман. «Онегин и русский дендизм».
3. 1922, II, 12. Н. К. Пиксанов. «Из анализов «Евгения Онегина». II. Образ Евгения».
4. 1922, II, 19. В. А. Дружкина. «Уездная барышня в творчестве Пушкина. К истории образа Тамбьяны».

5. 1922, II, 26. Н. Ф. Бельчиков. «Внешняя история романа «Евгений Онегин».

6. 1922, III, 5. Д. А. Горбов. «Лирическая стихия и форма в романе «Евгений Онегин».

7. 1922, III, 12. Л. П. Богоявленский. «Лиризм в романе «Евгений Онегин».

8. 1922, III, 19. М. Л. Гофман. «Новые приобретения пушкинского текста».

9. 1922, III, 26. М. А. Петровский. Композиция повести Пушкина «Выстрел».

10. 1922, IV, 2. В. С. Нечаева. «Традиционные мотивы современной лирики, как предмет сапифры в романе «Евгений Онегин».

11. 1922, IV, 23. Н. П. Брагина. «Татьяна в композиции романа «Евгений Онегин».

12. 1922, V, 14. В. В. Баранов. «Автограф сонета Пушкина «Мадонна».

13. 1922, V, 21. В. В. Баранов. «Темп в романе «Евгений Онегин».

14. 1922, V, 28. Л. П. Гроссман. «Онегинская строфа»*.

Ввиду интереса к пушкинскому семинарию в среде его участников и гостей, решено было возобновить его в следующем акад. году. Заседания семинария 14. V. и 5. VI. 1922 были посвящены специально вопросу о дальнейших заседаниях и плане работ семинария. После обмена мнениями было принято предложение Н. К. Пиксанова: изучать крупные методологические вопросы литературной науки на материалах пушкинского творчества и пушкинской историографии — по предложенному им же списку тем.

В 1922—23 акад. году были заслушаны и обсуждены следующие доклады:

1. 1922, X, 25. Ю. И. Флик. «Пейзаж в «Е. Онегине».

2. 1922, XI, 2. Н. К. Пиксанов «Историография Пушкина».

3. 1922, XI, 9. В. А. Дружкина. «Формула «национальный поэт» в применении к Пушкину».

4. 1922, XI, 16. Д. А. Горбов. «Аполлон Григорьев — пушкинист».

5. 1922, XI, 23. Л. П. Гроссман. «Пушкин и Андрэ Шенбе».

6. 1922, XI, 30. Е. Д. Ровинская. «Ю. И. Айхенвальд — пушкинист».

---

* Воспроизводится в настоящем выпуске

7. 1922, XII, 7. Р. П. Маторина. «История работ акад. Л. Н. Майкова по Пушкину».

8. 1923, II, 1. В. С. Нечаева. «Этико-психологический и культурно-исторический метод М. О. Гершензона в его книге о Пушкине».

9. 1923, II, 15. В. А. Дружкина. «Андрей Белый — пушкинист».

10. 1923, III, 1. В. В. Баранов. «Методология «литературного влияния» в применении к Пушкину».

11. 1923, III, 8. С. М. Каценельсон. «Белинский — пушкинист и судьбы его традиции в пушкинизме».

12. 1923, IV, 26. А. Я. Цинговатов. «Пушкин в сознании Александра Блока».

Ввиду более позднего начала занятий и замедления в подготовке работ не могли быть заслушаны и обсуждены доклады: 1) Приемы и итоги изучения прозаического языка Пушкина; 2) Итоги ритмо-метрических изучений Пушкина; 3) Смена литературных стилей у Пушкина; 4) История текстологических работ по «Евг. Онегину» в связи с вопросами эдизционной техники; 5) Бытовой пропитан художественного образа по пушкинской историографии; 6) Приемы и пределы биографического исполнения поэзии на образцах из Пушкина; 7) Культ Пушкина у русских поэтов и критиков середины XIX-го века; 8) Пушкин в литературном сознании группы «Весов»; 9) Социологический метод в применении к Пушкину.

Постоянным секретарем Пушкинского семинария оба года был Н. Ф. Бельчиков. Для докладчиков было обязательным представление подробно разработанных тезисов. Протоколы прений велись по очереди участниками семинария; протоколы были подготовлены к печати, но не увидели света по типографским затруднениям.

Семинарием была начата коллективная работа: составление исчерпывающей библиографии и внутреннего описания воспоминаний о Пушкине. В заседании 5. VI. 1922 был подвергнут обсуждению корректурный список воспоминаний о Пушкине, составленный Н. Ф. Бельчиковым, и принят для описания воспоминаний метод, выработанный и осуществленный в Тургеневском и Некрасовском сборниках, под редакцией Н. К. Пиксанова. Однако, работа была потом приостановлена ввиду необеспеченности печатания библиографических трудов.

Вяч. И. Иванов вел семинарий по Пушкину во «Дворце Искусств» в 1918—20 ак. г.

В. Я. Брюсов вел семинарий «Творчество Пушкина» в Государственном Институте Слова в 1921—22 ак. г.

ОДЕССА

Проф. Ю. Г. Оксман вел в 1920 г. в Новороссийском Университете, а с 1921 г в Одесском Институте Народного Образования Пушкинский семинарий и читал специальный курс «Введение в пушкиноведение». Из работ, подготовляемых участниками семинария к печати, следует отметить:

Алексеев, М. П. «Пушкин и гр. Воронцова».

Страшен, В. В. «Пушкин и Чаадаев».

Сербский, Г. П. Записки Вигеля, как источник биографии Пушкина.

Брейтбург, С. М. «Записки Смирновой, как источник биографии Пушкина».

Под руководством Ю. Г. Оксмана велась работа слушателей по разысканию новых материалов о Пушкине в одесских архивах, при чем студ. Сербский, Г. П., обнаружил четыре неизвестных автографа Пушкина в денежных книгах канцелярии Новороссийского ген.-губ. за 1823 и 1824 г.г. (расписки Пушкина от 13 дек. 1823 г., от 4 февраля, 23 мая и 23 июня 1824 г.)

По архивным материалам Ю. Г. Оксман подготовляет к печати статьи: «Одесские вольнодумцы Пушкинской поры», «Неизвестное письмо Пушкина от 25 окт. 1827 г. к А. Ф. Смирдину (автограф)» и заканчивает работу «Пушкин и С. Т. Аксаков».

ОРЕЛ

В Орловском Высшем Педагогическом Институте (ныне закрытом) в 1921—22 ак. г. проф. Н. Н. Фатов читал специальный курс «Введение в изучение Пушкина», ч. 1-ая, и вел семинарий по Пушкину.

ТВЕРЬ

В Тверском Высшем Педагогическом Институте в 1922—23 ак. г. Б. А. Грифцов вел семинарий по Пушкину.

ВЕЧЕРА, концерты, собрания (сборного характера) в честь Пушкина.

— 1918, V, 18. Петербург, Садовая, 38. Вечер, посвященный памяти Пушкина в I-м социалистическом клубе «Красная Звезда». Вступ. слово В. В. Буша.

— 1918, IX, 15. Спектакль-концерт, посвященный Пушкину. СПб., Красносельский Госуд. Театр. Вступ. слово А. И. Куприна «Последние дни Пушкина»; «Скупой рыцарь», арт. Ге; «Евгений Онегин», с уч. арт. Мартынова, В. А. и Ольховской, Е. Г. Концертное отд. с уч. В. К. Устругова, Л. А. Андреевой-Дельмас, П. Я. Кузнер.

— 1921, февр. 11. Торжественное собрание представителей 24-х литературных организаций в день смерти Пушкина—СПб. Речи А. Ф. Кони, А. А. Блока, В. Ф. Ходасевича, Н. А. Копляревского и стихотворение памяти Пушкина М. А. Кузьмина. (Вест. Лип. 1921, № 3 (27), стр. 18—19).

— 1921, II, 13. Первый пушкинский вечер в «Доме Литераторов» в СПб. Речи, доклады и стихи Б. И. Харитона, А. А. Блока, М. А. Кузьмина, В. Ф. Ходасевича, Б. М. Эйхенбаума. (Вест. Лип. 1921, № 3 (27), стр. 18).

— 1921, II, 14. Камерный концерт «Пушкин и музыка» в «Доме Литераторов» в СПб. Участники: Е. М. Браудо, М. И. Бриан и М. А. Бихтер. Исп. романсы на пушкинские тексты и «Письмо Татьяны» из оп. «Евг. Он.» Чайковского («Вест. Лип.», 1921, № 3, (27), стр. 18).

— 1921, III, 5. Второй Пушкинский вечер в «Доме Литераторов» в СПб. Участники: Ф. К. Сологуб, Н. С. Гумилев, Н. О. Лернер, П. К. Губер. Вечер был отложен; неизвестно, состоялся ли позднее. («Вест. Лип.» 1921, № 3 (27), стр. 18).

— 1921, II, 26. Пушкинский вечер на Вас. О-ве (СПб.). Вступ. слово Н. М. Волковьского. Участвовали: А. А. Блок, М. А. Кузьмин, В. Ф. Ходасевич, Б. М. Эйхенбаум и Ф. К. Сологуб (доклад «Смерть Пушкина и русская интеллигенция») — («Вест. Лип.», 1921, № 3 (27), стр. 18).

— 1922, II, 10. Торжественное заседание в «Доме Литераторов» в память 85-летия со дня смерти Пушкина (СПб.). Вступит. слово А. Ф. Кони, речи П. К. Губера, Н. А. Копляревского, П. Е. Щеголева. Чтение стихотворений М. А. Кузьминым, А. А. Ахматовой, Ф. К. Сологубом [прочитал четыре строфы из романа, в котором героиня—Татьяна, и который написан в форме «Евгения Онегина», и стихотворение о Пушкине]. Во 2-м отд. сообщение Е. М. Браудо о «Моцарте и Салвери» и 10 романсов на

слова Пушкина, муз. Глинки и Даргомыжского, в исполнении З. Н. Артемьевой под аккомпанимент М. В. Нарбута.

— 1922, II, 11. Торжественное заседание 27 московских литературных, научных и артистических организаций в Больш. зале Консерватории в память 85-летия со дня смерти Пушкина (см. выше). Речи П. Н. Сакулина и В. Я. Брюсова. «Пролог» из оп. «Сказка о царе Салтане» муз. Н. А. Римского-Корсакова в исп. студии Большого театра под рук. К. С. Станиславского. Артистка Малого Гос. Театра А. А. Яблочкина прочла «Письмо Тамбьяны» и сцену последнего свидания Тамбьяны с Онегиным. Арт. Пашенная — отрывки из «Полтавы», А. И. Южин-Сумбатов (сп-ния «Памятник» и «Поэту») Н. А. Смирнова («Деревня», «Пророк» и «Узник»). Арт. Мос. Госуд. Акад. Художеств. Театра В. А. Вишневский, В. В. Лужский, С. В. Азанчевский, В. И. Вербицкий, К. Н. Еланская и Е. И. Раевская исполнили сцену из «Бориса Годунова». А. Л. Вишневский прочел монолог из «Бориса Годунова» и «Послание в Сибирь».

— 1922, II, 10. Пушкинский литературный вечер в Русск. О-ве Друзей Книги (Москва) Вступ. слово Б. А. Грифцова. Л. М. Леонидов «Пир во время чумы» — «Песнь председателя». В. К. Сережников — «Гр. Нулин». Соколов, «Воображаемый разговор с имп. Александром» и два анекдота.

— 1922, II, 12. Концерт в Государственной Филармонии из произведений на тексты Пушкина (СПб.) («Лет. Д. Лит.», 1922, № 8—9).

— 1922, II, 12. Заседание в память Пушкина в Институте Книговедения (б. Книжная Палата) в Петербурге под пред. ак. Н. К. Никольского. Речи ак. С. Ф. Ольденбург и А. Ф. Кони. («Лет. Д. Лит.», 1922, № 8—9).

— 1922, VI, 8. Торжественное заседание в пам. 123-й годовщины со дня рождения Пушкина в Больш. зале Моск. Консерватории (см. выше).

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОСТАНОВКИ ПУШКИНСКИХ ПЬЕС

МОСКВА

— В сез. 1920—1921 г. в Музыкальной Дrame (театр б. Солодовникова) под руководством т. Лапицкого была поставлена опера П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Постановка дана в перевезенных из Петербурга декорациях и костюмах быв. Петербургской Музыкальной Драммы, но с рядом

упрощений в декоративной и монтировочной части. Опера шла очень большое количество раз в течение сезонов 1920—1921 и 1921—1922 г.г.

— В сез. 1921—1922 г. в Госуд. Большом Акад. театре поставлена опера «Евгений Онегин» в новых декорациях и костюмах. В партии Ленского выступал Л. В. Собинов.

— В оперной студии Гос. Большого Акад. театра, руководимой К. С. Станиславским, поставлена опера «Евгений Онегин». Частично (1, 2 и 3 картины) этот спектакль был показан (под рояль) еще летом 1921 г. на сцене Московского Худ. театра, и в полном составе, в виде генеральной репетиции, в декорациях, но без грима и костюмов эпохи и также под рояль—в помещении студии в кв. К. С. Станиславского, в Леонтьевском пер. Осенью 1922 г. состоялось публичное открытие Студии в помещении Госуд. Нового театра; опера шла в окончательном виде под оркестр.

— Из других опер на пушкинские сюжеты в Москве в последние годы шли: «Руслан и Людмила» М. И. Глинки—в Большом Акад. театре. «Борис Годунов» М. П. Мусоргского (с уч. Шаляпина)—там же. «Сказка о Царе Салтане» Н. А. Римского-Корсакова—там же и «Пиковая дама» П. И. Чайковского—там же (новая постановка в сез. 1920—1921 г., при чем оркестром на первых представлениях дирижировал С. Куссевицкий). «Русалка» А. С. Даргомыжского—с уч. Шаляпина и Л. В. Собинова—там же, «Дубровский», с уч. Л. В. Собинова.

— Драматические вещи Пушкина за последние годы в Москве не исполнялись.

ПРОВИНЦИЯ

Орел. Драматической Студией при Орл. Высш. Пед. Инстит. под рук. В. С. Мурзаева был поставлен пушкинский спектакль—«Скупой Рыцарь», «Моцарт и Сальери» и инсценировка отрывков из «Полтавы»—в марте 1922 г.

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

В мае и июне 1922 г. во многих московских кино-театрах демонстрировалась большая картина по Пушкину «Дубровский». Съемка была произведена в Берлине.

В течение последних лет в Москве демонстрировались в кино-театрах (русской съемки) картины, составленные по повестям Пушкина «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка», «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Руслан и Людмила» (для детей).

— Пушкинская выставка. Организована была Петербургским Отделением Госиздата в Доме Литераторов с 11 по 17 февраля 1921 г. Выставлены были произведения Пушкина, иллюстрации к ним и книги о Пушкине, вышедшие за последние три года (Отчет в «Вестн. Лит.», 1921, № 3 (27), стр. 19—20).

— Выставка книг «Иллюстрированный Пушкин» в Русском О-ве Друзей книги (Москва), 1922, II, 10.

— Пушкинская выставка в Институте Книговедения (б. Книжная Палата) (СПб.). Выставлены были коллекции С. А. Венгерова. Открылась 1922, II, 12 («Лет. Дома Литер.», I 22, № 8—9).

— Выставка заграничных изданий Пушкина в Русс. О-ве Друзей Книги (Москва), 1922, II, 17.

— В пушкинском Доме при Академии Наук в СПб. открыта выставка «Пушкин и его современники» («Изв. ВЦИК», 1922, VI, 23, № 137).

— П. П. Муратов в О-ве Друзей Книги (Москва), 1921, II, 18, прочитал рассказ «Морали», в числе действующих лиц которого введен Пушкин.

— Пушкинскому Дому при Российской Академии Наук предоставлена квартира в доме № 12 по Мойке, в которой жил и умер Пушкин. Обстановка комнат восстанавливается в современном Пушкину виде («Известия ВЦИК», 1922, № 133 от 17 июня).

— Пушкинское имение Михайловское, а также Тригорское и Святогорский монастырь национализированы и поступили в ведение Главнауки Акцентпра Наркомпроса.

15 июля 1923 года в Одессе, в ознаменование исполнившегося столетия со времени приезда Пушкина в Одессу, происходили торжества, и была образована постоянная Пушкинская Комиссия по собиранию, научной разработке и изданию всех материалов, связанных с пребыванием Пушкина на юге.

Президиум Одесской Пушкинской Комиссии был избран в таком составе: А. М. Де-Рибас, Ю. Г. Оксман, В. Ф. Лазурский и секретарь Г. П. Сербский.

ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ
Общества Любителей Российской Словесности

ПУШКИН

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

редакция Н. К. ПИКСАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1924